УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
26 декабря 2018 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (2018)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Если обвиняемый скрылся в ходе судебного разбирательства, суд при наличии ходатайства стороны может рассмотреть уголовное дело в его отсутствие. В этом случае при устранении обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, по ходатайству осужденного или его защитника приговор, вынесенный заочно, отменяется и судебное разбирательство проводится в обычном порядке.

Из материалов уголовного дела следует, что при производстве расследования уголовного дела в отношении Т. мера пресечения в виде заключения под стражу была изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Постановлением судьи от 30 января 2012 г. рассмотрение уголовного дела в отношении Т. назначено на 7 февраля 2012 г. Мера пресечения в отношении Т. оставлена прежняя - в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Постановлением судьи от 8 февраля 2012 г. производство по уголовному делу приостановлено в связи с тем, что Т. скрылся и был объявлен его розыск.

Постановлением судьи от 25 марта 2013 г. производство по уголовному делу возобновлено, судебное заседание для рассмотрения ходатайства потерпевшей о рассмотрении дела в отсутствие подсудимого назначено на 3 апреля 2013 г.

3 апреля 2013 г. судьей постановлено продолжить рассмотрение уголовного дела в отношении Т. в отсутствие подсудимого.

Уголовное дело в соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ рассмотрено в отсутствие подсудимого, 10 апреля 2013 г. постановлен приговор, по которому Т. осужден по ч. 1 ст. 131 УК РФ, по ч. 1 ст. 132 УК РФ, по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (оставленный без изменения судом апелляционной инстанции).

28 марта 2018 года Т. был задержан в г. Иркутске.

В надзорной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного Т. просил отменить приговор и апелляционное определение, поскольку уголовное дело рассмотрено в отсутствие подсудимого, который скрылся в ходе судебного рассмотрения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил приговор и апелляционное определение в отношении Т. по следующим основаниям.

Согласно ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

В соответствии с ч. 7 ст. 247 УПК РФ в случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, приговор или определение суда, вынесенные заочно по ходатайству осужденного или его защитника, отменяются в порядке, предусмотренном главой 48 УПК РФ. Судебное разбирательство в таком случае проводится в обычном порядке.

На основании изложенного Президиум отменил приговор и апелляционное определение в отношении Т., уголовное дело передал на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 120П18

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой личных неимущественных прав

2. Граждане, проживая в жилых помещениях, имеют право на благоприятную окружающую среду, свободную от воздействия табачного дыма и любых последствий потребления табака соседями.

Нарушение этого права курящими соседями влечет обязанность компенсировать причиненный моральный вред.

Т., действующий в защиту интересов несовершеннолетнего Т.С., обратился в суд с иском к Ф. о запрете курения на лоджии и компенсации морального вреда в размере 250 000 руб., указав на то, что ответчик более пяти лет курит на лоджии, при этом дым от курения потоками воздуха затягивает в квартиру истца, чем подвергает риску здоровье и причиняет моральные страдания.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Отменяя решение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции в кассационном порядке, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала на то, что для правильного разрешения возникшего между сторонами спора суду с учетом заявленных исковых требований надлежало, в частности, установить, имеются ли препятствия к пользованию истцом занимаемым жилым помещением, чем вызваны данные препятствия (действиями ответчика либо иными причинами). С учетом изложенного дело было направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований о запрете курения на лоджии и в указанной части принял отказ истца от иска, в связи с чем в данной части производство по делу прекратил.

Отставляя решение суда первой инстанции без изменения в части отказа истцу в компенсации морального вреда, суд апелляционной инстанции указал на то, что качество воздуха, попадающего в квартиру истца, должно соответствовать качеству атмосферного воздуха населенных мест, установленному санитарными правилами «Гигиенические требования к обеспечению качества атмосферного воздуха населенных мест. СанПиН 2.1.6.1032-01»; уровни запаха санитарными нормами не регламентируются, в связи с чем доказательств нарушения гигиенических нормативов или гигиенических требований к качеству воздуха, попадающего в квартиру истца через открытое окно, суду не представлено. При этом субъективное восприятие запаха табака в квартире само по себе не может являться основанием для компенсации истцу морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные постановления в части отказа в удовлетворении требования о компенсации морального вреда и приняла в указанной части по делу новое решение о частичном

удовлетворении требований и взыскании с Ф. в пользу Т.С. компенсации морального вреда в размере 5000 руб. по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Закон о благополучии населения) среда обитания человека – совокупность объектов, явлений и факторов окружающей (природной и искусственной) среды, определяющая условия жизнедеятельности человека; вредное воздействие на человека – воздействие факторов среды обитания, создающее угрозу жизни или здоровью человека либо угрозу жизни или здоровью будущих поколений; благоприятные условия жизнедеятельности человека – состояние среды обитания, при котором отсутствует вредное воздействие ее факторов на человека (безвредные условия) и имеются возможности для восстановления нарушенных функций организма человека; безопасные условия для человека – состояние среды обитания, при котором отсутствует опасность вредного воздействия ее факторов на человека.

В силу абзаца второго ст. 8 Закона о благополучии населения граждане имеют право на благоприятную среду обитания, факторы которой не оказывают вредного воздействия на человека.

В соответствии с абзацем четвертым ст. 10 Закона о благополучии населения граждане обязаны не осуществлять действия, влекущие нарушение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания.

Как следует из преамбулы Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака (заключена в г. Женеве 21 мая 2003 г.), к которой Российская Федерация присоединилась 24 апреля 2008 г., сигареты и некоторые другие изделия, содержащие табак, являются высокотехнологичными изделиями, разработанными таким образом, чтобы создавать и поддерживать зависимость, и многие содержащиеся в них компоненты и выделяемый ими дым являются фармакологически активными, токсичными, мутагенными и канцерогенными.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (далее – Закон об охране здоровья граждан) этот федеральный закон в соответствии с Рамочной конвенцией Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака регулирует отношения, возникающие в сфере охраны здоровья

граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

На основании п. 1 ст. 4 Закона об охране здоровья граждан одним из основных принципов охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака является соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона об охране здоровья граждан в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака граждане имеют право на благоприятную среду жизнедеятельности без окружающего табачного дыма и охрану здоровья от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

Как указано в ч. 2 ст. 9 Закона об охране здоровья граждан, граждане обязаны соблюдать нормы законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака; заботиться о формировании у детей отрицательного отношения к потреблению табака, а также о недопустимости их вовлечения в процесс потребления табака; не осуществлять действия, влекущие нарушение прав других граждан на благоприятную среду жизнедеятельности без окружающего табачного дыма и охрану их здоровья от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

Согласно ст. 288 ГК РФ собственник осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему жилым помещением в соответствии с его назначением.

В силу ч. 4 ст. 17 ЖК РФ пользование жилым помещением осуществляется с учетом соблюдения прав и законных интересов проживающих в этом жилом помещении граждан, соседей, требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических, экологических и иных требований законодательства, а также в соответствии с правилами пользования жилыми помещениями, утвержденными уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

По смыслу изложенных выше правовых норм граждане, проживая в жилом помещении, имеют право на благоприятную окружающую среду, свободную от воздействия табачного дыма и любых последствий потребления табака, обусловленных курением соседей. Право гражданина пользоваться жилым помещением свободно, в том числе курить в нем, должно осуществляться таким образом, чтобы последствия потребления табака, которые могут вызвать проникновение табачного дыма или запаха табака в жилое помещение соседей, не

распространялись за пределы помещения курящего лица и не причиняли неудобства соседям.

При рассмотрении дела судами установлено и не отрицалось ответчиком, что он осуществлял курение табака на лоджии своей квартиры, находящейся непосредственно под квартирой, занимаемой истцом.

Факт проникновения запаха в результате курения в квартиру истца как последствие потребления табака сторонами не оспаривался.

На основании ст. 150 ГК РФ здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п. 1).

Нематериальные блага защищаются в соответствии с названным выше кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения. В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо. В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами (п. 2).

Согласно ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В силу ст. 23 Закона об охране здоровья граждан за нарушение законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака устанавливается дисциплинарная, гражданско-правовая, административная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, действующее законодательство допускает компенсацию морального вреда за нарушение прав гражданина в сфере охраны здоровья от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. Это судами учтено не было.

Определение № 67-КГ17-16

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Раздел имущества, находящегося в общей собственности, осуществляется в целях прекращения права общей собственности и обеспечения возможности бывшим сособственникам максимально беспрепятственно самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться выделенным имуществом с учетом его целевого назначения, нуждаемости и заинтересованности в нем.

Добросовестность действий стороны по делу, изменившей свою позицию после вынесения решения суда, должна оцениваться судом апелляционной инстанции при повторном рассмотрении дела.

Я. обратилась в суд с иском к Б. о разделе жилых строений и земельного участка.

Судом установлено, что Я. принадлежали 24/100 доли, ответчику Б. – 76/100 доли в праве общей долевой собственности на два жилых строения (два дачных дома площадью 129,2 кв.м и 90,4 кв.м) и земельный участок площадью 8002 кв.м. Какой-либо сложившийся порядок пользования спорным имуществом отсутствовал.

Судом была назначена строительно-техническая экспертиза на предмет возможности раздела имущества и определения приемлемых вариантов такого раздела.

Согласно заключению эксперта определены варианты раздела домов и земельного участка.

Решением суда иск Я. удовлетворен. Прекращено право общей долевой собственности Я. и Б. на домовладение и земельный участок и произведен раздел данного имущества по варианту № 3, предложенному в заключении эксперта. Удовлетворяя требования истца, суд первой инстанции выделил в собственность Б. несколько жилых строений, а также земельный участок площадью 5541 кв.м. В собственность Я. суд выделил сарай и земельный участок площадью 2461 кв.м. При этом суд первой инстанции согласился с мнением сторон, включая мнение представителя Б. – П. (действующего на основании нотариально удостоверенной доверенности), полагавших наиболее приемлемым именно этот вариант, поскольку он отвечает интересам сторон, удобен в

пользовании имуществом по назначению, не предусматривает переоборудования и учитывает все компенсации.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, принято новое решение, которым прекращено право общей долевой собственности Я. и Б. на указанное выше имущество и произведен его раздел по варианту № 1, предложенному в заключении по результатам судебной строительно-технической экспертизы.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение, которым прекращено право общей долевой собственности Я. и Б. на указанное выше имущество и произведен его раздел по варианту № 1, предложенному в заключении эксперта (по данному варианту требуется проведение строительных работ по переустройству и переоборудованию жилых домов), суд апелляционной инстанции исходил из необходимости выделить каждому из участников общей собственности часть каждого из объектов, соответствующую доле участников в праве общей собственности. Я. выделен земельный участок площадью 1920 кв.м, Б. – 6082 кв.м с конфигурацией, обеспечивающей для каждой из сторон возможность прохода к выделенным частям обоих домов.

При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что раздел домов и земельного участка по варианту № 3 существенно нарушает права Б., поскольку он не просил передать ему весь дом за счет уменьшения площади полагающейся ему доли земельного участка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указала следующее.

В соответствии со ст. 252 ГК РФ имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками по соглашению между ними (п. 1). Участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества (п. 2). При недостижении участниками долевой собственности соглашения о способе и условиях раздела общего имущества или выдела доли одного из них участник долевой собственности вправе в судебном порядке требовать выдела в натуре своей доли из общего имущества (п. 3). В случаях, когда доля собственника незначительна, не может быть реально выделена и он не имеет существенного интереса в использовании общего имущества, суд может и при отсутствии согласия этого собственника обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему компенсацию (п. 4).

В п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской

Федерации» разъяснено, что при невозможности раздела имущества между всеми участниками общей собственности либо выдела доли в натуре одному или нескольким из них суд по требованию выделяющегося собственника вправе обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему денежную компенсацию, с получением которой сособственник утрачивает право на долю в общем имуществе.

В исключительных случаях, когда доля сособственника незначительна, не может быть реально выделена и он не имеет существенного интереса в использовании общего имущества, суд может и при отсутствии согласия этого сособственника обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему компенсацию (п. 4 ст. 252 ГК РФ).

Вопрос о том, имеет ли участник долевой собственности существенный интерес в использовании общего имущества, решается судом в каждом конкретном случае на основании исследования и оценки в совокупности представленных сторонами доказательств, подтверждающих, в частности, нуждаемость в использовании этого имущества в силу возраста, состояния здоровья, профессиональной деятельности, наличия детей, других членов семьи, в том числе нетрудоспособных, и т.д.

По смыслу приведенной нормы права и акта ее толкования раздел находящегося в общей собственности имущества не предполагает обязательного выдела всем сособственникам доли либо части в каждой из входящих в состав общего имущества вещей, включая недвижимое имущество. Целью раздела является прекращение общей собственности и обеспечение возможности бывшим сособственникам максимально беспрепятственно самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться выделенным имуществом с учетом его целевого назначения, нуждаемости и заинтересованности в нем. При наличии в общей собственности нескольких объектов раздел объектов в натуре может быть признан обоснованным, если судом установлена невозможность по каким-либо причинам выдела каждому из участников общей собственности самостоятельных объектов из числа имеющихся.

Принудительный раздел имущества судом не исключает, а, напротив, предполагает, что сособственники не достигли соглашения и раздел производится вопреки желанию кого-либо из них, а при определенных условиях возможен не только раздел вопреки воли одного из сособственников, но и выплата ему денежной компенсации вместо его доли в имуществе.

По данному делу невозможность раздела по предложенному экспертом варианту № 3 с предоставлением каждой из сторон отдельных самостоятельных объектов не установлена. Несогласие одной из сторон

с вариантом раздела само по себе не исключает возможности принятия судом такого варианта.

Производя раздел спорных домовладений и земельного участка по варианту № 1, суд апелляционной инстанции не учел, что такой вариант раздела требует как дополнительных существенных затрат и компенсационных выплат, так и проведения сторонами строительных работ. Кроме того, вариант раздела № 1 требует формирования земельных участков сложной конфигурации, а также установления сервитута на часть помещений в жилых домах, вопрос о которых судом апелляционной инстанции не разрешен. Выделяя сторонам части единых объектов, суд апелляционной инстанции не учел, что между ними сложились конфликтные отношения, что осложняет пользование различными частями единого строения.

Судом при отмене решения суда первой инстанции допущены также и существенные нарушения норм процессуального права.

Удовлетворяя исковые требования Я., суд первой инстанции исходил из того, что обе стороны согласились с разделом домов и земельного участка по варианту № 3.

При этом сторонами обсуждены, а судом в решении оценены обстоятельства, касающиеся въезда на подлежащий разделу земельный участок.

При обсуждении названных вопросов от имени Б. в суде выступал уполномоченный им нотариальной доверенностью представитель П. Сам Б., находясь в здании суда, в судебное заседание не явился, а после вынесения решения в апелляционной жалобе сослался на несогласие с принятым решением.

В соответствии с ч. 1 ст. 330 ГПК РФ основаниями для отмены решения суда в апелляционном порядке являются: неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела; недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела; несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела; нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

Подобного рода оснований для отмены решения суда первой инстанции в апелляционном определении не приведено.

В ч. 1 ст. 35 ГПК РФ предусмотрено, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

В соответствии с пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей в том числе в получении необходимой информации.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ).

При рассмотрении данного дела судом первой инстанции представитель ответчика П. против удовлетворения заявленных требований не возражал, согласился с предложенным вариантом раздела спорного имущества.

Каких-либо данных о том, что доверенность представителя Б. была отменена доверителем либо полномочия представителя были ограничены иным способом, а также о том, что доверитель довел до суда иную позицию, дающую суду основания не принимать во внимание позицию его представителя, в материалах дела не имеется.

Однако после принятия решения судом первой инстанции ответчик подал апелляционную жалобу на это решение, содержащую доводы о несогласии с принятым судом вариантом раздела № 3 и требование произвести раздел по варианту № 1, что послужило основанием для отмены решения судом апелляционной инстанции.

Между тем по смыслу приведенных выше положений ст. 330 ГПК РФ несогласие с решением суда первой инстанции либо другая точка зрения стороны на то, как могло быть рассмотрено дело, сами по себе не являются основанием для отмены или изменения судебного решения, а суду апелляционной инстанции следовало дать оценку изменению позиции стороны после вынесения решения.

Определение № 4-КГ17-66

4. Отсутствие нарушений со стороны организатора публичных торгов не является безусловным основанием для отказа

в удовлетворении требований собственника реализованного на торгах имущества о признании этих торгов недействительными.

К. обратилась с иском к организатору публичных торгов (далее – общество), Ф. о признании торгов и договора купли-продажи недействительными и применении последствий их недействительности.

В обоснование требований истец указала, что 15 сентября 2015 г. общество, действующее на основании контракта, заключенного с территориальным управлением Росимущества в субъекте Российской Федерации (далее – ТУ Росимущества), были организованы и проведены торги в форме открытого аукциона по реализации принадлежащей истцу квартиры, на которую в рамках исполнительного производства был наложен арест.

Исполнительные действия по реализации недвижимого имущества производились на основании исполнительного листа во исполнение заочного решения суда от 2 июля 2014 г. по иску ипотечного агента к К., Ж. о расторжении договора займа, взыскании долга и об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество.

Победителем указанных торгов признана Ф., с который 28 сентября 2015 г. общество заключило договор купли-продажи данной квартиры.

Поскольку К. не была извещена о судебном разбирательстве и вынесении названного заочного решения, а также о возбуждении исполнительного производства, об аресте квартиры и о реализации ее с торгов, она продолжала вносить платежи в счет погашения долга по договору займа.

Узнав о данных обстоятельствах, К. обратилась в суд с заявлением об отмене заочного решения, которое определением суда от 13 ноября 2015 г. было удовлетворено.

При новом рассмотрении дела решением суда от 3 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 26 апреля 2016 г., отказано в удовлетворении исковых требований залогодержателя закладной к К., Ж. о расторжении договора займа, взыскании долга и об обращении взыскания на заложенное имущество.

При таких обстоятельствах, по мнению истца, основания для продажи ее квартиры с торгов отсутствовали.

Кроме того, К. указано, что реализация спорной квартиры осуществлена по цене, определенной названным выше заочным решением в соответствии с отчетом об оценке по состоянию на 2010 г., что значительно ниже фактической рыночной стоимости недвижимого имущества на дату проведения торгов.

По утверждению истца, извещение о проведении торгов было размещено в сети «Интернет» с нарушением срока, а в периодических печатных изданиях информация о проведении торгов не публиковалась.

На основании изложенного К. просила признать указанные выше торги недействительными, признать недействительным договор купли-продажи квартиры, заключенный между обществом и Ф., применить последствия недействительности сделки, истребовать квартиру у Ф. и прекратить ее право собственности на квартиру, признав это право за К.

В ходе судебного разбирательства Ф. также заявила иск к обществу и ТУ Росимущества о признании договора купли-продажи квартиры недействительным и применении последствий недействительности сделки.

Разрешая спор и удовлетворяя иск К. по данному делу, суд первой инстанции указал, что ипотечный агент предъявил иск в отсутствие законных оснований для таких притязаний и действовал недобросовестно, поскольку ему было достоверно известно о надлежащем исполнении заемщиком обязательств, а допущенная просрочка платежей на день вынесения судом заочного решения от 2 июля 2014 г. была погашена в полном объеме.

Как до обращения истца с иском в суд, так и после К. вносились очередные периодические платежи по договору займа, однако о таких платежах ипотечный агент не сообщил ни в суде, ни при обращении взыскания на заложенное имущество.

Кроме того, признавая торги и последующий договор купли-продажи квартиры недействительными, суд первой инстанции указал, что цена квартиры на торгах была установлена в соответствии с отчетом пятилетней давности об оценке рыночной стоимости квартиры от 12 апреля 2010 г., в то время как по представленному в суд заключению эксперта рыночная цена квартиры в 2015 г. была в полтора раза выше цены ее продажи на торгах.

Удовлетворяя исковые требования К., суд удовлетворил также и иск Ф. в части взыскания с ТУ Росимущества уплаченной по договору купли-продажи денежной суммы.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение в части удовлетворения исков и отказывая в их удовлетворении, указал, что при организации и проведении торгов по продаже спорного имущества организатором торгов каких-либо нарушений допущено не было, а следовательно, оснований для удовлетворения иска К. не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Организация и порядок проведения торгов, а также заключения договора на торгах установлены ст. 447 и 448 ГК РФ (здесь и далее – в редакции, действующей с 1 июня 2015 г.).

Согласно ст. 449^1 указанного кодекса под публичными торгами понимаются торги, проводимые в целях исполнения решения суда или

исполнительных документов в порядке исполнительного производства, а также в иных случаях, установленных законом. Правила, предусмотренные ст. 448 и 449 названного кодекса, применяются к публичным торгам, если иное не установлено данным кодексом и процессуальным законодательством (п. 1). Должник, взыскатели и лица, имеющие права на имущество, продаваемое на публичных торгах, вправе на них присутствовать (п. 3).

В ст. 93 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» определено, что торги могут быть признаны недействительными по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ГК РФ.

В силу положений ст. 449 названного кодекса торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица в случае, если кто-либо необоснованно был отстранен от участия в торгах; на торгах неосновательно была не принята высшая предложенная цена; продажа была произведена ранее указанного в извещении срока; были допущены иные существенные нарушения порядка проведения торгов, повлекшие неправильное определение цены продажи; были допущены иные нарушения правил, установленных законом (п. 1).

Признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги, и применение последствий, предусмотренных ст. 167 названного кодекса (п. 2).

Как разъяснено в п. 71 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», приведенный в п. 1 ст. 449 ГК РФ перечень оснований для признания публичных торгов недействительными не является исчерпывающим. Такими основаниями могут быть, в частности, публикация информации о проведении публичных торгов в ненадлежащем периодическом издании (с учетом объема тиража, территории распространения, доступности издания); нарушение сроков публикации и полноты информации о времени, месте и форме публичных торгов, их предмете, о существующих обременениях продаваемого имущества и порядке проведения публичных торгов, в том числе об оформлении участия в них, определении лица, выигравшего публичные торги, а также сведений о начальной цене (п. 2 ст. 448 ГК РФ); необоснованное недопущение к участию в публичных торгах; продолжение публичных торгов, несмотря на поступившее от судебного пристава-исполнителя сообщение о прекращении обращения взыскания на имущество.

Нарушения, допущенные организатором публичных торгов, признаются существенными, если с учетом конкретных обстоятельств дела судом будет установлено, что они повлияли на результаты

публичных торгов (в частности, на формирование стоимости реализованного имущества и на определение победителя торгов) и привели к ущемлению прав и законных интересов истца.

На то, что предусмотренный п. 1 ст. 449 ГК РФ перечень оснований для признания торгов недействительными не является исчерпывающим и не ограничивается нарушениями организаторов торгов, указано также в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2016 г. № 2, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2016 г., согласно которому публичные торги могут быть признаны недействительными и в связи с нарушениями, допущенными судебным приставом-исполнителем, повлекшими незаконную передачу на публичные торги имущества должника, например, при возбуждении исполнительного производства в отсутствие законных оснований для его возбуждения, при обращении взыскания на имущество, не подлежащее реализации.

То обстоятельство, что соответствующие постановления (действия) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве, не является основанием для отказа в иске заинтересованного лица о признании публичных торгов недействительными. Законность этих постановлений (действий) судебного пристава-исполнителя суд оценивает при рассмотрении иска о признании публичных торгов недействительными.

Из приведенных положений закона и актов его толкования следует, что отсутствие нарушений со стороны организатора торгов само по себе не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении требований о признании торгов недействительными.

Не соглашаясь с основаниями, примененными судом первой инстанции для признания торгов и заключенной на них сделки недействительными, суд апелляционной инстанции фактически не рассмотрел иные обстоятельства, указанные истцом в обоснование иска, в частности связанные с лишением истца возможности воспользоваться своими правами при реализации ее имущества и повлиявшие на формирование его стоимости при продаже на торгах.

Отклоняя доводы истца в части, касающейся формирования цены реализованного имущества, суд апелляционной инстанции указал, что К. не воспользовалась правом подать заявление об изменении порядка и способа исполнения решения суда для надлежащего определения начальной продажной цены имущества.

При этом суд апелляционной инстанции не учел установленный судом первой инстанции факт того, что истцу не было известно о рассмотрении судом дела по иску об обращении взыскания на ее имущество, об определении его начальной продажной цены, равно как и впоследствии ей не было известно о действиях судебного пристава-

исполнителя по возбуждению исполнительного производства и о продаже ее имущества на торгах.

Таким образом, истец не была допущена к процессу реализации ее имущества, вследствие чего начальная продажная цена была установлена на основании оценки пятилетней давности, воспользоваться правом на подачу заявления о ее изменении К., как это следует из установленных судом обстоятельств, не могла, а квартира продана по цене значительно ниже ее действительной стоимости.

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 12 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

По смыслу ст. 3 названного кодекса право на обращение в суд на любой его стадии предполагает обращение заинтересованного лица в защиту своих прав, свобод или законных интересов.

Обращение в защиту прав, свобод и интересов других лиц может производиться в случаях, предусмотренных названным кодексом или другими федеральными законами (ч. 2 ст. 4 ГПК РФ).

Отменяя решение суда исключительно по жалобе организации по ипотечному жилищному кредитованию, суд апелляционной инстанции не указал, чем нарушены права данного заявителя.

При этом суд апелляционной инстанции не опроверг и не поставил под сомнение выводы суда первой инстанции о том, что ни на момент проведения торгов, ни позже у К. не было никаких долгов перед данным кредитором.

Не опровергнуты и не поставлены под сомнение судом апелляционной инстанции и выводы суда первой инстанции о злоупотреблении правом со стороны взыскателя, правопреемником которого является юридическое лицо, подавшее апелляционную жалобу.

Согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ в случае несоблюдения требований о недопустимости злоупотребления правом суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

Удовлетворяя апелляционную жалобу взыскателя и отменяя по его требованию решение суда, суд апелляционной инстанции приведенные положения закона не учел.

Определение № 37-КГ17-12

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

5. При наличии разногласий сторон о сроке действия договора, подлежащего заключению на основании решения суда, такой срок определяется судом в силу п. 1 ст. 446 ГК РФ.

К. обратился в суд с исковым заявлением к местной администрации о разрешении разногласий при заключении договора аренды земельного участка.

Судом по делу установлено, что К. с 1 октября 2014 г. принадлежит на праве собственности двухэтажное нежилое производственно-складское здание. Спорный земельный участок, на котором находится данное нежилое здание, имеет разрешенное использование «для эксплуатации административных, производственно-складских помещений».

Решением суда от 27 июля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 13 октября 2015 г., признано незаконным решение местной администрации об отказе в предоставлении К. в аренду спорного земельного участка, суд обязал администрацию заключить с К. договор аренды земельного участка.

25 ноября 2015 г. К. обратился в местную администрацию с заявлением о предоставлении спорного земельного участка в аренду сроком на 49 лет с 13 октября 2015 г. до 13 октября 2064 г.

В ответ на это обращение К. ответчиком представлен проект договора аренды спорного земельного участка, в котором срок аренды установлен с 13 октября 2015 г. на неопределенный срок, но не более чем на срок резервирования данного земельного участка для муниципальных нужд.

Не согласившись с проектом договора в части срока аренды земельного участка, К. направил ответчику возражения на него, которые были отклонены со ссылкой на отсутствие в названном выше решении суда указания на конкретные сроки аренды земельного участка.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, применив положения подп. 9 п. 2 ст. 39^6, подп. 17 п. 8 ст. 39^8, п. 12 ст. 39 ЗК РФ, п. 3 ст. 610 ГК РФ, пришел к выводу об обоснованности исковых требований К.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в иске, суд апелляционной инстанции, сославшись на положения ст. 209 и 610 ГК РФ, указал, что право установления срока договора аренды принадлежит арендодателю, который такой срок определил в представленном арендатору проекте договора аренды спорного земельного участка – с 13 октября 2015 г. на неопределенный срок, но не более чем на срок резервирования данного земельного участка для муниципальных нужд.

При этом, отклоняя доводы истца о том, что в силу п. 12 ст. 39^8 ЗК РФ срок договора аренды в данном случае устанавливается по выбору арендатора, суд апелляционной инстанции сослался на то, что вопрос о заключении договора аренды был решен на основании судебного акта.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 13 ГПК РФ вступившие в законную силу судебные постановления являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 61 данного кодекса обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица.

В силу ч. 2 ст. 209 этого же кодекса после вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же исковые требования, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения.

Аналогичные разъяснения даны в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении».

Приведенные положения процессуального закона и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации направлены на обеспечение обязательности вступивших в законную силу судебных постановлений и законности выносимых судом постановлений в условиях действия принципа состязательности.

Вступившим в законную силу решением суда на местную администрацию возложена обязанность заключить с К. договор аренды земельного участка.

Данное судебное постановление не исполнено, поскольку между сторонами возник спор о сроке действия подлежащего заключению договора аренды земельного участка.

Таким образом, обращаясь в суд с данным иском, К. просил суд рассмотреть и разрешить разногласия, возникшие при заключении обязательного для ответчика договора аренды земельного участка.

В силу п. 1 ст. 446 ГК РФ в случаях передачи разногласий, возникших при заключении договора, на рассмотрение суда на основании ст. 445 этого кодекса либо по соглашению сторон условия договора, по которым у сторон имелись разногласия, определяются в соответствии с решением суда.

По смыслу приведенных выше норм права разрешение судом спора о наличии разногласий по конкретным условиям подлежащего заключению договора сводится по существу к внесению определенности

в правоотношения сторон и определению судом условий, не урегулированных сторонами в досудебном порядке. Установление судом или изменение при рассмотрении такого спора фактических обстоятельств, влияющих на формулировку искового требования, не меняют его предмета как спора об условиях договора и не должны приводить к отказу суда в их определении, поскольку последствием такого отказа является необходимость предъявления нового иска, что может привести к нарушению прав на судопроизводство в разумный срок.

Определение № 49-КГ17-34

6. Требования о взыскании арендных платежей за периоды, которые истекли после возбуждения дела о банкротстве арендатора, являются текущими и не подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве.

Индивидуальный предприниматель (далее – ИП) обратился в суд с иском к Б. и с учетом уточнения исковых требований просил взыскать с ответчика задолженность по договору аренды места на территории яхт-клуба за период с 4 марта 2015 г. по 4 ноября 2016 г.

Судом по делу установлено, что 28 июня 2011 г. между ИП (арендодателем) и Б. (арендатором) заключен договор аренды, по условиям которого арендодатель предоставил арендатору за плату на территории яхт-клуба во временное владение место для стоянки маломерного судна. Срок аренды установлен с 25 июня 2012 г. по 23 июня 2013 г., арендная плата определена в сумме 132 000 руб., суточный тариф – 542 руб.

Условиями договора также предусмотрено, что по окончании срока его действия арендатор обязан незамедлительно забрать судно. При нарушении данного условия арендатор обязан уплатить стоимость арендной платы сверх срока по двойной ставке.

Как следует из материалов дела, судно ответчика помещено на стояночное место в 2012 г., где и находилось на момент рассмотрения спора. 4 марта 2015 г. определением арбитражного суда принято заявление К. о признании индивидуального предпринимателя Б. несостоятельным (банкротом), на имущество должника наложен арест. Решением арбитражного суда от 14 декабря 2015 г. признано обоснованным заявление К. о признании Б. несостоятельным (банкротом), введена процедура реструктуризации долгов.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования ИП, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что арендатор, своевременно не возвративший арендованное имущество, по требованию арендодателя должен внести арендную плату за все время просрочки. При этом суд, руководствуясь положениями ст. 5 и 213^{11} Федерального закона от

26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и разъяснениями, содержащимися в п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве», исходил из того, что требования, вытекающие из договорных обязательств, предусматривающих периодическое внесение должником платы за пользование имуществом (договор аренды), за те периоды, которые истекли после возбуждения дела о банкротстве, являются текущими, не подлежащими включению в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве.

Отменяя решение суда первой инстанции и оставляя исковое заявление ИП без рассмотрения, суд апелляционной инстанции указал на то, что спорные правоотношения сторон вытекают не из договора аренды, а из обязательства по возврату неосновательного обогащения, а следовательно, требования истца не носят текущего характера и их рассмотрение невозможно за рамками дела о банкротстве.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что судом апелляционной инстанции не было учтено следующее.

Арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату), порядок, условия и сроки внесения которой определены договором аренды (п. 1 ст. 614 ГК РФ).

Согласно ст. 622 ГК РФ при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором. Если арендатор не возвратил арендованное имущество либо возвратил его несвоевременно, арендодатель вправе потребовать внесения арендной платы за все время просрочки. В случае, когда указанная плата не покрывает причиненных арендодателю убытков, он может потребовать их возмещения.

Таким образом, плата за фактическое пользование арендуемым имуществом после истечения срока действия договора производится в размере, определенном этим договором. Прекращение договора аренды само по себе не влечет прекращение обязательства по внесению арендной платы, поэтому требования о взыскании арендной платы за фактическое пользование имуществом вытекают из договорных отношений, а не из обязательства о неосновательном обогащении.

В силу п. 2 ст. 5 названного выше федерального закона требования кредиторов по текущим платежам не подлежат включению в реестр требований кредиторов. Кредиторы по текущим платежам при проведении соответствующих процедур, применяемых в деле о банкротстве, не признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве.

При этом согласно п. 1 этой же статьи под текущими платежами понимаются денежные обязательства и обязательные платежи, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом.

По смыслу данной нормы права текущими являются любые требования об оплате товаров, работ и услуг, поставленных, выполненных и оказанных после возбуждения дела о банкротстве, в том числе во исполнение договоров, заключенных до даты принятия заявления о признании должника банкротом.

Поскольку судами установлено, что по окончании срока действия договора аренды ответчик не освободил арендуемое место, что повлекло для него в силу п. 2 ст. 622 ГК РФ и договора аренды обязанность производить оплату аренды в соответствии с условиями договора, то есть периодическими денежными платежами, выводы суда апелляционной инстанции о том, что требования истца не носят текущего характера и подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве, нельзя признать основанными на законе.

Определение № 32-КГ17-37

Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда

7. Ответственность за причинение вреда здоровью вследствие ненадлежащего содержания прилегающего к объекту недвижимости земельного участка несет лицо, на которое в силу закона возложена обязанность по содержанию этого участка.

А. обратился в суд с иском к управляющей компании, Л. о взыскании утраченного заработка, компенсации морального вреда, судебных расходов. Исковые требования обоснованы неисполнением ответчиками обязанностей, связанных с надлежащим содержанием территории, прилегающей к объектам недвижимости, в результате чего истцу причинен средней тяжести вред здоровью.

Судами установлено, что в результате падения А., произошедшего из-за неочищенной наледи около нежилого помещения, являющегося пристроенным объектом к многоквартирному дому, истцу причинен средней тяжести вред здоровью. Собственником нежилого помещения в одноэтажной пристройке к этому дому является Л.

Согласно ответу, предоставленному местной администрацией, земельные участки под многоквартирными домами, расположенные вдоль межквартального проезда, где получил травмы истец, не сформированы и не поставлены на государственный кадастровый учет.

Разрешая спор по существу и определяя лицо, ответственное за ненадлежащее содержание территории, суд с учетом положений ст. 1064, 1083, 1085 ГК РФ и правил благоустройства, обеспечения чистоты и порядка на территории муниципального образования (далее – правила благоустройства) исходил из отсутствия заключенного Л. договора на уборку территории, в связи с чем пришел к выводу о том, что обязанность по надлежащему содержанию территории, обеспечивающей безопасное передвижение пешеходов на прилегающей к объекту недвижимости территории, должна быть возложена на Л. как собственника нежилого помещения.

Суд апелляционной инстанции поддержал позицию суда первой инстанции, указав также, что апелляционная жалоба не содержит доводов об оспаривании вывода суда, согласно которому Л. является надлежащим ответчиком по заявленным требованиям.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

При определении обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения заявленного спора, судами не учтены положения ст. 15 и 1064 ГК РФ, согласно которым для наступления гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков истцу необходимо доказать наличие следующих (обязательных) условий: совершение противоправных действий конкретным лицом, то есть установить лицо, совершившее действие (бездействие), размер заявленных убытков и причинно-следственную связь между противоправными действиями и наступившим вредом. Ответчику, в свою очередь, следует представить доказательства отсутствия его вины в наступлении неблагоприятных последствий.

Статьей 210 ГК РФ установлено, что собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. Следовательно, случаи возложения бремени содержания имущества лицом, не являющимся его собственником, могут быть установлены лишь федеральными законами, к которым правила благоустройства не относятся, или договором.

В соответствии со ст. 40, 41 и 42 ЗК РФ правом на использование земельных участков наделены собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков, на которых возложена обязанность соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов.

Из анализа приведенных правовых норм в их системном единстве с Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», регулирующим

отношения в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, ст. 37–39 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» следует, что федеральное законодательство не возлагает на граждан и юридических лиц обязанности по содержанию иных территорий, кроме земельных участков, находящихся в их собственности или владении. Возложение на собственников, владельцев, пользователей объектов недвижимости обязанности по содержанию территории, прилегающей к их земельным участкам, может быть осуществлено либо на основании федерального закона, либо на основании договора.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», допуская установление органами местного самоуправления порядка участия собственников зданий (помещений в них) и сооружений в благоустройстве прилегающих территорий, не предусматривает возложение на них обязанностей по содержанию таких территорий помимо их воли.

Из материалов дела следует, что земельные участки под многоквартирными домами, расположенные вдоль межквартального проезда, где получил травмы истец, не сформированы и не поставлены на государственный кадастровый учет. Собственником земельного участка, на котором произошло падение истца, Л. не является.

Разрешая исковые требования А., суды в нарушение указанного законодательства, возлагая обязанность по возмещению вреда здоровью на Л., руководствовались не федеральным законом или договором, а правилами благоустройства, согласно которым обязанности по уборке десятиметровой территории, прилегающей к границам занимаемых юридическими и физическими лицами зданий, к огражденным забором территориям, а также подъездов к ним и десятиметровой территории, прилегающей к подъездным путям, в том числе по вывозу образовавшегося на прилегающей территории мусора, возлагаются на лиц, осуществляющих на указанных территориях или в зданиях хозяйственную или иную деятельность.

Судами не приняты во внимание положения пп. 1 и 2 ст. 3 ГК РФ, согласно которым гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации, состоит из данного кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в пп. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ. Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать данному кодексу.

Таким образом, суды при рассмотрении спора должны были руководствоваться ч. 2 ст. 11 ГПК РФ, согласно которой суд, установив при разрешении гражданского дела, что нормативный правовой акт не соответствует нормативному правовому акту, имеющему большую

юридическую силу, применяет нормы акта, имеющего наибольшую юридическую силу.

Суд апелляционной инстанции не учел указанную норму права и не проанализировал, соответствуют ли названные правила благоустройства федеральному законодательству и могут ли они применяться при рассмотрении данного спора.

Из изложенного следует, что обстоятельством, имеющим значение для правильного разрешения спора, являлось установление принадлежности земельного участка, в границах которого получил повреждения истец, ответчикам по данному делу или иным лицам, и, как следствие, основания возложения на них ответственности за причиненный ущерб. Однако данное обстоятельство не получило надлежащей оценки суда.

Определение № 50-КГ18-7

8. Расходы на приобретение новых материалов, необходимых для восстановления поврежденного имущества, входят в состав убытков, подлежащих возмещению причинителем вреда.

И. обратилась в суд с иском к М.Ш. и М.Н. о возмещении убытков, причиненных повреждением жилого дома и компенсации морального вреда.

Судом по делу установлено, что И. принадлежит доля в праве собственности на жилой дом. На земельном участке, принадлежащем М.Н. и прилегающем к жилому дому истца, ведется строительство трехэтажного жилого дома с магазином на первом этаже.

Органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, проведена проверка обращения истца о нарушении градостроительного законодательства при осуществляемом М.Н. строительстве, по результатам которой установлено, что вследствие осуществления ответчиками строительных работ вплотную к стене жилого дома истца в несущих стенах и перегородках этого дома образовались трещины.

В соответствии с выводами, содержащимися в заключении по результатам судебной строительно-технической экспертизы, изменения в техническом состоянии принадлежащей И. части жилого дома (вертикальные и диагональные сквозные трещины, вертикальные и горизонтальные трещины и щели, отпадение плиток и отсутствие части погонных деталей) могли быть вызваны длительной эксплуатацией этой части жилого дома и проведением ответчиками указанных выше строительных работ на соседнем земельном участке.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, исследовав заключение эксперта в совокупности с другими доказательствами по делу (письменные доказательства, показания свидетеля), пришел к выводу о том, что причиной возникновения повреждений жилого дома истца, несовместимых с его дальнейшей эксплуатацией, являются осуществляемые М.Н. строительные работы по возведению трехэтажного строения вплотную к этому жилому дому.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что истцом не доказана причинно-следственная связь между осуществляемым М.Н. строительством и повреждениями, причиненными жилому дому истца, поскольку этот дом не соответствует требованиям, предъявляемым к строительству в сейсмических районах. Суд также сослался на то, что при определении размера причиненных истцу убытков суд первой инстанции неправомерно исходил из необходимости использования при возведении дома новых материалов и не учитывал износ дома, тем самым породив на стороне истца неосновательное обогащение.

Суд апелляционной инстанции также указал на невозможность установления размера причиненных истцу убытков в связи с тем, что И. осуществлен снос поврежденного жилого дома.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Судом установлено и сторонами не оспаривалось, что в принадлежащем И. жилом доме, вплотную к которому М.Н. ведет строительные работы, возникли повреждения.

При таких обстоятельствах суду апелляционной инстанции следовало дать оценку вопросу о том, имеется ли причинно-следственная связь между осуществляемым М.Н. строительством и возникновением названных повреждений.

Однако суд апелляционной инстанции в нарушение ст. 1064 ГК РФ не дал какой-либо оценки вопросу о причинах повреждения жилого дома истца, формально сославшись на несоответствие этого дома требованиям к строительству в сейсмических районах.

При этом судом апелляционной инстанции не учтено, что несоответствие жилого дома истца требованиям к строительству в сейсмических районах само по себе не свидетельствует об отсутствии причинно-следственной связи между действиями ответчика и причинением вреда имуществу истца, а также о том, что именно

несоответствие жилого дома истца требованиям к строительству в сейсмических районах привело к повреждению этого дома.

В п. 1 ст. 15 ГК РФ предусмотрено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Из приведенной правовой нормы и акта ее толкования следует, что отсутствие возможности установить размер убытков с разумной степенью достоверности само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении требования о возмещении убытков, поскольку в этом случае суду надлежит определить размер причиненных убытков с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

В соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В п. 13 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснено, что если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то, что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения.

Таким образом, расходы на приобретение новых материалов, необходимых для восстановления поврежденного имущества, входят в состав убытков, подлежащих возмещению причинителем вреда.

Однако суд апелляционной инстанции в нарушение приведенной правовой нормы и акта ее толкования указал на недопустимость

включения в состав убытков истца стоимости новых материалов, необходимых для восстановления разрушенного жилого дома.

Определение № 20-КГ17-21

9. В случае повреждения транспортного средства утрата его товарной стоимости относится к реальному ущербу наряду со стоимостью ремонта и запасных частей к нему.

А. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения в размере 167 431,54 руб., компенсации морального вреда, штрафа, к В. – о взыскании ущерба в размере 127 671, 03 руб., компенсации морального вреда, а также о взыскании с ответчиков пропорционально удовлетворенным требованиям расходов на нотариальное удостоверение доверенности, на оплату юридических услуг и стоимости независимой экспертизы.

Судом по делу установлено, что в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине В., автомобиль, принадлежащий А., получил механические повреждения.

В порядке прямого возмещения ущерба ответчик выплатил А. страховое возмещение в размере 232 568,46 руб.

Не согласившись с размером выплаченного страхового возмещения, потерпевшая обратилась к независимому эксперту, в соответствии с заключением которого стоимость восстановительного ремонта транспортного средства с учетом износа составила 450 381,03 руб., а утрата товарной стоимости – 77 290 руб.

Истцом в адрес ответчиков направлены претензии, которые оставлены ими без удовлетворения.

В ходе рассмотрения спора судом первой инстанции по ходатайству В. была назначена судебная автотехническая экспертиза.

Согласно заключению эксперта стоимость восстановительного ремонта автомобиля с учетом износа составила 217 978,33 руб., а вероятная утрата товарной стоимости – 43 336,63 руб.

По ходатайству истца судом первой инстанции была назначена дополнительная автотехническая экспертиза, в соответствии с заключением эксперта стоимость восстановительного ремонта автомобиля составила 220 977,20 руб.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что размер выплаченного ответчиком страхового возмещения превышает стоимость восстановительного ремонта транспортного средства истца, а следовательно, полностью возмещает причиненный А. ущерб.

При этом, учитывая предположительный характер выводов эксперта о размере утраты товарной стоимости, изложенных в

заключении эксперта, и отсутствие иных доказательств, позволяющих достоверно определить ее размер, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для возмещения утраченной товарной стоимости.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции и их обоснованием согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (действовавшего на момент рассмотрения судами настоящего спора) к реальному ущербу, возникшему в результате дорожно-транспортного происшествия, наряду со стоимостью ремонта и запасных частей относится также утраченная товарная стоимость, которая представляет собой уменьшение стоимости транспортного средства, вызванное преждевременным ухудшением товарного (внешнего) вида транспортного средства и его эксплуатационных качеств в результате снижения прочности и долговечности отдельных деталей, узлов и агрегатов, соединений и защитных покрытий вследствие дорожно-транспортного происшествия и последующего ремонта.

Аналогичные разъяснения приведены в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Таким образом, утрата товарной стоимости относится к реальному ущербу наряду со стоимостью ремонта и запасных частей автомобиля, поскольку уменьшение его потребительской стоимости нарушает права владельца транспортного средства, и в ее возмещении страхователю не может быть отказано.

Согласно разъяснениям, изложенным в абзаце втором п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из

принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Пункт 13 данного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что при разрешении споров, связанных с возмещением убытков, необходимо иметь в виду, что в состав реального ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которое это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использоваться новые материалы, то за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то, что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения. Размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной более разумный и распространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 10 марта 2017 г. № 6-П указал, что положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ – по их конституционно-правовому смыслу в системе мер защиты права собственности, основанной на требованиях ч. 1 ст. 7, чч. 1 и 3 ст. 17, чч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 35, ч. 1 ст. 46 и ст. 52 Конституции Российской Федерации, и вытекающих из них гарантий полного возмещения потерпевшему вреда, – не предполагают, что правила, предназначенные исключительно для целей обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, распространяются и на деликтные отношения, урегулированные указанными законоположениями.

Иное означало бы, что потерпевший лишался бы возможности возмещения вреда в полном объеме с непосредственного причинителя в случае выплаты в пределах страховой суммы страхового возмещения, для целей которой размер стоимости восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства определен на основании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов.

В контексте конституционно-правового предназначения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», как регулирующий иные страховые отношения, и основанная на нем Единая методика

определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства не могут рассматриваться в качестве нормативно установленного исключения из общего правила об определении размера убытков в рамках деликтных обязательств и, таким образом, не препятствуют учету полной стоимости новых деталей, узлов и агрегатов при определении размера убытков, подлежащих возмещению лицом, причинившим вред.

Таким образом, принцип полного возмещения убытков применительно к случаю повреждения транспортного средства предполагает, что в результате возмещения убытков в полном размере потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы его право собственности не было нарушено.

С учетом приведенных положений ст. 15 ГК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по применению этой нормы и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации судам следовало оценить совокупность имеющихся в деле доказательств, подтверждающих размер причиненных А. убытков.

Отказ в иске о возмещении убытков в полном объеме нарушает конституционный принцип справедливости и лишает заявителя возможности восстановления его нарушенных прав.

В случае несогласия с представленным истцом расчетом убытков обязанностью суда, предусмотренной действующим законодательством, являлось установление размера подлежащих возмещению убытков с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению, однако суды от данной обязанности фактически уклонились.

Определение № 18-КГ17-257

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

10. Гражданину, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, при котором совместное проживание с ним в одной квартире невозможно, соответствующее жилое помещение должно быть предоставлено незамедлительно после возникновения права на получение жилого помещения вне очереди.

Б. обратилась в суд с иском к органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации, местной администрации о возложении обязанности предоставить жилое помещение по договору социального найма во внеочередном порядке.

В обоснование заявленных требований истец указала на то, что является инвалидом I группы, постановлением местной администрации

Б. включена в сводный список граждан, нуждающихся в жилой площади по категории «граждане, страдающие тяжелыми формами хронических заболеваний». На обращение Б. к ответчику с заявлением о предоставлении ей жилого помещения во внеочередном порядке в соответствии со ст. 57 ЖК РФ ей сообщено, что рассмотреть данный вопрос не представляется возможным в связи с отсутствием жилого помещения из жилищного фонда субъекта Российской Федерации.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для предоставления Б. жилого помещения по договору социального найма во внеочередном порядке, указав в том числе на то, что необходимым условием реализации права Б. на обеспечение жилым помещением вне очереди является наступление обстоятельств, свидетельствующих о наличии жилого помещения из состава жилищного фонда субъекта Российской Федерации, которое может выступать в качестве предмета договора социального найма (например, введение жилых помещений в эксплуатацию, их приобретение или освобождение).

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления по следующим основаниям.

В силу ч. 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

В целях реализации названных конституционных положений в ч. 2 ст. 49 ЖК РФ предусмотрено, что малоимущим гражданам, признанным по установленным Жилищным кодексом Российской Федерации основаниям нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, в установленном данным кодексом порядке предоставляются жилые помещения муниципального жилищного фонда.

В соответствии с ч. 1 ст. 57 ЖК РФ жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в порядке очередности исходя из времени принятия таких граждан на учет, за исключением установленных ч. 2 этой статьи случаев.

Между тем для отдельных категорий граждан законодатель предусмотрел возможность предоставления жилого помещения по договорам социального найма во внеочередном порядке.

В п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ установлено, что вне очереди жилые помещения по договорам социального найма предоставляются

гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 51 данного кодекса перечне.

Согласно этой норме гражданами, нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма, членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма или собственниками жилых помещений, членами семьи собственника жилого помещения, проживающими в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно, и не имеющими иного жилого помещения, занимаемого по договору социального найма или принадлежащего на праве собственности. Перечень соответствующих заболеваний устанавливается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Такой перечень был утвержден действовавшим в момент возникновения спорных правоотношений постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378 «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире»[1].

При этом каких-либо иных (дополнительных) требований для предоставления жилого помещения вне очереди, кроме наличия у гражданина, состоящего на учете в качестве нуждающегося в жилом помещении, тяжелых форм хронических заболеваний, указанных в перечне, п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ не предусмотрено. Для предоставления такому гражданину жилого помещения вне очереди исходя из данной нормы необходимы такие условия, как принятие гражданина на учет нуждающихся в предоставлении жилых помещений и наличие у него тяжелой формы хронического заболевания, указанного в перечне.

Таким образом, реализация прав граждан, страдающих тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в перечне, на получение вне очереди жилых помещений по договорам социального найма по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ, относится к компетенции органов местного самоуправления.

Действующим законодательством предусмотрена возможность реализации права инвалидов на предоставление жилых помещений в

---

[1] В связи с признанием утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378 (постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 2017 г. № 859) с 1 января 2018 г. действует Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденный приказом Министра здравоохранения Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 987н в соответствии со ст. 51 ЖК РФ.

другом порядке не из муниципального, а из государственного жилищного фонда.

Статьей 17 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определено, что инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жилым помещением в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Жилые помещения предоставляются инвалидам, семьям, имеющим детей-инвалидов, с учетом состояния здоровья и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Судом по делу установлено, что Б. состоит на учете граждан, имеющих право на получение жилого помещения из жилищного фонда субъекта Российской Федерации по договору социального найма, и страдает заболеванием, указанным в перечне.

Постановление местной администрации от 9 ноября 2016 г. в части постановки Б. на учет нуждающихся в предоставлении жилого помещения по договору социального найма и включении в список граждан, имеющих право на получение жилого помещения по договору социального найма из жилищного фонда субъекта Российской Федерации, как инвалида I группы, имеющего хроническое заболевание, незаконным не признано.

Отказывая в иске, суд не учел, что порядок обеспечения жилыми помещениями такой категории граждан, как граждане, страдающие тяжелыми формами хронических заболеваний, при которых совместное проживание с ними в одной квартире невозможно и которые указаны в перечне, утверждаемом уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, установлен Жилищным кодексом Российской Федерации.

При этом дополнительных условий реализации прав на предоставление жилья в установленном законом порядке указанной категории граждан, таких как фактическое финансирование и наличие в жилищном фонде субъекта Российской Федерации или в муниципальном жилищном фонде жилья, федеральное законодательство не содержит, соответственно, указанные граждане не могут быть лишены права на обеспечение жилыми помещениями в том порядке, который гарантирован им федеральным законом и законом субъекта Российской Федерации.

Кроме того, отказывая в иске, суды не учли, что действующее жилищное законодательство (п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ) не ставит право на внеочередное предоставление жилого помещения в зависимость от наличия или отсутствия иных лиц, имеющих право на получение жилого помещения вне очереди, от обеспечения жильем других очередников, от времени постановки на учет в качестве нуждающихся в предоставлении жилого помещения, от включения в список граждан, имеющих право на получение жилого помещения вне очереди (список внеочередников).

Отсутствие в законодательстве указания на срок, в течение которого жилье должно быть предоставлено гражданам, имеющим право на его внеочередное предоставление, свидетельствует о том, что жилое помещение гражданам указанной категории должно быть предоставлено незамедлительно после возникновения соответствующего субъективного права – права на получение жилого помещения вне очереди.

Определение № 20-КГ18-22

11. Реконструкция, переустройство, перепланировка балконных плит, относящихся к общему имуществу многоквартирного дома, отвечающие требованиям технических регламентов и санитарно-эпидемиологических норм, должны производиться с согласия всех собственников помещений многоквартирного дома.

Местная администрация обратилась в суд с исковым заявлением к А. о продаже с публичных торгов жилого помещения. В обоснование заявленного требования указано, что А. произведены работы по реконструкции балкона в принадлежащей ей на праве собственности квартире без соответствующих разрешений и согласований с компетентными органами. Балконные плиты входят в состав общего имущества в многоквартирном доме и являются ограждающими несущими конструкциями. Уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников помещений в данном доме. Собственнику жилого помещения А. направлено предписание о приведении балкона в прежнее состояние. В установленный срок данные требования собственником не выполнены.

А. обратилась в суд со встречными исковыми требованиями к местной администрации о сохранении указанной выше квартиры в переустроенном и (или) перепланированном состоянии. В обоснование заявленного требования истец по встречному иску указала, что является собственником изолированного жилого помещения в многоквартирном доме. С сентября по ноябрь 2014 г. она самовольно произвела перепланировку спорной квартиры. Согласно экспертным заключениям перепланировка данного жилого помещения не противоречит

требованиям СП 54.13330.2011 «Здания жилые многоквартирные», в состав которого входят требования СанПиН 2.1.2.2645-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях». Перепланировка указанной квартиры выполнена без нарушений действующих норм и правил пожарной безопасности в Российской Федерации.

С., Г., действующая в интересах несовершеннолетнего Г.Л., обратились с иском к А. о сносе всех строительных конструкций, возведенных на балконе квартиры, выходящих за границу балконной плиты перекрытия, восстановлении фасада дома в прежнем состоянии и демонтаже отопления на балконе.

В обоснование заявленного требования истцы указали на то, что являются собственниками по ½ доли квартиры, расположенной над квартирой, принадлежащей А.

А. без их согласия и без согласия всех жильцов дома, самовольно без соответствующих разрешений и согласований с компетентными государственными органами, выполнила работы по увеличению размеров балкона в квартире, с облицовкой профнастила, над балконом смонтирован козырек, выходящий за границу балконной плиты перекрытия приблизительно на 1,5 м, который полностью перекрывает им обзор с балкона.

Разрешая спор, отказывая в удовлетворении исковых требований местной администрации, С. и Г. и удовлетворяя исковые требования А., суд первой инстанции исходил из того, что перепланировка и переустройство квартиры выполнены ответчиком с учетом требований строительных и санитарных норм и правил, не нарушают права и интересы собственников других помещений, не создают угрозы их жизни и здоровью, целевое назначение помещения изменено не было. При этом суд первой инстанции указал на то, что местной администрацией, С. и Г. не представлено доказательств, подтверждающих, что действиями ответчиков нарушены их права.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 26 ЖК РФ переустройство и (или) перепланировка жилого помещения проводятся с соблюдением требований законодательства по согласованию с органом местного самоуправления на основании принятого им решения.

Для проведения переустройства и (или) перепланировки жилого помещения собственник данного помещения или уполномоченное им лицо обращается в орган, осуществляющий согласование, либо через

многофункциональный центр с документами, указанными в ч. 2 ст. 26 ЖК РФ.

Самовольными являются переустройство и (или) перепланировка жилого помещения, проведенные при отсутствии основания, предусмотренного ч. 6 ст. 26 ЖК РФ, или с нарушением проекта переустройства и (или) перепланировки, представлявшегося в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 26 данного кодекса (ч. 1 ст. 29 ЖК РФ).

Собственник жилого помещения, которое было самовольно переустроено и (или) перепланировано, или наниматель такого жилого помещения по договору социального найма обязан привести такое жилое помещение в прежнее состояние в разумный срок и в порядке, которые установлены органом, осуществляющим согласование (ч. 3 ст. 29 ЖК РФ).

Из материалов дела видно, что А. не выполнила установленный законом порядок проведения перепланировки и переустройства квартиры, произведенные работы выполнены самовольно без соответствующих разрешений и согласований с компетентными органами (организациями).

Собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое оборудование (п. 3 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ).

Согласно п. 2 раздела I «Определение состава общего имущества» Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, в состав общего имущества включаются в том числе ограждающие несущие конструкции многоквартирного дома (включая фундаменты, несущие стены, плиты перекрытий, балконные и иные плиты, несущие колонны и иные ограждающие несущие конструкции).

В силу указанных норм права балконные плиты входят в состав общего имущества в многоквартирном доме и являются ограждающими несущими конструкциями.

Собственники помещений в многоквартирном доме владеют, пользуются и в установленных Жилищным кодексом Российской Федерации и гражданским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 36 ЖК РФ).

Уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников помещений в данном доме путем его реконструкции (ч. 3 ст. 36 ЖК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 40 ЖК РФ, если реконструкция, переустройство и (или) перепланировка помещений невозможны без присоединения к ним части общего имущества в многоквартирном доме, на такие

реконструкцию, переустройство и (или) перепланировку помещений должно быть получено согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме.

Исходя из положений приведенных выше правовых норм согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме является обязательным условием для проведения реконструкции, переустройства и (или) перепланировки помещения в многоквартирном доме, влекущей присоединение к реконструированному (перепланированному) помещению части общего имущества многоквартирного дома.

При рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций не принято во внимание, что суду не представлены сведения о наличии согласия всех жильцов многоквартирного дома, в то время как требуется согласие всех собственников многоквартирного дома, поскольку выполненные работы касаются общего имущества в многоквартирном доме.

Более того, в материалах дела содержится коллективное обращение жильцов многоквартирного дома (всего 57 подписей), категорически возражающих против расширения балкона и присоединения балкона к квартире А.

Определение № 18-КГ17-164

Разрешение споров, связанных с осуществлением профессиональной деятельности

12. Полномочия занимающегося частной практикой нотариуса, осужденного за совершение умышленного преступления, не связанного с совершением нотариальных действий, могут быть прекращены на основании решения суда по требованию прокурора.

Прокурор обратился в суд с иском к нотариусу Д. о лишении права нотариальной деятельности на основании п. 1 ч. 5 ст. 12 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 февраля 1993 г. № 4462-I (далее – Основы законодательства о нотариате), в связи с осуждением Д. за совершение умышленного преступления после вступления приговора в законную силу.

Суд первой инстанции, принимая решение об отказе в удовлетворении иска прокурора, пришел к выводу о том, что инициирование процедуры лишения нотариуса, занимающегося частной практикой, права нотариальной деятельности, в том числе обращение в суд с заявлением о прекращении деятельности таких нотариусов, отнесено к исключительной компетенции нотариальных палат. Кроме того, суд первой инстанции, ссылаясь на толкование п. 4 ч. 2 ст. 2 Основ законодательства о нотариате, данное Конституционным Судом

Российской Федерации в определении от 28 января 2016 г. № 198-О, полагал, что положение названной нормы по своему смыслу касается только лиц, претендующих на занятие нотариальной деятельностью, а не практикующих нотариусов, к которым относится Д.

Суд апелляционной инстанции, поддержав выводы суда первой инстанции, ссылаясь на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1714-О-О, дополнительно указал, что оценивать степень и характер нарушений, допущенных нотариусом, занимающимся частной практикой, определять в пределах своих полномочий меру дисциплинарной ответственности или инициировать в суде процедуру лишения нотариуса права нотариальной деятельности должна именно нотариальная палата при выполнении возложенных на нее контрольных полномочий.

Отвергая довод прокурора о том, что прокурор как надзорный орган в сфере соблюдения и исполнения действующего законодательства органами исполнительной власти в силу ст. 45 ГПК РФ наделен полномочиями и правом обратиться в суд с требованиями о лишении нотариуса права нотариальной деятельности, суд апелляционной инстанции исходил из того, что с такими требованиями прокурор вправе обратиться только в отношении нотариуса, работающего в государственной нотариальной конторе, в то время как Д. является нотариусом, занимающимся частной практикой, контроль за исполнением профессиональных обязанностей которого осуществляют только нотариальные палаты.

При этом суд апелляционной инстанции в обоснование вывода об отсутствии оснований для лишения Д. права нотариальной деятельности также сослался на то, что Д. по приговору мирового судьи был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 128^1 УК РФ, не как нотариус и не за совершение нотариальных действий, противоречащих закону.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала ошибочными выводы судов первой и апелляционной инстанций.

Часть 5 ст. 12 Основ законодательства о нотариате содержит перечень юридически значимых случаев, наступление которых объективно требует освобождения нотариуса от полномочий.

Согласно данной норме нотариус, занимающийся частной практикой, слагает полномочия по собственному желанию либо освобождается от полномочий на основании решения суда о лишении его права нотариальной деятельности, в том числе в случае осуждения его за совершение умышленного преступления – после вступления приговора в законную силу.

При этом вид и характер умышленного преступления не конкретизируются. Сам факт наличия вступившего в законную силу

обвинительного приговора в отношении нотариуса за совершение умышленного преступления является основанием для лишения его права заниматься нотариальной деятельностью.

В соответствии с ч. 1 ст. 34 Основ законодательства о нотариате контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, занимающимися частной практикой, осуществляют нотариальные палаты.

Как усматривается из материалов дела, по поручению прокуратуры органом юстиции в нотариальную палату неоднократно направлялись письма с требованиями провести внеочередное заседание правления по вопросу о лишении Д. права осуществлять нотариальную деятельность, которые нотариальной палатой были проигнорированы.

На основании п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

В ч. 1 ст. 45 ГПК РФ предусмотрено, что прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

В п. 3 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1714-О-О указано, что отнесение к исключительной компетенции нотариальных палат принятия решения о наличии оснований для инициирования процедуры лишения нотариуса, занимающегося частной практикой, права нотариальной деятельности не означает, что граждане лишены возможности защитить свои права, нарушенные незаконными действиями частнопрактикующего нотариуса. Контрольные полномочия нотариальных палат не исключают существование и иного контроля за деятельностью как нотариусов, так и нотариальных палат.

Ссылки судов первой и апелляционной инстанций в обоснование отказа в иске прокурору о лишении Д. права нотариальной деятельности на указанное определение Конституционного Суда Российской Федерации признаны Судебной коллегией ошибочными, поскольку в нем высказаны суждения относительно положений Основ законодательства о нотариате, установленных в п. 3 ч. 5 ст. 12, предусматривающем лишение нотариуса, занимающегося частной практикой, права нотариальной деятельности по ходатайству нотариальной палаты за неоднократное совершение дисциплинарных проступков, нарушение законодательства, что в данном деле предметом спора не являлось.

Также ошибочной признана ссылка суда первой инстанции в подтверждение своих выводов на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 198-О.

В этом определении Конституционный Суд Российской Федерации указывает на то, что положения п. 4 ч. 2 ст. 2 Основ законодательства о нотариате, в соответствии с которым нотариусом в Российской Федерации не может быть лицо в случае наличия не снятой или не погашенной в установленном федеральным законом порядке судимости за умышленное преступление, по своему смыслу касаются лиц, претендующих на занятие нотариальной деятельностью, а не практикующих нотариусов.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 28 января 2016 г. № 198-О с учетом его же определения от 8 декабря 2011 г. № 1714-О-О обращает внимание на то, что п. 1 ч. 5 ст. 12 Основ законодательства о нотариате относит осуждение нотариуса, занимающегося частной практикой, за совершение умышленного преступления к обстоятельствам, наступление которых делает невозможным дальнейшее сохранение им своего статуса и объективно требует освобождения нотариуса от полномочий.

Ввиду того, что нотариальная деятельность носит публично-правовой характер, а нотариусы, как государственные, так и занимающиеся частной практикой, осуществляют нотариальные функции от имени Российской Федерации, а также учитывая, что нотариус Д. является, кроме того, президентом нотариальной палаты субъекта Российской Федерации, прокурор как представитель надзорного органа в сфере соблюдения законов, действующих на территории Российской Федерации, вне зависимости от формы деятельности нотариуса наделен полномочиями обратиться в суд с иском в интересах Российской Федерации о лишении нотариуса права нотариальной деятельности.

Определение № 20-КГПР18-3

Процессуальные вопросы

13. Исковые требования членов семьи работника, лиц, состоявших на его иждивении, связанные с возмещением вреда, причиненного жизни и здоровью их кормильца, погибшего (умершего) в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, могут быть предъявлены в суд по правилам альтернативной подсудности, установленной ч. 5 ст. 29 ГПК РФ.

М.Э., М.Г. обратились в суд с иском к региональному отделению Фонда социального страхования Российской Федерации, учреждению

медико-социальной экспертизы, обществу об установлении фактов, имеющих юридическое значение, о признании незаконным отказа в назначении страховых выплат, назначении и выплате страховых выплат, признании заболеваний хроническими, связанными с производством, возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью застрахованного при исполнении им трудовых обязанностей, об установлении причинной связи между повреждением здоровья на производстве, повлекшем смерть застрахованного, и воздействием вредных производственных факторов, установлении степени утраты профессиональной трудоспособности и о признании инвалидом, о взыскании расходов на погребение, компенсации морального вреда.

Возвращая указанное исковое заявление, предъявленное по месту жительства истцов, суд первой инстанции исходил из того, что оно подано с нарушением общего правила о подсудности, установленного ст. 28 ГПК РФ.

При этом суд первой инстанции указал, что положения ч. 5 ст. 29 ГПК РФ о возможности предъявления исков о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, в суд по месту жительства истца или месту причинения вреда в данном случае не применимы, потому что относятся к случаям, когда иск заявлен непосредственно лицом, которому причинен вред, либо иным лицом в случае обращения с требованием о возмещении вреда, причиненного в результате смерти кормильца.

Поскольку, по мнению суда первой инстанции, истцы к данным категориям не относятся, требование о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца (в порядке ст. 1088 ГК РФ), в иске не заявлено, суд рекомендовал истцам обратиться с иском по месту нахождения одного из ответчиков.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала состоявшиеся судебные постановления подлежащими отмене, указав в том числе следующее.

В силу части первой ст. 184 ТК РФ при повреждении здоровья или в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания работнику (его семье) возмещаются его утраченный заработок (доход), а также связанные с повреждением здоровья дополнительные расходы на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию либо соответствующие расходы в связи со смертью работника.

Виды, объемы и условия предоставления работникам гарантий и компенсаций в указанных случаях определяются федеральными законами (часть вторая ст. 184 ТК РФ).

В случае причинения вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей возмещение указанного вреда осуществляется в соответствии с федеральным законом (часть восьмая ст. 220 ТК РФ).

Правовое регулирование отношений по возмещению вреда, причиненного здоровью, или в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания осуществляется нормами Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – Федеральный закон № 125-ФЗ), которыми предусматривается, что обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, являясь видом социального страхования, устанавливается для социальной защиты застрахованных путем предоставления в полном объеме всех необходимых видов обеспечения по страхованию в возмещение вреда, причиненного их жизни и здоровью при исполнении обязанностей по трудовому договору (п. 1 ст. 1 данного закона).

В соответствии со ст. 10 Федерального закона № 125-ФЗ единовременные и ежемесячные страховые выплаты назначаются и выплачиваются лицам, имеющим право на их получение, если результатом наступления страхового случая стала смерть застрахованного.

Виды обеспечения по страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний названы в ст. 8 Федерального закона № 125-ФЗ, среди них единовременная страховая выплата застрахованному либо лицам, имеющим право на получение такой выплаты в случае его смерти, и ежемесячные страховые выплаты застрахованному либо лицам, имеющим право на получение таких выплат в случае его смерти.

Круг лиц, имеющих право на обеспечение по страхованию, определен ст. 7 Федерального закона № 125-ФЗ.

Так, согласно п. 2 данной статьи право на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного в результате наступления страхового случая имеют: нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания (подп. 1); ребенок умершего, родившийся после его смерти (подп. 2); один из родителей, супруг (супруга) либо другой член семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за состоявшими на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими возраста 14 лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению учреждения государственной службы медико-социальной экспертизы или лечебно-профилактических учреждений государственной системы

здравоохранения признанными нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе (подп. 3); лица, состоявшие на иждивении умершего, ставшие нетрудоспособными в течение пяти лет со дня его смерти (подп. 4).

Возмещение застрахованному морального вреда, причиненного в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием, в силу абзаца второго п. 3 ст. 8 Федерального закона № 125-ФЗ осуществляется причинителем вреда.

Из приведенных нормативных положений следует, что выплаты членам семьи работника, погибшего (умершего) в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, полученного при исполнении трудовых обязанностей, а также выплаты лицам, состоявшим на иждивении умершего, входят в объем возмещения вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, указанным лицам.

Таким образом, исковые требования членов семьи работника, погибшего (умершего) в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, лиц, состоявших на его иждивении, о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, могут быть предъявлены в суд по правилам альтернативной подсудности, установленной ч. 5 ст. 29 ГПК РФ.

Между тем суды первой и апелляционной инстанций, возвращая исковое заявление М.Э. и М.Г., взаимосвязанные нормативные положения ТК РФ и Федерального закона № 125-ФЗ не приняли во внимание, соответственно, неправильно определили характер предъявленных исковых требований и пришли к незаконному выводу о том, что истцы не относятся к категории лиц, имеющих право в силу положений ч. 5 ст. 29 ГПК РФ обратиться в суд по месту своего жительства, и, как следствие, к выводу о неподсудности дела суду по месту жительства истцов.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», дела по спорам о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью застрахованного в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием, согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ подведомственны судам общей юрисдикции. Указанные дела, в том числе о компенсации морального вреда, в соответствии со ст. 23 и 24 ГПК РФ подсудны районным судам. Иски по данной категории дел могут быть предъявлены пострадавшим как по общему правилу территориальной подсудности – по месту нахождения ответчика (регионального отделения Фонда социального страхования

Российской Федерации и (или) работодателя либо иного лица, ответственного за возмещение вреда), так и в суд по месту своего жительства или месту причинения вреда (ст. 28 и 29 ГПК РФ).

На правила альтернативной подсудности по выбору истца по искам о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, обращено внимание и в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», согласно которому иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, в том числе иски о компенсации морального вреда, могут быть предъявлены гражданином как по общему правилу территориальной подсудности – по месту жительства ответчика (по месту нахождения организации), так и в суд по месту своего жительства или месту причинения вреда (ст. 28 и 29 ГПК РФ).

Поскольку заявленные исковые требования М.Э. и М.Г. связаны с признанием права на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью их мужа и отца М.А. при исполнении им трудовых обязанностей, то по такой категории споров ГПК РФ предоставляет истцам дополнительную гарантию судебной защиты прав и законных интересов – возможность выбора суда для обращения с иском: по общему правилу территориальной подсудности – по месту жительства ответчика, а также – по месту своего жительства или месту причинения вреда.

Определение № 34-КГ18-9

14. Решение суда общей юрисдикции об установлении обязательств должника перед другими лицами, а также размера этих обязательств, включенных в реестр требований кредиторов в рамках дела о банкротстве должника, подлежит обжалованию конкурсным кредитором в порядке гражданского судопроизводства.

Л. обратился в суд с иском к обществу-1 о взыскании задолженности по договору займа, процентов за пользование суммой займа, неустойки, а также расходов на уплату государственной пошлины.

Иск обоснован тем, что на основании заключенного между сторонами договора займа от 7 августа 2014 г. Л. перечислил обществу-1 денежные средства, что подтверждается платежным поручением.

По условиям договора займа заемщик принял на себя обязательства возвратить истцу указанную денежную сумму до 7 августа 2015 г. и уплатить проценты из расчета 0,1% годовых. Также

стороны договора займа предусмотрели неустойку за несвоевременный возврат суммы займа в размере 0,1% от неуплаченной суммы за каждый день просрочки исполнения заемщиком обязательства. Однако ответчик обязательства по договору займа не исполнил.

Решением районного суда от 3 декабря 2015 г. исковые требования удовлетворены частично.

Определением арбитражного суда от 26 января 2016 г. заявление общества-1 о признании его несостоятельным (банкротом) признано обоснованным и в отношении его введена процедура наблюдения.

Определением арбитражного суда от 14 апреля 2016 г. установлено требование Л. в сумме основного долга по договору займа, процентов за пользование займом, неустойки и признано подлежащим включению в реестр требований кредиторов общества-1 и подлежащим удовлетворению в третью очередь.

Определением районного суда от 7 ноября 2016 г. обществу-2 восстановлен срок для подачи апелляционной жалобы на решение районного суда от 3 декабря 2015 г.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда от 15 декабря 2016 г. апелляционная жалоба и дополнительная апелляционная жалоба общества-2, а также апелляционная жалоба временного управляющего обществом-1 на решение суда от 3 декабря 2015 г. оставлены без рассмотрения по существу. По мнению суда апелляционной инстанции, общество-2 стороной спорного договора займа не является, права данного общества спорными правоотношениями не затрагиваются.

При этом, установив, что требования общества-2 наряду с требованиями Л. включены в реестр требований кредиторов общества-1, суд апелляционной инстанции указал, что общество-2 не лишено права на удовлетворение своих требований к должнику в порядке установленной очередности и апеллянтом не представлено доказательств, свидетельствующих о том, что включение в реестр требований кредиторов общества требований истца лишает общество-2 возможности удовлетворить его требования к обществу-1, а также о том, что заключение спорного договора займа было направлено на вывод имущества из собственности должника и на распределение конкурсной массы на основании искусственно сформированной задолженности.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

Статья 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) связывает понятие конкурсного кредитора с наличием у должника соответствующего денежного обязательства. В силу п. 3 ст. 4 Закона о

банкротстве размер денежных обязательств считается установленным, если он определен судом в порядке, предусмотренном данным законом.

Согласно п. 6 ст. 16 Закона о банкротстве требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов и исключаются из него арбитражным управляющим или реестродержателем на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих состав и размер требований, если иное не определено названным пунктом.

В силу приведенных выше положений закона конкурсный кредитор приобретает данный статус и становится лицом, участвующим в деле о банкротстве, с момента принятия судом определения о включении его требований в реестр требований кредиторов.

В целях в том числе составления реестра требований кредиторов в деле о банкротстве к должнику применяется процедура наблюдения, на что указано в ст. 2 Закона о банкротстве.

Согласно ст. 71 данного закона для целей участия в первом собрании кредиторов кредиторы вправе предъявить свои требования к должнику в течение тридцати календарных дней с даты опубликования сообщения о введении наблюдения. Указанные требования направляются в арбитражный суд, должнику и временному управляющему с приложением судебного акта или иных документов, подтверждающих обоснованность этих требований. Указанные требования включаются в реестр требований кредиторов на основании соответствующего определения арбитражного суда.

В соответствии с п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве конкурсный кредитор, уполномоченный орган обладают на собрании кредиторов числом голосов, пропорциональным размеру их требований к общей сумме требований по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, включенных в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов в соответствии с данным федеральным законом.

Согласно п. 3 ст. 142 названного выше закона при недостаточности денежных средств должника для удовлетворения требований кредиторов одной очереди денежные средства распределяются между кредиторами соответствующей очереди пропорционально суммам их требований, включенных в реестр требований кредиторов, если иное не предусмотрено данным федеральным законом.

Из приведенных правовых норм следует, что в случае необоснованного установления решением суда обязательства должника перед другими лицами, а также размера этого обязательства данное обстоятельство приведет к нарушению прав конкурсного кредитора, в связи с чем последний вправе обжаловать указанный судебный акт в общем порядке, установленном процессуальным законом.

Данная правовая позиция согласуется с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2015 г., согласно которым, если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать указанный судебный акт в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Таким образом, основанием для включения требований Л. в реестр требований кредиторов общества-1 послужило решение суда от 3 декабря 2015 г., а потому указанное решение непосредственно влияет на объем прав общества-2 как конкурсного кредитора в процедуре банкротства этого общества, в связи с чем оно вправе обжаловать данное решение в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации.

Определение № 16-КГ17-52

15. В случае смерти стороны договора пожизненного содержания с иждивением, заявившей о его расторжении и возврате недвижимого имущества в связи с неисполнением условий договора, допускается замена этой стороны ее правопреемником.

27 июля 2016 г. Ф., действуя по доверенности в интересах Б., обратилась в суд с иском к Г. о расторжении договора пожизненного содержания с иждивением, заключенного 11 февраля 2011 г. между Б. и Г., ссылаясь на то, что ответчик взятые на себя по договору обязательства по содержанию и уходу за Б. не выполняет.

5 августа 2016 г. Б. умер.

Д. (дочь Б.) подала заявление в суд о процессуальном правопреемстве, так как она является наследником Б. по закону.

Прекращая производство по делу на основании абзаца седьмого ст. 220 ГПК РФ, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что в данном случае возникшие спорные правоотношения правопреемства не допускают, поскольку получение содержания с иждивением неразрывно связано с личностью получателя ренты и прекращается его смертью.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

Согласно ч. 4 ст. 44 ГПК РФ в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть

гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства.

Как видно из дела, Д. является дочерью умершего Б. и наследником по закону после его смерти.

В силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается названным кодексом или другими законами. Не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя, а также если их переход в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими федеральными законами (ст. 418, часть вторая ст. 1112 ГК РФ). В частности, в состав наследства не входят: право на алименты и алиментные обязательства (раздел V Семейного кодекса Российской Федерации, далее – СК РФ), права и обязанности, возникшие из договоров безвозмездного пользования (ст. 701 ГК РФ), поручения (п. 1 ст. 977 ГК РФ), комиссии (часть первая ст. 1002 ГК РФ), агентского договора (ст. 1010 ГК РФ).

Между тем Б., обращаясь в суд с иском к Г. о расторжении договора пожизненного содержания с иждивением, заключенного 11 февраля 2011 г., ставил вопрос не об исполнении плательщиком ренты своих обязательств по договору в виде пожизненного содержания, которое неразрывно связано с личностью получателя ренты, а о расторжении договора и возврате недвижимого имущества в связи с неисполнением Г. условий договора.

В силу п. 1 ст. 601 ГК РФ по договору пожизненного содержания с иждивением получатель ренты – гражданин передает принадлежащие ему жилой дом, квартиру, земельный участок или иную недвижимость в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц).

В соответствии с п. 1 ст. 605 ГК РФ обязательство пожизненного содержания с иждивением прекращается смертью получателя ренты.

При существенном нарушении плательщиком ренты своих обязательств получатель ренты вправе потребовать возврата недвижимого имущества, переданного в обеспечение пожизненного содержания, либо выплаты ему выкупной цены на условиях, установленных ст. 594 названного кодекса. При этом плательщик ренты не вправе требовать компенсацию расходов, понесенных в связи с содержанием получателя ренты (п. 2 данной статьи).

Таким образом, требование Б. (получателя ренты) о расторжении договора купли-продажи квартиры и ее возврате ввиду существенного нарушения плательщиком ренты своих обязательств носило имущественный характер, при этом не было связано исключительно с его личностью, поэтому вывод суда о невозможности процессуального правопреемства по спору о возврате квартиры признан неправомерным.

Определение № 18-КГ17-107

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

16. Ликвидатор негосударственного пенсионного фонда подлежит утверждению в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, из числа арбитражных управляющих.

Центральный Банк Российской Федерации обратился в суд с заявлением о принудительной ликвидации негосударственного пенсионного фонда (далее – фонд).

Решением суда первой инстанции требование о ликвидации фонда удовлетворено, обязанности по осуществлению ликвидационных мероприятий возложены на его учредителей.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Суды первой инстанции и округа пришли к выводу, что фонд подлежит ликвидации в судебном порядке на основании п. 3^2 ст. 7^2 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (далее – Закон о фондах). Установив, что фонд с 2015 года прекратил осуществлять деятельность по обязательному пенсионному страхованию, и констатировав отсутствие претензий со стороны регулятора в отношении завершающих обязательств по

прекращенному виду деятельности, суд первой инстанции применил к спорным правоотношениям положения п. 5 ст. 61 ГК РФ, возложив обязанность по ликвидации на учредителей фонда, сведения о которых на момент рассмотрения спора содержались в Едином государственном реестре юридических лиц.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части утверждения ликвидатора и в этой части направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 3^3 ст. 7^2, п. 2 ст. 33^2 Закона о фондах их принудительная ликвидации в силу с решения арбитражного суда осуществляется в порядке и в соответствии с процедурами, которые предусмотрены Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) для конкурсного производства, с учетом особенностей, установленных Законом о фондах.

Одним из основополагающих принципов ликвидации юридического лица через процедуру конкурсного производства является принцип наделения полномочиями по непосредственному осуществлению ликвидационных действий независимого профессионала – арбитражного управляющего, отвечающего повышенным требованиям, предъявляемым к нему законом (абзац двадцать восьмой ст. 2, ст. 20 и 20^2, пп. 2 и 3 ст. 183^{25} Закона о банкротстве).

Поскольку Закон о фондах не содержит каких-либо специальных положений об определении лица, проводящего ликвидационные мероприятия в отношении фондов, не осуществляющих деятельность по обязательному пенсионному страхованию, выбор такого лица в силу п. 3^3 ст. 7^2, п. 2 ст. 33^2 Закона о фондах должен осуществляться по правилам Закона о банкротстве, которым федеральный законодатель отдал приоритет по отношению к общим нормам ГК РФ исходя из особого предназначения негосударственных пенсионных фондов – организаций, исключительной деятельностью которых является пенсионное обеспечение.

Определение № 307-ЭС18-1896

17. Требование лица, создавшего фиктивную задолженность должника-банкрота, не признается обоснованным и не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника.

Г. обратился с заявлением об установлении своего требования в деле о банкротстве общества, ссылаясь на то, что, будучи поручителем, исполнил обязательство общества.

Против включения требования Г. в реестр требований кредиторов должника возражал другой конкурсный кредитор общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, Г. включен в реестр требований кредиторов общества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства срок исполнения возникших до открытия конкурсного производства денежных обязательств должника считается наступившим.

Требования кредиторов по денежным обязательствам (за исключением текущих платежей и требований, оговоренных в законе) могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства и рассматриваются по правилам ст. 100 указанного закона.

Обоснованность требований доказывается на основе принципа состязательности. Кредитор, заявивший требования к должнику, как и лица, возражающие против этих требований, обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений (ст. 65 АПК РФ). Установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности (п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

Само по себе исполнение поручителем, связанным с должником, долговых обязательств последнего за счет собственных средств, является правомерным поведением и не свидетельствует о корпоративном характере этих правоотношений в смысле, придаваемом абзацем восьмым ст. 2 Закона о банкротстве.

Вместе с тем конкурирующий с Г. конкурсный кредитор указывал, что Г. одновременно участвовал в капиталах общества-должника и кредитора по основному обязательству. Являясь бенефициаром обоих юридических лиц и лицом, влиявшим на их решения, Г. свободно перемещал активы из одного лица (общества-должника) в другое (кредитора по основному обязательству) в собственных целях без учета интересов подконтрольных организаций и их кредиторов. В подтверждение своих доводов конкурсный кредитор, в частности, ссылался на то, что Г. путем взаимокредитования подконтрольных ему юридических лиц искусственно наращивал задолженность общества в ущерб независимым кредиторам. Поручительство же использовалось в качестве инструмента, позволявшего Г. при банкротстве общества занять место залогового кредитора, гарантированно претендовать на

значительную часть стоимости ликвидного имущества должника, по существу сохранив его за собой.

Указанные конкурсным кредитором обстоятельства подлежали судебному исследованию и оценке в совокупности. В силу требований ст. 9, 66 АПК РФ суду следовало оказать содействие в реализации прав конкурсного кредитора, тем более что последний объективно лишен возможности владеть исчерпывающей информацией по сделкам, однако занимал активную процессуальную позицию по представлению доводов и поиску доказательств.

К тому же в отличие от рассмотрения обычного судебного спора проверка обоснованности и размера требований кредиторов предполагает большую активность самого суда (пп. 3–5 ст. 100 Закона о банкротстве).

Бремя опровержения доводов заявителя лежит на Г., должнике и кредиторе по основному обязательству, так как они объективно обладают большим объемом информации и доказательств, чем конкурсный кредитор.

Определение № 310-ЭС17-20671

18. Суд не может отказать во включении в реестр требований кредиторов поручителя, признанного несостоятельным (банкротом), требования третьего лица, исполнившего основное обязательство в отсутствии возложения (подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ), со ссылкой на прекращение основного обязательства, поскольку в таком случае происходит замена в обязательстве прежнего кредитора на третье лицо (п. 5 ст. 313 ГК РФ). При этом третье лицо обладает правом на включение своего требования в реестр требований кредиторов как основного должника, так и поручителя.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении своего требования в реестр требований кредиторов должника. Общество ссылалось на п. 5 ст. 313 ГК РФ и указывало, что, будучи третьим лицом, исполнило перед банком обязательство, по которому должник являлся поручителем.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, отказано во включении в реестр требований кредиторов должника требования общества. Суды исходили из того, что погашение обществом задолженности перед банком повлекло в соответствии с п. 1 ст. 408 ГК РФ прекращение основного обязательства и, как следствие, прекращение поручительства в силу п. 1 ст. 367 ГК РФ. Кроме того, общество реализовало право на судебную защиту путем включения своего требования в реестр требований кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) основного заемщика.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Общество погасило задолженность заемщика перед банком по кредитным договорам в соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ в отсутствие соглашения между обществом и заемщиком по вопросу об исполнении чужого обязательства.

В подобных случаях согласно п. 5 ст. 313, ст. 407 ГК РФ происходит замена лица в обязательстве в силу закона, а само обязательство не прекращается: к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора в соответствии со ст. 387 ГК РФ.

Объем прав, переходящих новому кредитору, определен ст. 384 ГК РФ. По общему правилу п. 1 этой статьи требование первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода требования. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства.

При этом новый кредитор имеет право на установление его требования как в деле о банкротстве основного должника, так и поручителя (п. 1 ст. 363, ст. 323 ГК РФ, п. 51 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»).

С учетом изложенного требование общества не могло быть признано необоснованным по приведенным судами мотивам.

Определение № 305-ЭС18-9640

Практика применения законодательства о вещных правах и земельного законодательства

19. Дополнительное соглашение к договору аренды, изменяющее вид разрешенного использования земельного участка, не связанного со строительством, на используемый в целях строительства, не может считаться правоустанавливающим документом при получении разрешения на строительство, если это соглашение заключено в обход процедур, предусмотренных земельным законодательством для предоставления земельных участков для целей строительства объектов недвижимости.

Обществом (арендатор) и уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее – комитет) заключен договор аренды земельного участка из земель населенных пунктов с

видом разрешенного использования (целевым назначением) «для организации отдыха населения».

Распоряжением администрации муниципального образования (далее – администрация) разрешенный вид использования земельного участка изменен на вид «для строительства объектов для организации отдыха населения».

Дополнительным соглашением к договору аренды сторонами внесены изменения в части разрешенного вида использования земельного участка «для строительства объектов для организации отдыха населения».

На основании заявления общества и по итогам проведения публичных слушаний постановлением решением Собрания депутатов муниципального образования утверждены изменения в Генеральный план муниципального образования и правила землепользования и застройки.

Распоряжением администрации утвержден новый градостроительный план земельного участка, в котором указан вид разрешенного использования «для строительства объектов для организации отдыха населения».

Обществу выдано разрешение на строительство на данном земельном участке.

Впоследствии распоряжением администрации (далее – распоряжение № 1) разрешение на строительство отменено в связи с нарушениями, выявленными при предоставлении земельного участка, а также при выдаче разрешения на строительство.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании распоряжения № 1 недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Одним из обязательных документов, представляемых для получения разрешения на строительство, в силу п. 1 ч. 7 ст. 51 ГрК РФ являются правоустанавливающие документы на земельный участок.

Разрешая спор, суды признали такими документами прошедшие государственную регистрацию договор аренды земельного участка и дополнительное соглашение к нему, сделав вывод о наличии у общества зарегистрированного в установленном порядке права по владению и пользованию спорным земельным участком.

Между тем предметом договора аренды является земельный участок с разрешенным видом использования (целевым назначением) «для организации отдыха населения».

Делая выводы о возможности изменения вида разрешенного использования земельного участка на вид «для строительства объектов для организации отдыха населения» путем заключения дополнительного соглашения к договору аренды, суды не учли, что ЗК РФ установлены различный порядок и процедуры для предоставления в аренду земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для целей строительства и для целей, не связанных со строительством.

Процедура предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для строительства урегулирована положениями ст. 30, 31, 32 ЗК РФ, и ее соблюдение необходимо в целях обеспечения эффективности, справедливости, публичности предоставления таких земельных участков.

Земельный участок поставлен на государственный кадастровый учет в 2014 году и предоставлялся в аренду обществу для целей, не связанных со строительством, на основании распоряжения администрации и без проведения торгов в соответствии со ст. 34 ЗК РФ.

Судами не дано оценки доводам администрации о том, что изменение путем заключения дополнительного соглашения вида разрешенного использования земельного участка с «для организации отдыха населения» на «для строительства объектов для организации отдыха населения» по существу направлено на обход процедур, предусмотренных земельным законодательством для предоставления земельных участков для целей строительства объектов недвижимости, в том числе процедуры торгов для ранее сформированных и поставленных на кадастровый учет земельных участков.

В связи с этим выводы судов о наличии у общества надлежащих прав на земельный участок без должной правовой проверки указанных обстоятельств и доводов администрации о предоставлении земельного участка с нарушением установленного порядка нельзя признать обоснованными.

Определение № 309-КГ17-20985

20. Если лицо в целях приобретения земельного участка в собственность неоднократно подавало заявки о его выкупе, то при определении цены выкупаемого имущества необходимо исходить из наличия по ним единой воли и интереса в заключении договора купли-продажи, поведении лица в достижении по ним результата.

Являясь собственником объекта недвижимости, расположенного на земельном участке, находящемся в публичной собственности, общество неоднократно обращалось в Территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в субъекте Российской Федерации (далее – управление) с заявлениями о

приобретении в собственность спорного земельного участка, в том числе 23 сентября 2008 г., 26 ноября 2014 г. и 18 мая 2015 г.

Отказ управления от 27 мая 2015 г. в предоставлении в собственность земельного участка по заявке общества от 18 мая 2015 г. послужил основанием для обращения общества в арбитражный суд с заявлением о признании этого отказа незаконным и об обязании управления заключить договор купли-продажи.

Решением суда первой инстанции по другому делу требование общества удовлетворено.

Во исполнение этого судебного решения управление направило обществу проект договора, содержавший расчет цены на дату подачи заявки, отказ по которой был оспорен. Общество направило протокол разногласий, содержащий расчет цены на более раннюю дату. Разногласия урегулированы не были.

Общество обратилось в арбитражный суд с требованием об обязании управления заключить договор купли-продажи в редакции, предложенной обществом.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, требования общества удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 36 ЗК РФ, действовавшей до 1 марта 2015 г., исключительное право на приватизацию земельных участков или приобретение права аренды земельных участков имеют граждане и юридические лица – собственники зданий, строений, сооружений, расположенных на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Согласно пп. 5 и 6 названной статьи ЗК РФ правоотношения по предоставлению в собственность земельного участка собственнику расположенного на нем объекта недвижимости возникают в связи с подачей этим лицом соответствующего заявления, а по смыслу п. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» определяющим критерием применения льготных цен при выкупе указанных в данном пункте земельных участков является факт обращения собственника недвижимого имущества с надлежащим заявлением о выкупе земельного участка до 1 июля 2012 г.

С 1 марта 2015 г. предоставление земельного участка в собственность за плату собственнику расположенного на нем объекта

недвижимости без проведения торгов осуществляется в порядке, предусмотренном подп. 6 п. 2 ст. 39^3, п. 1 ст. 39^{20} ЗК РФ.

В соответствии с подп. 6 п. 2 ст. 39^3 ЗК РФ без проведения торгов осуществляется продажа земельных участков, на которых расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них в случаях, предусмотренных ст. 39^{20} ЗК РФ.

Пунктом 1 ст. 39^{20} ЗК РФ предусмотрено исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду гражданами, юридическими лицами, являющимися собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках.

Получив ответы управления от 21 октября 2008 г. и 24 декабря 2014 г., не содержавшие предложение о заключении договора купли-продажи с приложением проекта договора, общество не оспорило в судебном порядке обоснованность таких ответов, которыми, по существу, было отказано в выкупе земельного участка. Общество, считая надлежащей заявку от 23 сентября 2008 г., в которой ему не было отказано управлением и по дате подачи которой, по его мнению, должна определяться цена выкупаемого земельного участка, не учитывает, что с момента обращения с этой заявкой истекли как сроки для ее разрешения управлением, так и сроки для обжалования его бездействия.

Основания, по которым не был приобретен земельный участок согласно заявке общества от 23 сентября 2008 г., не были проверены в установленном законом порядке при рассмотрении самостоятельного спора об отказе в предоставлении земельного участка или об обжаловании бездействия уполномоченного органа.

Обществом оспорен в установленном законом порядке только отказ, выраженный в письме управления от 27 мая 2015 г. по заявлению о выкупе земельного участка от 18 мая 2015 г.

Указанные обстоятельства позволили суду первой инстанции прийти к выводу, что в период с 2008 по 2014 год общество, по сути, утратило интерес к приобретению в собственность спорного земельного участка, а проявление действительной воли истца было выражено в последней заявке от 18 мая 2015 г., получив отказ на которую общество обратилось в суд.

При этом, как обоснованно отмечено судом первой инстанции, заявляя требование о признании незаконным отказа ответчика от 27 мая 2015 г. по последней заявке истца от 18 мая 2015 г., общество доводов о его неоднократном обращении по вопросу приобретения земельного участка (в 2008 и 2014 годах) не приводило, выводов о нарушении прав общества действиями управления при рассмотрении обращений истца в 2008 и 2014 годах решение суда первой инстанции по делу, решением по которому на управление возложена обязанность заключить договор, не содержит.

Таким образом, судебная коллегия полагает, что настоящий спор об урегулировании разногласий о цене выкупаемого имущества возник по условиям договора купли-продажи, проект которого был подготовлен управлением во исполнение решения суда по делу, которым была дана оценка только отказу управления от 27 мая 2015 г. и подтверждено наличие у общества исключительного права на выкуп на момент обращения с заявлением от 18 мая 2015 г.

Определение № 301-ЭС18-1930

21. Требования органа местного самоуправления к собственнику земельного участка о сносе самовольной постройки подлежат удовлетворению, если возведение объекта осуществляется в отсутствие разрешения на строительство и эксплуатация данного здания представляет угрозу для здоровья и жизни граждан.

Предприниматель является собственником земельного участка из категории земель населенных пунктов, назначение «под нежилое здание транспортного назначения».

Письмом уполномоченного органа муниципального образования (далее – администрация) предпринимателю отказано в выдаче разрешения на строительство на данном земельном участке объекта: «Семейное кафе с комплексной инфраструктурой».

В связи с невыполнением предпринимателем требования о прекращении строительных работ администрация обратилась в арбитражный суд с иском о сносе самовольной постройки; предпринимателем предъявлен встречный иск о признании права собственности на спорный объект незавершенного строительства.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении первоначального и встречного исков отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части отказа в удовлетворении первоначально иска о сносе самовольной постройки, данное требование удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила без изменения постановление суда апелляционной инстанции об удовлетворении первоначального иска по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 222 ГК РФ самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные,

созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил (в редакции на момент разрешения спора судами).

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях – в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, при одновременном соблюдении следующих условий: если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; если на день обращения в суд постройка соответствует параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилам землепользования и застройки или обязательным требованиям к параметрам постройки, содержащимся в иных документах; если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан (п. 3 ст. 222 ГК РФ в редакции на момент разрешения спора судами).

Возведение спорного объекта предпринимателем начато до получения разрешения на строительство, а также без проектной документации. Указанные факты ответчиком не оспариваются.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 ГрК РФ разрешение на строительство представляет собой документ, подтверждающий соответствие проектной документации требованиям градостроительного плана земельного участка или проекту планировки территории и проекту межевания территории (в случае строительства, реконструкции линейных объектов) и дающий застройщику право осуществлять строительство, реконструкцию объектов капитального строительства, за исключением случаев, предусмотренных данным кодексом.

Получению разрешения на строительство, как следует из ч. 2 ст. 48 ГрК РФ, предшествует подготовка проектной документации, которая представляет собой документацию, содержащую материалы в текстовой форме и в виде карт (схем) и определяющую архитектурные, функционально- технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства, реконструкции объектов капитального строительства, их частей, капитального ремонта.

При обращении предпринимателя за получением разрешения на строительство уже в процессе возведения спорной постройки администрацией было отказано в его выдаче. Исследовав указанные обстоятельства, по мнению судебной коллегии, суд апелляционной инстанции правомерно признал возведенную ответчиком постройку

самовольной ввиду отсутствия разрешения на ее строительство. Кроме того, суд апелляционной инстанции при рассмотрении дела принял во внимание результаты проведенной по делу судебной экспертизы о том, что спорное строение не соответствует требованиям градостроительных, строительных, экологических, противопожарных правил, нормативов, установленных в Российской Федерации; эксплуатация данного здания небезопасна и представляет угрозу для здоровья и жизни граждан. Экспертом было указано, что здание находится в ограниченно работоспособном состоянии, выявлен целый ряд неверных допущений подрядчика при строительстве, несущих непосредственную угрозу жизни и здоровью людей, пребывающих в здании, физический износ конструкций здания даже при существующих не достигших эксплуатационного значения нагрузках – более 40% по средним значениям. Дальнейшая эксплуатация здания небезопасна.

Таким образом, судебная коллегия полагает, что по делу имелись все доказательства признания спорной постройки самовольной, возведенной с существенным нарушением градостроительных и иных норм и правил, в связи с чем выводы судов первой и кассационной инстанций об отсутствии у администрации таких доказательств не соответствуют имеющимся в деле материалам и в связи с этим их нельзя признать обоснованными.

Определение № 304-ЭС18-2923

22. Продажа объекта культурного наследия, находящегося в публичной собственности, может осуществляться только способами, указанными в ст. 29 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», в том числе в случаях, когда субъект малого или среднего предпринимательства обладает преимущественным правом выкупа данного объекта на основании Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Муниципальное образование является собственником нежилого помещения, которое в соответствии с законом субъекта Российской Федерации отнесено к памятникам истории и культуры регионального значения.

Приказом Министерства культуры Российской Федерации этот объект зарегистрирован в Едином государственном реестре объектов

культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Спорное помещение передано комитетом в аренду обществу.

Уполномоченный орган муниципального образования (продавец; далее – комитет) и общество (покупатель) подписали договор купли-продажи арендуемого помещения на основании заявления общества о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого муниципального имущества в порядке, установленном Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 159-ФЗ), результатов проведенной оценки рыночной стоимости недвижимого имущества и постановления администрации муниципального образования.

Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по субъекту Российской Федерации (далее – регистрирующий орган) отказало в государственной регистрации перехода права собственности в связи с отсутствием протокола об итогах торгов, удостоверяющего право общества на заключение договора купли-продажи, или иного правоустанавливающего документа, предусмотренного ст. 17 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». При этом регистрирующий орган мотивировал отказ тем, что реализация преимущественного права выкупа, предоставленного Законом № 159-ФЗ субъектам малого и среднего предпринимательства, возможна лишь в отношении имущества, приватизация которого допускается Федеральным законом от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Закон о приватизации) и при соблюдении предусмотренных им ограничений, в связи с чем продажа объекта культурного наследия может осуществляться только способами, указанными ст. 29 Закона о приватизации.

Комитет обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными решений регистрирующего органа об отказе в государственной регистрации перехода права и права собственности и об отказе в государственной регистрации ипотеки согласно закону на нежилое помещение, а также о возложении на регистрирующий орган обязанности в течение 10 рабочих дней с момента вступления решения в законную силу провести государственную регистрацию перехода права и права собственности, ипотеки в силу закона на указанное помещение.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены. Суды пришли к выводу, что особенности приватизации объектов культурного наследия урегулированы пп. 1 и 3 ст. 29 Закона о приватизации и п. 7 ст. 48 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об объектах культурного наследия), из совокупного толкования которых следует, что Закон о приватизации допускает продажу объектов культурного наследия в частную собственность субъектов малого и среднего предпринимательства по правилам Закона № 159-ФЗ при условии их обременения обязанностью нового собственника по выполнению требований охранного обязательства либо иного охранного документа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 217 ГК РФ имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, может быть передано его собственником в собственность граждан и юридических лиц в порядке, предусмотренном законами о приватизации государственного и муниципального имущества. При приватизации государственного и муниципального имущества предусмотренные данным Кодексом положения, регулирующие порядок приобретения и прекращения права собственности, применяются, если законами о приватизации не предусмотрено иное.

Согласно п. 5 ст. 3 Закона о приватизации особенности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в приватизации арендуемого государственного или муниципального недвижимого имущества могут быть установлены федеральным законом.

Абзацем первым ст. 3 Закона № 159-ФЗ установлено преимущественное право субъектов малого и среднего предпринимательства, за исключением субъектов малого и среднего предпринимательства, указанных в ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», и субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих добычу и переработку полезных ископаемых (кроме общераспространенных полезных ископаемых), при возмездном отчуждении арендуемого имущества из государственной собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности на приобретение такого имущества по цене, равной его рыночной стоимости и определенной независимым оценщиком в порядке, установленном Федеральным законом от 29 июля

1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 135-ФЗ).

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона № 159-ФЗ отношения, связанные с участием субъектов малого и среднего предпринимательства в приватизации арендуемого имущества и не урегулированные данным федеральным законом, регулируются Законом о приватизации.

Поскольку в рассматриваемом случае объектом приватизации выступает объект культурного наследия, к спорным правоотношениям подлежат применению также специальные нормы Закона о приватизации и положения Закона об объектах культурного наследия.

В соответствии с п. 1 ст. 29 Закона о приватизации в редакции, действовавшей до 22 января 2015 г., объекты культурного наследия (памятники истории и культуры, а также выявленные объекты культурного наследия) могут приватизироваться в порядке и способами, которые установлены данным федеральным законом, при условии их обременения обязательствами по содержанию, сохранению и использованию.

В указанной редакции п. 1 ст. 29 Закона о приватизации устанавливал особенности приватизации объекта культурного наследия, в том числе арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, равные для всех участников гражданского оборота, которые состояли в наличии законодательного условия об обременении такого объекта охранными обязательствами.

Между тем Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 315-ФЗ) внесены изменения, которые вступили в силу 22 января 2015 г.

Данные изменения направлены на совершенствование правового регулирования в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия.

Согласно п. 1 ст. 29 Закона о приватизации (здесь и далее – нормы в редакции Закона № 315-ФЗ) объекты культурного наследия, включенные в реестр объектов культурного наследия, могут приватизироваться в составе имущественного комплекса унитарного предприятия, преобразуемого в акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью, а также путем продажи на конкурсе или путем внесения указанных объектов в качестве вклада в уставный капитал акционерного общества при условии их обременения требованиями к содержанию и использованию объектов культурного наследия, включенных в реестр объектов культурного наследия, требованиями к сохранению таких объектов, требованиями к обеспечению доступа к указанным объектам.

Статьей 20 Закона о приватизации установлено, что договор купли-продажи государственного или муниципального имущества включает в себя условия конкурса, формы и сроки их выполнения; порядок подтверждения победителем конкурса выполнения принимаемых на себя обязательств; порядок осуществления контроля за выполнением победителем конкурса условий конкурса; ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по договору купли-продажи в виде неустойки за невыполнение победителем конкурса условий, а также ненадлежащее их выполнение, в том числе нарушение промежуточных или окончательных сроков выполнения таких условий и объема их выполнения; проведение работ по сохранению объекта культурного наследия, включенного в реестр объектов культурного наследия, в порядке, установленном Законом об объектах культурного наследия; в случае неисполнения победителем конкурса условий, а также ненадлежащего их исполнения, в том числе нарушения промежуточных или окончательных сроков исполнения таких условий и объема их исполнения, договор купли-продажи государственного или муниципального имущества расторгается по соглашению сторон или в судебном порядке с одновременным взысканием с покупателя неустойки, указанное имущество остается соответственно в государственной или муниципальной собственности, а полномочия покупателя в отношении указанного имущества прекращаются; помимо неустойки с покупателя также могут быть взысканы убытки, причиненные неисполнением договора купли-продажи, в размере, не покрытом неустойкой; другие условия, предусмотренные ст. 29 данного Федерального закона в отношении объектов культурного наследия, включенных в реестр объектов культурного наследия (пп. 14, 15, 21, 23).

Порядок установления условий конкурса в отношении объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр, а также порядок его проведения в соответствии со ст. 20, 29 Закона о приватизации урегулированы Положением о проведении конкурса по продаже государственного или муниципального имущества, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 584.

Статьей 29 Закона о приватизации, в редакции Закона № 315-ФЗ, установлены дополнительные особенности приватизации объектов культурного наследия, включенных в реестр объектов культурного наследия: передача в частную собственность таких объектов допускается только в составе имущественного комплекса унитарного предприятия, преобразуемого в акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью; путем продажи на конкурсе; путем внесения указанных объектов в качестве вклада в уставный капитал акционерного общества. При этом данные способы приватизации

объектов культурного наследия, включенных в реестр объектов культурного наследия, возможны только при условии их обременения требованиями к содержанию, использованию, сохранению и обеспечению доступа к указанным объектам, сделка по отчуждению указанных объектов в порядке приватизации, не содержащая указанных охранных условий, является ничтожной в силу прямого указания на это в п. 3 ст. 29 Закона о приватизации. При несоблюдении покупателем условий конкурса договор может быть расторгнут, при этом объект культурного наследия остается в государственной или муниципальной собственности (ст. 20 Закона о приватизации).

Оснований для применения п. 2 ст. 43 Закона о приватизации к спорным правоотношениям не установлено.

Принимая во внимание изложенное, оспариваемые заявителем решения регистрирующего органа являются законными и обоснованными.

Определение № 301-КГ18-753

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

23. По общему правилу, в отношениях между несколькими лицами, которым одно и то же требование передавалось от одного цедента, при отсутствии исполнения со стороны должника требование признается перешедшим к лицу, в пользу которого передача была совершена ранее. Однако если в этой ситуации состоявшаяся ранее уступка является ничтожной, например на основании ст. 170 или ст. 10, 168 ГК РФ, цессионарий по такой уступке не считается надлежащим кредитором.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании долга по договору.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, иск удовлетворен.

На стадии кассационного производства от общества и от организации поступили ходатайства о процессуальном правопреемстве – замене общества на организацию. В обоснование ходатайств суду представлен договор уступки права от 1 декабря 2017 г.

Впоследствии от фирмы также поступило заявление о процессуальной замене общества на фирму на основании уступки права от 20 мая 2017 г.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции оставлено без изменения. Арбитражный суд округа удовлетворил ходатайство общества и организации (далее также

– второй цессионарий) и отклонил соответствующее ходатайство фирмы (далее также – первый цессионарий).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа в части, касающейся процессуального правопреемства, и в указанной части направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд округа по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ст. 390 ГК РФ в отношениях между несколькими лицами, которым одно и то же требование передавалось от одного цедента, требование признается перешедшим к лицу, в пользу которого передача была совершена ранее. В случае исполнения должником другому цессионарию риск последствий такого исполнения несет цедент или цессионарий, которые знали или должны были знать об уступке требования, состоявшейся ранее.

Указанная норма в ее истолковании, содержащемся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений гл. 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – постановление № 54), предлагает следующее распределение рисков между цедентом и несколькими цессионариями:

при отсутствии исполнения со стороны должника надлежащим кредитором считается цессионарий, в отношении которого момент перехода требования наступил ранее (в настоящем деле совпадает с моментом заключения договора). Другой цессионарий, в отношении которого момент перехода спорного требования должен был наступить позднее, вправе требовать с цедента возмещения убытков;

в случае исполнения должником такому иному лицу риск последствий исполнения несет цедент или цессионарий, которые знали или должны были знать об уступке требования, состоявшейся ранее (абзац второй п. 4 ст. 390 ГК РФ).

Таким образом, в п. 7 постановления № 54 содержится критерий добросовестности цедента и цессионария для распределения рисков при двойной уступке одного права для ситуаций, когда исполнение должником уже осуществлено.

Следовательно, при отсутствии исполнения должником в качестве общего правила действует критерий момента перехода требования, указанный п. 4 ст. 390 ГК РФ.

Арбитражный суд округа, делая вывод о переходе спорного права требования к организации, не учел, что в силу действующего законодательства приоритет цессии при заключении нескольких соглашений об уступке одного и того же права (требования) отдается договору цессии, который заключен ранее, и не дал оценки моменту

перехода права, исходя из приоритета уступки, что не может быть признано законным.

Вместе с тем правило об очередности уступки не исключает при наличии соответствующих оснований возможности применения общих положений гражданского законодательства, в частности ст. 10, 170 ГК РФ, а также разъяснений, содержащихся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление № 25).

Кроме того, согласно разъяснениям, содержащимся в п. 86 постановления № 25, мнимая сделка, то есть сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, ничтожна (пункт 1 статьи 170 ГК РФ). Следует учитывать, что стороны такой сделки могут также осуществить для вида ее формальное исполнение, что не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной на основании пункта 1 статьи 170 ГК РФ.

Таким образом, правило первого абзаца п. 4 ст. 390 ГК РФ может знать исключения при недобросовестности первого цессионария.

Поскольку заявление о процессуальном правопреемстве не относится к требованиям по существу спора, положения ст. 287 АПК РФ не препятствуют суду кассационной инстанции устанавливать обстоятельства, позволяющие определить момент перехода спорного права требования с учетом уступки его цедентом сразу двум цессионариям.

Определение № 306-ЭС18-6395

24. Суд не может отклонить возражение арендатора об уменьшении в соответствии с условиями договора аренды взыскиваемой арендной платы на стоимость произведенных арендатором и неотделимых улучшений со ссылкой на необходимость предъявления арендатором встречного иска. Данное требование может быть заявлено и в форме возражения.

Сторона договора, не прошедшего необходимую государственную регистрацию, не вправе на этом основании ссылаться на его незаключенность.

Если кредитором приняты наличные денежные средства во исполнение обязанности по договору, соответствующая обязанность считается прекращенной в том числе в случаях, когда договором предусматривался безналичный расчет.

Ассоциация, являясь арендатором нежилых помещений, передала в субаренду часть этих помещений обществу (субарендатор). Согласно условиям этого договора на момент его подписания общество передало

ассоциации денежную сумму, которая будет зачтена в счет арендной платы. Кроме того, ассоциация в течение 15 дней после подписания договора обязуется передать обществу лифт, а в случае невозможности представить лифт в указанный срок обществу предоставляется право установить его самостоятельно с дальнейшей компенсацией понесенных расходов. Возмещение затрат субарендатора на улучшение арендованного имущества и выполнение ремонтных работ осуществляется путем уменьшения арендной платы, установленной за пользование помещениями на сумму фактически произведенных затрат.

Указанный договор зарегистрирован в установленном порядке.

Дополнительными соглашениями в 2014 и 2015 годах стороны изменили площадь арендуемых помещений и размер арендной платы. Указанные дополнительные соглашения не были зарегистрированы.

Решением суда по другому делу договор субаренды расторгнут, общество освободило арендуемые помещения.

Ассоциация обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности по арендной плате и пеней.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды приняли в расчет размер арендной платы, установленной дополнительным соглашением 2014 года, указав на то, что оно исполнялось сторонами, а доказательства исполнения дополнительного соглашения 2015 года отсутствуют. Суды отклонили довод общества о том, что предъявленная к взысканию задолженность по арендной плате подлежала уменьшению на сумму понесенных им расходов на проведение ремонтных работ в помещениях и установку лифта, поскольку уменьшение задолженности возможно только в случае предъявления встречного иска. Суды признали также необоснованным довод общества о частичном погашении им задолженности путем осуществления наличных расчетов, сославшись на то, что условиями договора не предусмотрено внесение арендной платы наличными денежными средствами; стороны в установленном порядке не внесли изменения в условия договора в части проведения расчетов; расходные кассовые ордера оформлены с нарушением требований, предусмотренных указанием ЦБ РФ от 11 марта 2014 г. № 3210-У «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства».

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В договоре стороны пришли к соглашению о том, что возмещение затрат субарендатора на улучшение арендованного имущества и

выполнение ремонтных работ будет осуществляться путем уменьшения арендной платы, установленной за пользование помещениями, на сумму фактически произведенных затрат.

Таким образом, из условий данного договора прямо следует, что стоимость определенных видов работ и указанная в договоре сумма подлежат возмещению арендатору путем уменьшения текущей арендной платы, то есть данный вычет прямо назван в договоре как порядок расчета арендной платы.

При таких условиях договора имеет место исчисление размера арендной платы согласно установленному в договоре порядку, в результате которого определяется обязанность арендатора по уплате арендной платы в определенном размере.

В ходе рассмотрения иска судом такой расчет наличия (остатка) или отсутствия задолженности по арендной плате может производиться не в форме встречного иска, а в форме возражения на иск. При этом суд в соответствии с нормами процессуального права исследует фактические и юридические основания данного возражения (ч. 1 ст. 64, ч. 1-3[1] ст. 65, ч. 7 ст. 71, ч. 1 ст. 168, чч. 3-4 ст. 170 АПК РФ).

В силу п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» в редакции постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 13, если судами будет установлено, что собственник передал имущество в пользование, а другое лицо приняло его без каких-либо замечаний, соглашение о размере платы за пользование имуществом и по иным условиям пользования было достигнуто сторонами и исполнялось ими, то в таком случае следует иметь в виду, что оно связало их обязательством, которое не может быть произвольно изменено одной из сторон (ст. 310 ГК РФ), и оснований для применения судом положений ст. 1102, 1105 ГК РФ не имеется. В силу ст. 309 ГК РФ пользование имуществом должно осуществляться и оплачиваться в соответствии с принятыми на себя стороной такого соглашения обязательствами.

В п. 3 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» разъяснено, что сторона договора, не прошедшего необходимую государственную регистрацию, не вправе на этом основании ссылаться на его незаключенность. Как указано в названном пункте, по смыслу ст. 164, 165, п. 3 ст. 433, п. 2 ст. 651 ГК РФ

государственная регистрация договора осуществляется в целях создания возможности для заинтересованных третьих лиц знать о долгосрочной аренде.

Впоследствии указанная позиция Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации нашла отражение в уточняющем дополнении законодателем п. 3 ст. 433 ГК РФ, согласно действующей редакции которого государственная регистрация договора имеет значение для момента его заключения исключительно для третьих лиц.

Дополнительное соглашение 2015 года подписано генеральными директорами сторон, скреплено печатями, факт его заключения сторонами не оспаривался. При этом аренда помещений обществом продолжена. При таких обстоятельствах последующие ссылка арендодателя на незаключенность данного соглашения в связи с отсутствием его государственной регистрации является недобросовестным поведением и не имеет правового значения, поскольку арендодатель, вступив в подобное соглашение, создал у арендатора разумные ожидания того, что договор будет действовать с учетом измененной платы. В свою очередь арендатор, полагаясь на данное изменение, также строил стратегию своего поведения в договорных отношениях, в частности производил улучшения арендуемого имущества с целью дальнейшего его использования.

Из изложенного следует, что дополнительное соглашение 2015 года должно применяться в отношениях между его сторонами независимо от его государственной регистрации.

Кроме того, суды не приняли доказательства оплаты арендной платы наличными денежными средствами, сославшись на то, что договором не предусмотрено внесение платежей наличными денежными средствами и стороны в установленном порядке не меняли его условия в части проведения расчетов.

Согласно п. 2 ст. 861 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 1 июня 2018 г.) расчеты между юридическими лицами, а также расчеты с участием граждан, связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, производятся в безналичном порядке. Расчеты между этими лицами могут производиться также наличными деньгами, если иное не установлено законом.

Статьей 309 ГК РФ предусмотрено, что обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований - в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Если договором предусмотрен безналичный способ платежей, то кредитор может отказаться от принятия платежа через наличные расчеты, поскольку данное исполнение не будет надлежащим.

Вместе с тем, если кредитор принимает наличные денежные средства, он соглашается на изменение порядка исполнения обязательства и впоследствии не может ссылаться на условие договора о безналичном расчете.

Поскольку законодательством не предусмотрено закрытого перечня доказательств, которыми может подтверждаться внесение арендной платы, осуществление предоставления по договору может подтверждаться любыми относимыми и допустимыми доказательствами (ст. 68 АПК РФ). При этом само по себе непоступление полученных уполномоченным представителем арендодателя наличных денежных средств на банковские счета организации не является основанием считать обязательство арендатора по внесению арендной платы неисполненным.

Публично-правовым законодательством установлен запрет на наличный расчет между юридическими лицами сверх определенного предела. Согласно статье 82.3 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России устанавливает правила наличных расчетов, включая ограничения наличных расчетов между юридическими лицами, а также расчетов с участием граждан, связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности. В соответствии с п. 6 Указания Банка России от 7 октября 2013 г. № 3073-У «Об осуществлении наличных расчетов» наличные расчеты в валюте Российской Федерации и иностранной валюте между участниками наличных расчетов в рамках одного договора, заключенного между указанными лицами, могут производиться в размере, не превышающем 100 000 руб. либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 100 000 руб. по официальному курсу Банка России на дату проведения наличных расчетов (далее – предельный размер наличных расчетов). Наличные расчеты производятся в размере, не превышающем предельный размер наличных расчетов, при исполнении гражданско-правовых обязательств, предусмотренных договором, заключенным между участниками наличных расчетов, и (или) вытекающих из него и исполняемых как в период действия договора, так и после окончания срока его действия.

Статьей 15.1 КоАП РФ установлена ответственность в виде штрафа за нарушение порядка работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций, выразившееся в осуществлении расчетов наличными деньгами с другими организациями сверх установленных размеров.

Таким образом, при осуществлении расчетов наличными денежными средствами сверх суммы в 100 000 руб. юридические лица будут нести публично-правовую ответственность, однако нет оснований считать, что гражданско-правовое договорное обязательство по оплате

не прекращается надлежащим исполнением в случае принятия кредитором наличных денег.

Определение № 307-ЭС17-23678

25. При зачете встречных однородных требований обязательства сторон прекращаются в момент наступления срока исполнения того обязательства, срок которого наступил позднее, в том числе в случаях, когда заявление о зачете выражается в предъявлении встречного иска.

Компанией (продавец) и обществом (покупатель) заключен договор поставки от 17 декабря 2010 г., по которому поставленный товар оплачен с нарушением установленного срока. При несвоевременной оплате полученного товара договором предусмотрено взыскание неустойки в размере 0,1% от стоимости неоплаченного товара за каждый день просрочки.

Теми же сторонами 15 октября 2015 г. заключен договор поставки фармацевтической продукции и товаров, по которому поставщиком являлось общество, а покупателем – компания. Дополнительным соглашением от 29 ноября 2015 г. к этому договору стороны предусмотрели, что все расчеты за поставленную и принятую продукцию производятся в соответствии со ст. 410 ГК РФ путем зачета встречных однородных требований. Обязательства общества по первому договору прекращаются с момента получения компанией товара по второму договору. Для зачета достаточно заявления одной из сторон.

С момента заключения договора поставки от 15 октября 2015 г. по 29 февраля 2016 г. общество поставило компании товар и продукцию на сумму 23 587 282 рублей, что установлено решением суда по другому делу. В рамках названного дела рассмотрены исковые требования компании к обществу о взыскании задолженности по договору от 17 декабря 2010 г. и неустойки, а также встречный иск общества к компании о взыскании задолженности по договору от 15 октября 2015 г. Суд решением от 15 ноября 2016 г. по указанному делу удовлетворил первоначальные и встречные исковые требования компании и общества: взыскал с общества задолженность по договору поставки от 17 декабря 2010 г. в сумме 35 087 466,67 руб. и 12 296 378,51 руб. неустойки по 12 мая 2016 г., а с компании – 23 587 282 руб. задолженности по договору поставки от 15 октября 2015 г. (требование о неустойке не заявлено). В результате зачета встречных однородных требований в пользу компании с общества взыскано 11 500 184,67 руб. задолженности и 12 296 378,51 руб. пеней. Постановлением суда апелляционной инстанции, остановленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение от 15 ноября 2016 г. отменено в части взыскания задолженности в связи с частичным погашением

обществом суммы основного долга. С общества в пользу компании взыскано 10 957 221,65 руб. долга; в остальной части решение оставлено без изменения.

Компания обратилась в арбитражный суд с требованием о взыскании с общества неустойки, начисленной с 13 мая 2016 г. по 27 марта 2017 г. на сумму основного долга (35 087 466,67 руб.), и далее на сумму долга с учетом погашения части суммы в результате зачета по решению суда и тремя платежами 17 апреля 2017 г., 18 апреля 2017 г. и 19 апреля 2017 г. По мнению компании, зачет, произведенный судом, прекращает обязательства в момент вступления решения в законную силу (в данном случае 27 марта 2017 г.).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены частично. Суды согласились с позицией компании о том, что обязательства общества прекратились в день принятия решения судом, который произвел зачет.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из положений ст. 410 ГК РФ следует, что для зачета по одностороннему заявлению необходимо, чтобы встречные требования являлись однородными, срок их исполнения наступил (за исключением предусмотренных законом случаев, при которых допускается зачет встречного однородного требования, срок которого не наступил).

Подача заявления о зачете является выражением воли стороны односторонней сделки на прекращение встречных обязательств и одновременно исполнением требования закона, установленного к процедуре зачета (ст. 154, 156, 410 ГК РФ). Дата такого заявления не влияет на момент прекращения обязательства, который определяется моментом наступления срока исполнения того обязательства, срок которого наступил позднее.

Предъявление встречного иска, направленного к зачету первоначальных исковых требований, является, по сути, тем же выражением воли стороны, оформленным в исковом заявлении и поданном в установленном процессуальным законодательством порядке. Изменение порядка оформления такого волеизъявления – подача искового заявления вместо направления заявления должнику/кредитору – не должно приводить к изменению момента прекращения обязательства, поскольку предусмотренные ст. 410 ГК РФ основания для зачета (наличие встречных однородных требований и наступление срока их исполнения) остаются прежними. В ином случае материальный момент признания обязательства по договору прекращенным ставится в зависимость от процессуальных особенностей разрешения спора, на которые эта сторона повлиять не может.

При зачете нет принципиальных различий по правовым последствиям для лица, исполнившего обязательство по договору, и лица, обязательство которого прекращено зачетом в порядке ст. 410 ГК РФ. В этой связи начисление неустойки на сумму погашенного зачетом требования за период с наступления срока исполнения более позднего обязательства до подачи заявления о зачете и тем более до вынесения решения суда, которым произведен зачет, не соотносится с назначением неустойки как ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства (ст. 330 ГК РФ).

Определение № 305-ЭС18-3914

26. Поступление требования о платеже гаранту за пределами срока действия банковской гарантии не является основанием для отказа гаранта в совершении платежа, если указанное требование было направлено бенефициаром гаранту в пределах срока действия банковской гарантии и иное не указано в самой гарантии.

Банк выдал обществу банковскую гарантию в обеспечение обязанности центра по возврату полученного от общества авансового платежа.

Согласно гарантии она действует по 28 февраля 2015 г.

Требование о платеже с необходимыми документами общество 20 февраля 2015 г. направило через организацию связи.

Получение письма 13 марта 2015 г. позволило банку прийти к заключению о представлении требования по гарантии по истечении срока ее действия и отказаться от совершения платежа.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к банку о взыскании денежных сумм по банковской гарантии и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано. Суды признали требование по гарантии представленным обществом за пределами срока ее действия.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В рамках настоящего дела спорным явился вопрос о том, в пределах ли срока действия гарантии имело место представление требования о платеже.

В силу ст. 368 ГК РФ условия данного гарантом обязательства определяются в банковской гарантии.

Правовые нормы, регулирующие банковскую гарантию, не препятствуют банку участвовать в установлении условий гарантии и включении в нее положения о совершении платежа по требованию, поступившему до окончания срока действия гарантии.

Однако рассматриваемая гарантия не содержит такого условия, поэтому возражения банка в отношении платежа противоречат закону и содержанию гарантии.

Предпринятая в целях получения платежа сдача обществом в организацию связи письма с необходимыми документами в пределах срока действия гарантии указывает на соблюдение порядка, предусмотренного ст. 194 ГК РФ, и отсутствие недобросовестности в реализации права на получение платежа.

Суд первой инстанции применительно к условию гарантии о подлежащем направлению требовании о платеже правильно признал распространение на общество предписываемого этой нормой порядка, а основанные на нем действия общества – надлежащим представлением требования о платеже, при котором общество не несет рисков в связи с доставкой требования.

В правоотношениях по банковской гарантии в силу ст. 165^1 ГК РФ доставка письма бенефициара (общества) определяет для гаранта (банка) момент совершения платежа и наступления риска ответственности за его просрочку.

Условия, при которых гарант имеет право отказать в удовлетворении требований бенефициара, сформулированы в ст. 376 ГК РФ, и эта норма подлежит применению при обсуждении обоснованности конкретного отказа в платеже. Статья 165^1 ГК РФ не касается оснований отказа в платеже по гарантии.

Определение № 305-ЭС18-4962

27. Если государственный заказчик отказался от договора в связи с существенным нарушением подрядчиком государственного контракта, суд не вправе без согласия заказчика переквалифицировать данный отказ в немотивированный отказ от договора, предусмотренный ст. 717 ГК РФ.

Обществом (поставщик) и уполномоченным органом муниципального образования (заказчик; далее – департамент) заключен муниципальный контракт, согласно которому поставщик обязался передать в муниципальную собственность разработанную проектно-сметную документацию (далее – ПСД, документация) для строительства общеобразовательного учреждения, а заказчик – принять ее и оплатить в соответствии с условиями контракта.

В срок, установленный контрактом, общество направило в адрес заказчика проектно-сметную документацию на строительство общеобразовательного учреждения, разработанную им до заключения контракта, без отчетов об инженерных изысканиях.

Заказчик письменно сообщил об отказе подписать акт приемки, указав, что документация не соответствует условиям контракта; общество выполнило инженерные изыскания и внесло изменения в документацию.

По результатам государственной экспертизы документации на соответствие ее требованиям технических регламентов получено отрицательное заключение.

Ссылаясь на длительный период неисполнения поставщиком обязательств по контракту и на то, что поставка ПСД обществом фактически не осуществлена, департамент на основании ч. 9 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) принял решение об одностороннем отказе от исполнения контракта.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к департаменту о взыскании неосновательного обогащения, признании одностороннего отказа департамента от исполнения муниципального контракта недобросовестным (злоупотребление правом); департаментом был заявлен встречный иск о взыскании с общества неустойки за нарушение сроков предоставления ПСД.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении первоначального иска, частично удовлетворил встречный иск, взыскав неустойку в части.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда в части размера удовлетворения встречного иска.

Суды исходили из того, что общество, участвуя в конкурсной процедуре
заключения контракта, добровольно согласилось на поставку товара на предложенных заказчиком условиях в отсутствие его обязанности по предоставлению исходной документации, позволяющей соотнести поставляемую ПСД с индивидуально определенным земельным участком.

Арбитражный суд округа, руководствуясь ст. 717 ГК РФ и ссылаясь на смешанный характер контракта, заключил, что общество имеет право на получение стоимости переданного типового проекта, имеющего потребительскую ценность для заказчика, удовлетворив первоначальный иск в части взыскания стоимости фактически выполненных обществом работ и встречный иск о взыскании неустойки, исчислив ее от стоимости не исполненных по контракту обязательств. При этом суд округа исходил из того, что в распоряжение заказчика поступила являющаяся предметом контракта в части обязательств по

купле-продаже типовая проектно-сметная документация для строительства общеобразовательного учреждения, доказательств возврата которой обществу вследствие отсутствия потребительской ценности и невозможности доработки и использования ее по назначению не представлено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа, оставив в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ, ч. 1 статьи 307^1 ГК РФ к договорным обязательствам, возникшим из государственного (муниципального) контракта, применяются в первую очередь нормы Закона № 44-ФЗ, которые являются специальными по отношению к нормам ГК РФ.

В соответствии с ч. 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным ГК РФ для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, при условии, если это было предусмотрено контрактом.

В пп. 14 и 15 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2017 г., разъяснено, что, если в государственном (муниципальном) контракте содержится общее указание на право стороны на односторонний отказ, отсутствие в контракте упоминания о каком-либо конкретном существенном нарушении обязательств, являющемся основанием для одностороннего отказа, не может свидетельствовать об отсутствии у стороны такого права.

Части 12 и 13 ст. 95 Закона № 44-ФЗ устанавливают специальную процедуру отказа от контракта и иным образом, по сравнению с общими положениями ГК РФ, определяют момент, в который отказ заказчика от договора считается состоявшимся.

Установленные судами первой и апелляционной инстанций обстоятельства свидетельствуют о существенном нарушении условий контракта обществом и, соответственно, о невозможности признания отказа заказчика от исполнения контракта немотивированным.

Контракт заключается на условиях, указанных в извещении о проведении электронного аукциона и документации о таком аукционе, по цене, предложенной его победителем (ч. 10 ст. 70 Закона № 44-ФЗ).

Суды первой и апелляционной инстанций, отказывая обществу в иске, пришли к обоснованному выводу о том, что разработанная в соответствии с предметом контракта документация заказчику не

предоставлена, а типовая документация, стоимость которой просило взыскать общество, разработана до заключения контракта для иного объекта капитального строительства и не имеет потребительской ценности для заказчика.

Таким образом, с учетом предмета контракта и предъявленных требований к объекту проектирования, суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что контракт обществом не исполнен, поэтому требования общества удовлетворению не подлежат.

Следовательно, выводы суда округа о прекращении действия контракта на основании ст. 717 ГК РФ и о наличии оснований для взыскания стоимости фактически выполненных работ не могут быть признаны законными.

Определение № 304-ЭС18-2754

28. При отсутствии доказательств того, что оказанные услуги не входят в программу обязательного медицинского страхования, и при отсутствии фактов нарушения медицинской организацией требований, предъявляемых к предоставлению медицинской помощи, медицинские услуги, оказанные сверх объема, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования, должны признаваться попадающими под страховое обеспечение по обязательному медицинскому страхованию и подлежащими оплате в полном объеме в соответствии с установленными тарифами обязательного медицинского страхования страховой медицинской организацией.

Санаторием и страховой компанией заключен договор на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, согласно которому санаторий обязался оказать необходимую медицинскую помощь застрахованному лицу в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования, а страховая компания – оплатить медицинскую помощь, оказанную в соответствии с названной программой.

Кроме того, в соответствии с условиями договора страховая компания обязана оплачивать медицинскую помощь, оказанную застрахованным лицам в пределах объемов медицинской помощи по территориальной программе обязательного медицинского страхования, установленных решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования (далее – комиссия), с учетом результатов контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи, тарифов на оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, в

течение трех рабочих дней после получения средств обязательного медицинского страхования от территориального фонда обязательного медицинского страхования на основании предъявленных санаторием счетов и реестров счетов до 20 числа каждого месяца включительно.

Страховая компания оплатила оказанные санаторием медицинские услуги в пределах установленного решением комиссии объема медицинской помощи по территориальной программе обязательного медицинского страхования.

Санаторий обратился в арбитражный суд с иском к страховой компании о взыскании стоимости услуг, оказанных санаторием с превышением объемов предоставления медицинской помощи, утвержденных решением комиссии.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила исковое требование по следующим основаниям.

В силу ч. 8 ст. 3, ст. 35 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – Закон об ОМС) базовая программа обязательного медицинского страхования является составной частью программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, утверждаемой Правительством Российской Федерации.

Территориальная программа обязательного медицинского страхования формируется в рамках реализации базовой программы в соответствии с требованиями, установленными базовой программой обязательного медицинского страхования (ч. 9 ст. 35, ч. 1 ст. 36 Закона об ОМС). При этом территориальная программа обязательного медицинского страхования может включать в себя перечень страховых случаев, видов и условий оказания медицинской помощи в дополнение к установленным базовой программой (ч. 7 ст. 36 Закона об ОМС).

Объемы предоставления медицинской помощи, установленные территориальной программой обязательного медицинского страхования, распределяются решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования между страховыми медицинскими организациями и между медицинскими организациями исходя из количества, пола и возраста застрахованных лиц, количества прикрепленных застрахованных лиц к медицинским организациям, оказывающим амбулаторно-поликлиническую помощь, а также потребности застрахованных лиц в медицинской помощи (ч. 10 ст. 36 Закона об ОМС).

Страховая медицинская организация производит оплату медицинской помощи, оказанной застрахованному лицу, по тарифам на оплату медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования в порядке, установленном правилами обязательного медицинского страхования (ч. 7 ст. 15, ч. 6 ст. 39 Закона об ОМС), в частности на основании представленных медицинской организацией реестров счетов и счетов на оплату медицинской помощи в пределах объемов предоставления медицинской помощи, установленных решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования.

Однако, исходя из ч. 5 ст. 15 Закона об ОМС, медицинская организация не вправе отказать застрахованным лицам в оказании медицинской помощи в соответствии с территориальной программой обязательного медицинского страхования, что представляет собой гарантию своевременного оказания бесплатной медицинской помощи; возможность оказания бесплатной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования не ставится в зависимость от запланированного общего объема таких услуг и превышения распределенного объема предоставления медицинской помощи.

Из положений ч. 1 ст. 38, ч. 2 ст. 39 Закона об ОМС не следует, что фактическое оказание медицинской помощи сверх установленного в договоре со страховой организацией объема освобождает страховую медицинскую организацию от исполнения обязательств по оплате оказанной медицинской помощи, предусмотренной базовой программой обязательного медицинского страхования и перечнем территориальной программы обязательного медицинского страхования.

Медицинские организации не должны нести негативные последствия за недостатки планирования программы обязательного медицинского страхования или прогнозирования заболеваемости населения, а также за несвоевременность корректировки объемов медицинской помощи, которая возможна на основании пп. 110 и 123 Правил обязательного медицинского страхования, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального развития России от 28 февраля 2011 г. № 158н.

Предъявляя иск о взыскании задолженности к страховым медицинским организациям и территориальному фонду обязательного медицинского страхования, медицинская организация должна доказать факт оказания медицинских услуг в соответствии с программой обязательного медицинского страхования, а страховая медицинская организация и территориальный фонд обязательного медицинского страхования – его опровергнуть (ч. 1 ст. 65 АПК РФ).

При отсутствии доказательств того, что оказанные услуги не входят в программу обязательного медицинского страхования, и при

отсутствии фактов нарушения медицинской организацией требований, предъявляемых к предоставлению медицинской помощи, медицинские услуги, оказанные сверх объема, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования, должны признаваться попадающими под страховое обеспечение по обязательному медицинскому страхованию и подлежащими оплате в полном объеме в соответствии с установленными тарифами обязательного медицинского страхования страховой медицинской организацией.

В рамках настоящего дела страховой компанией не оспариваются фактический объем оказанных медицинских услуг, оказание медицинских услуг в соответствии с территориальной программой обязательного медицинского страхования, отсутствие фактов нарушения санаторием требований, предъявляемых к предоставлению медицинских услуг. Доказательств того, что оказанные услуги не покрываются страховым обеспечением по обязательному медицинскому страхованию, ответчиком не представлено, и на наличие таких доказательств страховая компания не ссылается.

Определение № 308-ЭС18-8218

Применение законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

29. Не подлежат удовлетворению требования о прекращении правовой охраны товарного знака, зарегистрированного в отношении единых услуг (для всех товаров), только в части услуг в отношении определенного вида товаров.

Предпринимателем в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) подана заявка на регистрацию комбинированного обозначения, включающего словесный элемент, в отношении товаров 27 класса Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (далее – МКТУ) «стенные обои, в том числе обои; обои текстильные» и услуг 35 класса МКТУ «услуги снабженческие для третьих лиц [закупка и обеспечение предпринимателей товарами 27 класса МКТУ]; услуги магазинов по розничной, оптовой продаже товаров 27 класса МКТУ; услуги по розничной, оптовой продаже товаров 27 класса МКТУ; услуги розничной продажи товаров 27 класса МКТУ с использованием телемагазинов или интернет-сайтов».

Правообладателем словесного товарного знака (знака обслуживания) по свидетельству Российской Федерации (далее – товарный знак), зарегистрированного в отношении услуг 35 класса МКТУ «менеджмент в сфере бизнеса; агентства по импорту-экспорту;

распространение образцов; услуги оптовой и розничной торговли; снабженческие услуги для третьих лиц [закупка и обеспечение предпринимателей товарами], сходного до степени смешения, является общество.

Предприниматель обратился в Суд по интеллектуальным правам с иском к обществу о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака по свидетельству Российской Федерации вследствие его неиспользования в части услуг 35 класса МКТУ.

Решением Суда по интеллектуальным правам требования предпринимателя удовлетворены. Суд руководствовался ст. 12, 1484, 1486 ГК РФ и исходил из того, что согласно учредительным документам общества основными видами его деятельности являются покупка, продажа и сдача внаем недвижимости; представленные договоры аренды подтверждают деятельность общества исключительно в качестве арендодателя; доказательств использования товарного знака в части услуг 35 класса МКТУ обществом не представлено.

Постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам решение суда изменено, досрочно прекращена правовая охрана товарного знака по свидетельству Российской Федерации вследствие его неиспользования в отношении части услуг 35 класса МКТУ – «снабженческие услуги для третьих лиц [закупка и обеспечение предпринимателей товарами] в отношении стенных обоев, в том числе обоев, обоев текстильных, клея, в том числе клея обойного, карнизов, фурнитуры». Суд, ссылаясь на п. 4 ст. Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 381-ФЗ), сделал вывод о том, что общество, предоставляя помещения в аренду, тем самым осуществляет деятельность, связанную с розничной торговлей с использованием товарного знака.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно положениям ст. 1, 3 Закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3520-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (в редакции, действующей на дату приоритета товарного знака, далее – Закон о товарных знаках), а также ст. 1477 ГК РФ обозначения, зарегистрированные в качестве товарного знака или знака обслуживания, на которые признается удостоверяемое свидетельством исключительное право, служат соответственно для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, выполняемых ими работ или оказываемых ими услуг.

Из ст. 3 Закона о товарных знаках, п. 1 ст. 1481 ГК РФ следует, что выданный правообладателю охранный документ (свидетельство) на

товарный знак (знак обслуживания) подтверждает само исключительное право, приоритет и перечень товаров и услуг, в отношении которых действует это исключительное право.

Согласно свидетельству Российской Федерации, выданному обществу, правовая охрана на обозначение предоставлена в отношении оспариваемых услуг 35 класса МКТУ «услуги оптовой и розничной торговли; снабженческие услуги для третьих лиц [закупка и обеспечение предпринимателей товарами]» без указания конкретной категории товаров, то есть правовая охрана предоставлена в отношении единых услуг.

Пунктом 1 ст. 1486 ГК РФ предусмотрено, что правовая охрана товарного знака может быть прекращена досрочно в отношении всех товаров или части товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован.

Прекращение правовой охраны товарного знака, который зарегистрирован в отношении единых услуг (для всех товаров), в части определенного вида товаров может позволить заинтересованным лицам неоднократно оспаривать правовую охрану товарного знака вследствие его неиспользования в отношении иных категорий товаров, что не соответствует принципу правовой определенности, предполагающему стабильность и гарантирующему справедливое правовое регулирование.

При этом суд кассационной инстанции неправильно истолковал нормы Закона № 381-ФЗ, приравняв услуги по сдаче помещений в аренду к услугам оптовой и розничной торговли, тогда как согласно положениям ст. 2 Закона № 381-ФЗ оптовая и розничная торговля – вид торговой деятельности, связанной с приобретением и продажей товаров, передачей товара от одного лица другому (от продавца покупателю), что не соответствует деятельности по передаче в аренду торгового помещения.

Определение № 300-ЭС18-3308

30. Российским законодательством не предусмотрена регистрация товарного знака на имя нескольких лиц, за исключением регистрации коллективного товарного знака.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения Федеральной службы по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) об отказе в регистрации отчуждения 50% исключительных прав на товарные знаки и об обязании устранить допущенное нарушение.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением Суда по интеллектуальным правам указанные судебные акты отменены, признано незаконным оспариваемое решение Роспатента.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление Суда по интеллектуальным правам, оставив в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ст. 1229 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (кроме исключительного права на фирменное наименование) может принадлежать одному лицу или нескольким лицам совместно.

Данная норма декларирует общее правило принадлежности исключительных прав на интеллектуальную собственность, тогда как специальные нормы, регулирующие правоотношения в сфере использования товарных знаков, содержатся в параграфе 2 гл. 76 ГК РФ.

Порядок применения нормы п. 2 ст. 1229 ГК РФ относительно товарных знаков определен ст. 1510, 1511 ГК РФ.

В зависимости от состава правообладателей товарные знаки могут быть индивидуальными (предназначенными для индивидуализации товаров одного лица) и коллективными (обозначающими товары, производимые или реализуемые объединением лиц и обладающие едиными характеристиками качества или иными общими характеристиками).

В соответствии с п. 1 ст. 1510 ГК РФ объединение лиц, создание и деятельность которого не противоречат законодательству государства, в котором оно создано, вправе зарегистрировать в Российской Федерации коллективный знак.

Коллективный знак является товарным знаком, предназначенным для обозначения товаров, производимых или реализуемых входящими в данное объединение лицами и обладающих едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками.

Коллективным знаком может пользоваться каждое из входящих в объединение лиц.

Порядок регистрации и пользования исключительным правом на коллективный знак определен ст. 1511 ГК РФ и отличен от регистрации и использования товарного знака, правообладателем которого является одно лицо.

Статьей 1510 ГК РФ предусмотрено, что правообладателем коллективного знака может быть объединение лиц, при этом каждое из входящих в данное объединение лиц может пользоваться коллективным знаком с учетом требований ст. 1511 ГК РФ. Какого-либо иного порядка совладения товарным знаком ГК РФ не содержит.

Согласно п. 4 ст. 1511 ГК РФ коллективный знак и заявка на коллективный знак могут быть преобразованы соответственно в товарный знак и в заявку на товарный знак и наоборот.

Следовательно, доводы общества и компании о неприменении Роспатентом положения п. 2 ст. 1229 ГК РФ к спорным правоотношениям являются необоснованными.

Как следует из ст. 128 ГК РФ, законодатель разделяет вещные права и права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (интеллектуальная собственность).

Согласно п. 2 ст. 1227 ГК РФ к интеллектуальным правам не применяются положения раздела II ГК РФ (право собственности и другие вещные права).

С учетом указанных выше норм права суды первой и апелляционной инстанций обоснованно пришли к выводу о том, что положения о долевой собственности (гл. 16 ГК РФ) к интеллектуальным правам не могут применяться в принципе, поскольку данные отношения регулируются соответствующими специальными нормами четвертой части ГК РФ.

Выводы Суда по интеллектуальным правам о том, что судами не учтены нормы международных соглашений, участницей которых является Российская Федерация, прямо предусматривающие возможность совладения исключительным правом на товарный знак, а именно - положения п. (3) ст. 5С Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее - Парижская конвенция) и ст. 11 Сингапурского договора о законах по товарным знакам от 27 марта 2006 г. (далее - Сингапурский договор), являются необоснованными.

Согласно п. (3) ст. 5С Парижской конвенции одновременное применение одного и того же знака на одинаковых или сходных продуктах промышленными или торговыми предприятиями, рассматриваемыми в качестве совладельцев знака в соответствии с положениями закона страны, где испрашивается охрана, не препятствует регистрации знака и никоим образом не ограничивает охрану, предоставленную указанному знаку в какой-либо стране Союза, если только такое применение не вводит общественность в заблуждение и не противоречит публичным интересам.

Данная норма посвящена вопросам использования товарного знака.

Статьей 11 Сингапурского договора предусмотрен порядок изменения владельца товарного знака.

Положения п. (3) ст. 5С Парижской конвенции и ст. 11 Сингапурского договора не предписывают странам-участницам предоставлять правовую охрану товарным знакам на имя нескольких лиц одновременно.

Кроме того, согласно статье 6С Парижской конвенции условия подачи заявки и регистрации товарных знаков определяются в каждой стране Союза ее национальным законодательством.

Российским законодательством не предусмотрен порядок регистрации товарного знака на имя нескольких лиц, за исключением регистрации коллективного товарного знака.

Определение № 305-КГ18-2488

Практика применения законодательства о налогах и сборах и об обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды

31. Законодательство о налогах и сборах связывает обязанность по исчислению и уплате налога на имущество организаций с наличием у налогоплательщика реально существующих объектов недвижимости, способных приносить экономические выгоды его владельцу.

Общество являлось собственником недвижимого имущества, которое 15 апреля 2015 г. было снесено и списано с бухгалтерского учета. Между тем запись в Единый государственный реестр прав на недвижимость и сделок с ним о прекращении права собственности и ликвидации указанного имущества была внесена 24 сентября 2015 г.

По результатам камеральной налоговой проверки представленной обществом налоговой декларации по налогу на имущество организаций за 9 месяцев 2015 г. налоговым органом вынесено решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, в соответствии с которым обществу доначислен указанный налог и начислены соответствующие суммы пеней. По мнению налогового органа, несмотря на ликвидацию объекта недвижимости, налог на имущество подлежал исчислению до момента исключения сведений о недвижимости из государственного реестра, то есть за весь отчетный период 9 месяцев 2015 г.

Полагая свои права нарушенными, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды исходили из того, что, в соответствии с постановлением Правительства Москвы от 28 ноября 2014 г. № 700-ПП «Об определении перечня объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как их кадастровая стоимость»,

рассматриваемое недвижимое имущество включено в перечень объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база на 2015 год определяется как их кадастровая стоимость. Как указали суды, в отношении таких объектов недвижимости установлен специальной порядок определения налоговой базы, отличный от правил бухгалтерского учета, а именно, в целях применения положений ст. 378^2 и 382 НК РФ, датой прекращения прав собственности у общества на снесенный объект недвижимого имущества признается дата снятия с государственного кадастрового учета такого объекта.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленное требование по следующим основаниям.

Статьей 374 НК РФ предусмотрено, что объектами налогообложения для российских организаций признается движимое и недвижимое имущество, учитываемое на балансе в качестве объектов основных средств в порядке, установленном для ведения бухгалтерского учета.

Положения ст. 378^2 (кроме подп. 4 п. 1) и 382 НК РФ, предусматривающие особенности обложения налогом недвижимости, в отношении которой налоговая база определяется как ее кадастровая стоимость, не устанавливают иных признаков объекта налогообложения по сравнению с тем, как они определены ст. 374 НК РФ.

Следовательно, законодательство о налогах и сборах связывает обязанность по исчислению и уплате налога на имущество организаций с наличием у налогоплательщика реально существующих объектов недвижимости, способных приносить экономические выгоды его владельцу и потому признаваемых частью активов налогоплательщика – объектами основных средств.

Уплата налога со стоимости недвижимости выступает в этом случае одной из составляющих бремени содержания имущества, которое лежит на собственнике, а само по себе наличие в государственном кадастровом учете сведений об объекте недвижимости и его принадлежности налогоплательщику не может служить основанием для взимания налога при отсутствии облагаемого имущества в действительности.

Отказывая в удовлетворении требований общества, суды сослались на установленный п. 5 ст. 382 НК РФ порядок исчисления налога, согласно которому при прекращении у налогоплательщика в течение налогового (отчетного) периода права собственности на объекты недвижимого имущества, указанные в ст. 378^2 НК РФ, исчисление суммы налога (сумм авансовых платежей по налогу) в отношении данных объектов недвижимого имущества осуществляется с учетом коэффициента, определяемого как отношение количества полных месяцев, в течение которых данные объекты недвижимого

имущества находились в собственности налогоплательщика, к количеству месяцев в налоговом (отчетном) периоде.

Однако суды не приняли во внимание, что право на вещь не может существовать в отсутствие самой вещи. На основании п. 1 ст. 235 ГК РФ и с учетом разъяснений, данных п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в случае сноса объекта недвижимости право собственности на него прекращается по факту уничтожения (утраты физических свойств) имущества.

Таким образом, налоговый орган необоснованно доначислил налогоплательщику налог по имущество организаций и соответствующие суммы пеней.

Определение № 305-КГ18-9064

32. Наличие у объекта коммерческой недвижимости паспорта, подтверждающего высокий класс энергетической эффективности такого объекта, не является основанием для применения налоговой льготы, предусмотренной п. 21 ст. 381 НК РФ.

Налоговым органом принято решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым доначислен к уплате в бюджет налог на имущество организаций и соответствующие суммы пени и штрафа. Основанием для вынесения указанного решения послужил факт неполной уплаты налога на имущество организаций в связи с неправомерным применением обществом налоговой льготы, предусмотренной п. 21 ст. 381 НК РФ, а также неотражением в декларации сведений о 24 объектах недвижимости.

Полагая свои права нарушенными, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судами установлено, что в подтверждение льготы общество представило в ходе проверки энергетические паспорта, согласно которым объекты недвижимости имеют высокие классы энергетической эффективности. Суды отметили, что классы энергетической эффективности были присвоены спорным объектам в момент введениях их в эксплуатацию, что подтверждается документацией на реконструкцию зданий. На этом основании суды пришли к выводу, что представленные обществом паспорта энергетической эффективности,

подтверждающие соответствие зданий высокому классу энергетической эффективности, имелись и на дату принятия объектов к бухгалтерскому учету после реконструкции. Таким образом, суды подтвердили право общества на применение налоговой льготы, предусмотренной п. 21 ст. 381 НК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала обществу в удовлетворении требований, обратив внимание на следующее.

На основании п. 21 ст. 381 НК РФ организации освобождаются от уплаты налога на имущество в отношении вновь вводимых объектов, имеющих высокий класс энергетической эффективности, если в отношении таких объектов, в соответствии с законодательством Российской Федерации, предусмотрено определение классов энергетической эффективности.

Из взаимосвязанных положений ч. 2 ст. 5, п. 6 ст. 6, ч. 4 ст. 10 и ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 261-ФЗ) следует, что класс энергетической эффективности как особая характеристика, отражающая энергетическую эффективность продукции, определяется в отношении товаров (оборудования и иного движимого имущества), а также в отношении многоквартирных домов.

При этом Федеральный закон № 261-ФЗ, содержащий положения о соответствии зданий, строений, сооружений требованиям энергетической эффективности (ст. 11), не предусмотрел определение классов энергетической эффективности в отношении указанных объектов и не содержит никаких отсылок к подзаконным нормативным правовым актам, которыми должны быть определены правила присвоения классов энергетической эффективности к нежилым объектам недвижимости.

Таким образом, предусмотренная п. 21 ст. 381 НК РФ льгота имеет целевое назначение – стимулирование использования современного энергоэффективного оборудования, повышение энергетической эффективности жилой недвижимости, и не предназначена для объектов коммерческой недвижимости.

Само по себе упоминание в п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 25 января 2011 г. № 18 «Об утверждении Правил установления требований энергетической эффективности для зданий, строений, сооружений и требований к правилам определения класса энергетической эффективности многоквартирных домов» (далее – Правила) о возможности установления класса энергетической эффективности для зданий, строений и сооружений, не являющихся многоквартирными домами, по решению застройщика или собственника

не означает, что на такие объекты может быть распространена налоговая льгота.

Установление классов энергетической эффективности зданий, не являющихся многоквартирными домами, предполагали нормы п. 4.5 раздела 4 и приложений Б и Д СНиП 23-02-2003 «Тепловая защита зданий», введенного в действие с 1 октября 2003 г. постановлением Госстроя России от 26 июня 2003 г. № 113 (далее – СНиП 23-02-2003).

Однако критерием для определения классов энергетической эффективности зданий в СНиП 23-02-2003 является величина отклонения расчетного (фактического) значения удельного расхода тепловой энергии на отопление здания от нормативного, в то время как энергетическая эффективность зданий, строений и сооружений определятся более широкой совокупностью показателей, отражающих удельные расходы энергетических ресурсов на отопление, освещение помещений, вентиляцию и охлаждение, включая кондиционирование (п. 7 Правил).

Действующий в настоящее время свод правил «СП 50.13330.2012. Свод правил. Тепловая защита зданий. Актуализированная редакция СНиП 23-02-2003», утвержденный приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 265, является актуализированной редакцией СНиП 23-02-2003, предусматривает установление классов энергосбережения зданий, которые также не эквивалентны классам энергетической эффективности.

С учетом изложенного представленные налогоплательщиком паспорта энергоэффективности в отношении объектов недвижимости не давали оснований для использования налоговой льготы, предусмотренной п. 21 ст. 381 НК РФ.

Применение для целей налогообложения энергетических паспортов, составленных самим налогоплательщиком в ситуации, когда законодательством не установлены критерии для определения классов энергетической эффективности нежилых зданий, строений, сооружений, свидетельствует о предоставлении индивидуальных налоговых льгот, что в соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 56 НК РФ, недопустимо.

Определение № 309-КГ18-5076

33. Если амортизируемое имущество, полученное унитарным предприятием в оперативное управление или хозяйственное ведение, было приобретено (создано) за счет средств целевого бюджетного финансирования, то амортизация по такому имуществу не начисляется.

На балансе предприятия находились транспортные средства, приобретенные за счет средств бюджета субъекта Российской

Федерации и переданные предприятию в хозяйственное ведение. На указанное имущество предприятием была начислена амортизация.

По результатам выездной проверки налоговым органом вынесено решение о привлечении предприятия к ответственности за совершение налогового правонарушения, в соответствии с которым предприятию доначислены НДС, транспортный налог и налог на доходы физических лиц, а также начислен штраф за нарушение срока уплаты (несвоевременное перечисление) этих налогов. Кроме того, налоговым органом уменьшен исчисленный предприятием убыток по налогу на прибыль организаций, подлежащий переносу на будущее. Принимая указанное решение, налоговый орган руководствовался подп. 3 п. 2 ст. 256 НК РФ, согласно которому имущество, приобретенное (созданное) с использованием бюджетных средств целевого финансирования, не подлежит амортизации.

Полагая свои права нарушенными, предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации решение суда первой инстанции, постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа оставила без изменений по следующим основаниям.

Согласно ст. 247 НК РФ объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается прибыль, полученная налогоплательщиком и определяемая для российских организаций как полученные ими доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов.

К числу расходов налогоплательщика относятся в том числе суммы амортизации, начисленной по объектам основных средств (подп. 3 п. 2 ст. 253 НК РФ).

В абзаце втором п. 1 ст. 256 НК РФ указано, что амортизируемое имущество, полученное унитарным предприятием от собственника имущества унитарного предприятия в оперативное управление или хозяйственное ведение, подлежит амортизации у данного унитарного предприятия в порядке, установленном гл. 25 НК РФ.

В то же время, в силу подп. 3 п. 2 ст. 256 НК РФ, не подлежит амортизации имущество, приобретенное (созданное) за счет бюджетных средств целевого финансирования.

Следовательно, если амортизируемое имущество, полученное унитарным предприятием в оперативное управление или хозяйственное ведение, было приобретено (создано) за счет средств целевого

бюджетного финансирования, то амортизация по такому имуществу не начисляется. При этом не должно иметь значения, были ли средства бюджетного финансирования использованы для приобретения объектов основных средств непосредственно публично-правовым образованием либо направлены унитарному предприятию на эти цели из соответствующего бюджета, имея в виду экономическую однородность указанных способов формирования имущества унитарного предприятия.

Из изложенного вытекает, что, на основании абзаца второго п. 1 ст. 256 НК РФ, амортизация начисляется унитарным предприятием не во всех случаях, а в ситуации, когда амортизируемое имущество, полученное в оперативное управление или хозяйственное ведение, ранее находилось у другого унитарного предприятия и было им создано в рамках осуществления коммерческой деятельности, т.е. вне связи с использованием бюджетного целевого финансирования.

Принимая во внимание, что в рассматриваемой ситуации предприятие приняло к учету основные средства, приобретенные публично-правовым образованием за счет средств бюджетного финансирования, в силу подп. 3 п. 2 ст. 256 НК РФ, данные объекты амортизации в целях налогообложения не подлежали.

Определение № 307-КГ18-1836

34. Несвоевременное представление налогоплательщиком первичной налоговой декларации по налогу на прибыль, а также документов, подтверждающих право на применение налоговой ставки 0 процентов, само по себе не является основанием для лишения налоговой льготы, которая применялась налогоплательщиком в течение истекшего налогового периода.

Обществом, осуществляющим медицинскую деятельность, 4 апреля 2016 г. в налоговый орган была представлена первичная налоговая декларация по налогу на прибыль организаций за 2015 год, в которой налогоплательщик заявил о применении налоговой ставки 0 процентов.

Для подтверждения права на применение налоговой ставки 0 процентов общество 7 апреля 2016 г. представило в налоговый орган документы и сведения, установленные п. 6 ст. 284^1 НК РФ. Уточненные сведения представлялись налогоплательщиком в налоговый орган также 24 мая 2016 г. и 8 июня 2016 г.

До окончания камеральной налоговой проверки указанной первичной налоговой декларации общество представило уточненную налоговую декларацию, в которой заявило о применении налоговой ставки 0 процентов. В соответствии с требованиями абзаца третьего п. 2 ст. 81 НК РФ проверка первичной налоговой декларации была

прекращена и начата новая камеральная проверка уточненной налоговой декларации по налогу на прибыль организаций за 2015 год.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, в соответствии с которым общество привлечено к ответственности за неуплату налога на прибыль организаций и нарушение срока представления налоговой декларации по налогу на прибыль организаций. Также обществу предложено уплатить недоимку по налогу на прибыль организаций и начислена пеня за несвоевременную уплату налога.

Основанием для доначисления в оспариваемом решении недоимки по налогу на прибыль организаций, пени и штрафа послужил вывод налогового органа, что, в нарушение п. 6 ст. 284^1 НК РФ, общество не представило в налоговый орган в установленный законом срок (28 марта 2016 г.) документы и сведения, подтверждающие обоснованность применения налоговой ставки 0 процентов за 2015 год.

Полагая свои права нарушенными, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требования в части доначисления налога на прибыль отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части доначисления налога на прибыль, указав следующее.

На основании п. 1 ст. 284^1 НК РФ организации, осуществляющие медицинскую деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, вправе применять налоговую ставку 0 процентов при соблюдении условий, установленных этой статьей.

Условия для применения налоговой ставки 0 процентов закреплены п. 3 ст. 284^1 НК РФ и связаны с наличием лицензии на осуществление медицинской деятельности, достижением определенных показателей, касающихся доли доходов от ведения указанной деятельности, численности штатного медицинского персонала, общего количества штатных работников, а также с отсутствием у налогоплательщика операций с векселями и производными финансовыми инструментами.

Из содержания названных положений вытекает, что ст. 284^1 НК РФ для отдельной категории налогоплательщиков (осуществляющих медицинскую деятельность и удовлетворяющих совокупности условий, предъявляемых к этой деятельности) предусмотрена возможность не уплачивать налог, что, в соответствии с п. 1 ст. 56 НК РФ, является налоговой льготой.

По общему правилу, о реализации своего права на использование налоговой льготы налогоплательщик заявляет в налоговой декларации (п. 1 ст. 80 НК РФ), представление которой выступает основанием для осуществления налоговым органом мероприятий налогового контроля в форме камеральной налоговой проверки (п. 1 ст. 88 НК РФ).

Таким образом, вопрос о предоставлении налоговой льготы решается по результатам налоговой проверки, в рамках которой должны быть исследованы все направленные налогоплательщиком (имеющиеся у налогового органа) документы, подтверждающие наличие предусмотренных законом условий для использования льготы, в том числе поступившие после представления декларации до окончания налоговой проверки.

Исходя из п. 1 ст. 81 НК РФ и разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», право на налоговую льготу также может быть заявлено в уточненной налоговой декларации и подтверждено по результатам ее проверки.

Следовательно, сам по себе пропуск срока подачи первичной декларации и сведений о выполнении условий для применения налоговой ставки 0 процентов не является основанием для лишения налоговой льготы, которая применялась налогоплательщиком в течение истекшего налогового периода.

В рассматриваемой ситуации налоговый орган действовал непоследовательно, приняв решение о доначислении налога и применении к обществу мер налоговой ответственности по результатам камеральной проверки представленной обществом уточненной налоговой декларации, но без соблюдениях тех правил проведения камеральной налоговой проверки и рассмотрения ее результатов, которые установлены ст. 88 и 101 НК РФ, что не может быть признано правомерным.

При этом в п. 6 ст. 284^1 НК РФ констатируется наличие обязанности по уплате налога в том случае, когда необходимые сведения к определенному сроку не были представлены налогоплательщиком, но не установлен запрет на использование налоговой ставки 0 процентов, если допущенное нарушение сводится только к несоблюдению срока представления сведений (документов) и указанное нарушение устранено на момент проведения налоговой проверки, рассмотрения ее материалов.

При ином подходе обязанность по исчислению и уплате налога с применением налоговой ставки 20 процентов приобретает характер штрафной санкции (меры ответственности) за нарушение срока представления сведений, которая возлагается на налогоплательщика, чье

соответствие условиям применения налоговой ставки 0 процентов, указанным п. 3 ст. 284[1] НК РФ, не опровергается по результатам налоговой проверки, и использовавшего льготу фактически при исчислении налога за истекший период. Однако меры налоговой ответственности должны быть прямо предусмотрены гл. 16 и 18 НК РФ, что следует из п. 1 ст. 107 и п. 1 ст. 108 НК РФ, а их применение – отвечать требованиям соразмерности и справедливости.

Определение № 304-КГ18-5513

35. Налоговое администрирование должно осуществляться с учетом принципа добросовестности, предполагающего учет законных интересов плательщиков налогов и недопустимость создания формальных условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону.

По результатам выездной проверки налоговым органом вынесено решение, которым организации начислена недоимка по налогу на добавленную стоимость (далее – НДС) за 2 квартал 2013 года.

Полагая свои права нарушенными, организация обратилась в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать недействительным решение налогового органа в части доначисления НДС.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований налогоплательщика отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования налогоплательщика, указав следующее.

Налогоплательщику оказывались услуги по организации выпуска, размещения и публичного обращения облигаций.

После подписания акта об оказании услуг организации выставлен счет-фактура от 12 апреля 2013 г. с выделенной суммой налога НДС, и указанная в счете-фактуре сумма налога принята налогоплательщиком к вычету при исчислении налога за 2 квартал 2013 года.

В то же время, в силу подп. 12.2 п. 2 ст. 149 НК РФ, после 1 января 2013 г. реализация оказанных услуг не подлежит налогообложению (освобождается от налогообложения).

В связи с этим 31 марта 2014 г. организация, оказавшая услуги, внесла исправления в ранее выставленный счет-фактуру, исключив выделенную в нем сумму НДС, а налогоплательщиком 9 октября 2015 г. в инспекцию представлена уточненная налоговая декларация по НДС за 1 квартал 2014 года с уменьшением налоговых вычетов на ранее

заявленную к вычету сумму и соответственным увеличением суммы налога, исчисленного к уплате в бюджет.

Основанием доначисления НДС послужил вывод инспекции о неправомерном применении обществом налогового вычета во 2 квартале 2013 года, поскольку налог изначально предъявлен в нарушение подп. 12.2 п. 2 ст. 149 НК РФ.

Между тем, отказывая в удовлетворении требований организации, суды не учли следующего.

Согласно п. 2 ст. 87 НК РФ налоговые проверки проводятся в целях контроля за соблюдением налогоплательщиком законодательства о налогах и сборах и, в соответствии с абзацем шестнадцатым п. 1 ст. 11, п. 8 ст. 101 НК РФ, предполагают совершение налоговым органом действий, направленных на установление размера недоимки – величины налога, не поступившего в бюджет.

При этом, исходя из положений п. 2 ст. 22 НК РФ, устанавливающих обязанность налоговых органов обеспечивать права налогоплательщиков, налоговое администрирование должно осуществляться с учетом принципа добросовестности, предполагающего учет законных интересов плательщиков налогов и недопустимость создания формальных условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону.

В рассматриваемом случае на момент окончания выездной налоговой проверки инспекции было достоверно известно, что произведенная обществом уплата налога в 2015 году связана с исключением ранее принятого налогового вычета по счету-фактуре от 12 апреля 2013 г., то есть выявленное в ходе налоговой проверки нарушение самостоятельно исправлено налогоплательщиком. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в оспариваемом решении налогового органа пени начислены обществу до дня совершения данного платежа.

Таким образом, делая вывод о необоснованном заявлении к вычету НДС за 2 квартал 2013 года и будучи последовательной в формулировании выводов по результатам выездной налоговой проверки, инспекция должна была признать, что недоимка за названный период на момент вынесения решения по итогам налоговой проверки у организации в действительности отсутствует.

Иной подход, занятый налоговым органом и поддержанный судами при рассмотрении дела, привел к тому, что налогоплательщик вынужден был дважды уплатить НДС в связи с ошибочными принятием к вычету сумм «входящего» налога, а именно в 2015 году, когда в уточненной налоговой декларации за 1 квартал 2014 года организация увеличила на указанную сумму исчисленный к уплате налог, и по результатам выездной налоговой проверки, что не отвечает принципу добросовестного налогового администрирования и не может быть

признано соответствующим положениям абзаца шестнадцатого п. 1 ст. 11, п. 2 ст. 22, п. 8 ст. 101 НК РФ.

Определение № 305-КГ18-4557

36. Обязанность налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога при выплате дохода иностранной организации распространяется на все пассивные доходы, экономическим источником возникновения которых является территория Российской Федерации.

Обществом и иностранной компанией заключены договоры на оказание услуг и выполнение работ по развитию проекта по созданию, детерминации и продаже углеродных активов. Во исполнение условий договоров общество в адрес иностранной компании в течение 2012 года перечислило денежных средств.

По результатам многочисленных проверок налоговый орган установил неправомерное отнесение обществом в состав расходов, учитываемых при исчислении налога на прибыль, затрат по хозяйственным операциям с иностранной компанией по указанным договорам и доначислил налог на прибыль, а также соответствующие суммы пеней и штрафов.

Арбитражные суды признали решения налогового органа законными, поскольку иностранная компания являлась «почтовым ящиком»; по адресу акционера данной компании зарегистрированы более 700 организаций; директор компании отрицал какую-либо связь с компанией; у компании отсутствуют активы и доходы; в проверяемый период она представляла декларации с нулевыми показателями; сведения о получении компанией дохода от общества не отражены. Кроме того, судами установлен факт создания обществом искусственного документооборота в подтверждение оказанных услуг иностранной компанией.

Налоговый орган вынес решение о проведении повторной выездной налоговой проверки общества за аналогичный период и по тем же налогам, по результатам которой принял решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым обществу предложено уплатить неудержанный налог с доходов иностранной компании, а также пени.

Основанием для доначисления указанных сумм налога и пени послужил вывод налогового органа, что общество не исполнило обязанность налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога на доходы иностранных организаций от источников в Российской Федерации с денежных средств, перечисленных иностранной компании, вне связи с обычной

предпринимательской деятельностью на основании подп. 10 п. 1 ст. 309 НК РФ.

Считая решение налогового органа незаконным, общество обратилось в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, заявленное обществом требование удовлетворено.

Суд первой инстанции, отказывая обществу в удовлетворении заявленного требования, исходил из того, что денежные средства в указанной сумме перечислены обществом в адрес иностранной компании вне связи с ведением ею предпринимательской деятельности, перечисление произведено в отсутствие какого-либо встречного представления от иностранной компании обществу. В данном случае иностранной компанией получены «другие доходы», которые могут быть обложены в государстве, в котором доход возникает.

Суды апелляционной и кассационной инстанций исходили из следующего: вывод налогового органа о получении данной компанией дохода от общества не в связи с предпринимательской деятельностью, основан исключительно на том обстоятельстве, что иностранная компания не отразила получение прибыли от общества, а расходы общества по отношениям с иностранной компанией признаны неправомерными в связи с нереальностью работ (услуг), выполненных в рамках указанных договоров. Однако налоговым органом не представлены иные сведения, в том числе о дальнейшем движении денежных средств после поступления их на счет иностранной компании, о составе учредителей, исполнении налоговых обязательств за 2013-2015 годы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления арбитражного суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции, руководствуясь следующим.

На основании п. 3 ст. 247 НК РФ для иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Российской Федерации через постоянные представительства, объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признаются доходы, полученные от источников в Российской Федерации, которые определяются в соответствии со ст. 309 НК РФ. Налог в этом случае, согласно подп. 1.1 ст. 309, п. 1 ст. 310 НК РФ, взимается посредством удержания его налоговым агентом – российской организацией, выплачивающей доход.

Из взаимосвязанных положений абзаца первого и подп. 10 п. 1 ст. 309 НК РФ следует, что перечень облагаемых налогом доходов

иностранных организаций является открытым, однако территория Российской Федерации должна выступать местом возникновения экономической выгоды (дохода).

Одновременно п. 2 ст. 309 НК РФ предусматривает исключение из состава налогооблагаемых доходов тех поступлений, которые получены иностранной организацией от продажи товаров, иного имущества, кроме указанного подп. 5 и подп. 6 п. 1 ст. 309 НК РФ (доходы от реализации акций (долей) организаций и доходы от реализации недвижимого имущества), а также имущественных прав, осуществления работ, оказания услуг на территории Российской Федерации.

Таким образом, в отношении именно дохода в виде дивидендов, процентов, роялти и аналогичных выплат, не связанного с ведением иностранной организацией деятельности в Российской Федерации (совершением операций по продаже товаров (работ, услуг), имущественных прав), налоговая юрисдикция Российской Федерации, по общему правилу, распространяется на все доходы, экономическим источником возникновения которых является территория государства.

Следовательно, если выплачиваемый иностранной организации доход прямо не упомянут п. 1 ст. 309 НК РФ как подлежащий налогообложению, то при возникновении спора о наличии у российской организации, выплачивающей доход в пользу иностранного лица, обязанностей налогового агента на налоговом органе лежит бремя доказывания следующих условий: возможность отнесения произведенных выплат к категории пассивного дохода; связь дохода с территорией Российской Федерации.

Судами установлено, что денежные средства получены иностранной компанией безвозмездно, поскольку предусмотренные договорами услуги по развитию проекта по созданию, детерминации и продаже углеродных активов фактически не оказаны данным лицом и из дела не следует намерение их оказать.

Значимым обстоятельством является то, что отсутствие встречного предоставления по сделке заранее осознавалось обществом в качестве участника формального документооборота при фактическом оказании услуг иными юридическими и физическими лицами.

Выплаченные иностранной компании денежные средства по факту представляли собой часть имущества (капитала) общества, связанного по источнику своего образования с территорией Российской Федерации, распределенного в пользу иностранной компании с ведома российской организации и на безвозвратной основе, то есть имела места выплата пассивного дохода.

В связи с этим является обоснованным вывод суда первой инстанции, что у общества, на основании подп. 10 п. 1 ст. 309, п. 1 ст. 310 НК РФ и с учетом правовой позиции, выраженной в п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», в рассматриваемом случае возникла задолженность перед бюджетом в размере налога, не удержанного при выплате дохода иностранной компании, а также соответствующих сумм пеней.

Непредставление налоговым органом сведений о дальнейшем движении денежных средств после поступления их на счет иностранной компании и неустановлении действительного налогоплательщика в рассматриваемом случае не могло являться основанием для вывода о незаконности доначисления налога российской организации, поскольку факт выплаты дохода иностранной организации установлен бесспорно и с этим обстоятельством п. 1 ст. 310 НК РФ связывает возникновение обязанностей налогового агента у российской организации, выплачивающей доход.

На основании изложенного требования общества не подлежали удовлетворению.

Определение № 309-КГ18-6366

37. Применение положений ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонда Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» с 1 января 2017 г. к деяниям, совершенным до этой даты, допустимо только в том случае, если в системе действующего правового регулирования, с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, исчисленный размер штрафа меньше или равен размеру штрафа, исчисленному согласно п. 1 ст. 119 НК РФ.

По результатам камеральной проверки пенсионный фонд вынес решение о привлечении учреждения к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Федеральный закон № 212-ФЗ) в виде штрафа. По мнению пенсионного фонда, учреждение нарушило срок представления расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам по форме РСВ-2 за 2 квартал 2016 года.

Полагая свои права нарушенными, учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения пенсионного фонда незаконным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование удовлетворено.

Суды исходили из того, что Федеральный закон № 212-ФЗ утратил силу с 1 января 2017 г. в связи с принятием Федерального закон от 3 июля 2016 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» (далее – Федеральный закон № 250-ФЗ), а потому, по мнению судов, несмотря на допущенное учреждением нарушение законодательства о страховых взносах, оно не может быть привлечено к ответственности на основании закона, утратившего силу, с учетом положений ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Действительно, Федеральный закон № 212-ФЗ, включая ч. 1 ст. 46 названного закона, утратил силу с 1 января 2017 г. в связи с принятием Федерального закона № 250-ФЗ, однако, согласно ст. 20 Федерального закона № 250-ФЗ, соответствующие органы Пенсионного фонда Российской Федерации и Фонда социального страхования Российской Федерации продолжают осуществлять контроль за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты (перечисления) страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, подлежащих уплате за отчетные (расчетные) периоды, истекшие до 1 января 2017 г., в порядке, действовавшем до дня вступления в силу данного федерального закона.

При этом с 1 января 2017 г., в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» (далее – Федеральный закон № 243-ФЗ), указанные полномочия принадлежат налоговым органам.

Так, п. 85 ст. 1 Федерального закона № 243-ФЗ п. 1 ст. 119 НК РФ изложен в новой редакции, согласно которой непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок налоговой декларации (расчета по страховым взносам) в налоговый орган по месту учета влечет взыскание штрафа в размере 5 процентов не уплаченной в

установленный законодательством о налогах и сборах срок суммы налога (страховых взносов), подлежащей уплате (доплате) на основании этой декларации (расчета по страховым взносам), за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для ее представления, но не более 30 процентов указанной суммы и не менее 1 000 рублей.

Кроме того, п. 80 ст. 1 Федерального закона № 243-ФЗ изменено содержащееся в ст. 106 НК РФ понятие налогового правонарушения, которым теперь признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое НК РФ установлена ответственность.

Таким образом, ответственность плательщика страховых взносов за непредставление в контролирующий орган в законодательно установленный для этого срок расчета по страховым взносам в виде штрафа, которая была предусмотрена ч. 1 ст. 46 Федерального закона № 212-ФЗ, с 1 января 2017 г., т.е. без временного разрыва, установлена п. 1 ст. 119 НК РФ. При этом существо противоправного деяния осталось неизменным, равно как и волеизъявление законодателя о его наказуемости.

На основании изложенного применение положений ч. 1 ст. 46 Федерального закона № 212-ФЗ с 1 января 2017 г. к деяниям, совершенным до этой даты, то есть во время действия данного законоположения, допустимо только в том случае, если в системе действующего правового регулирования, с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, исчисленный в соответствии с названным законоположением во взаимосвязи с общими положениями об ответственности за совершение таких правонарушений размер штрафа меньше или равен размеру штрафа, исчисленному в соответствии с п. 1 ст. 119 НК РФ во взаимосвязи с общими положениями налогового законодательства об ответственности за совершение налоговых правонарушений; в ином случае применению к соответствующим деяниям подлежит п. 1 ст. 119 НК РФ.

Определение № 303-КГ18-1094

38. Пенсионный фонд не вправе привлекать страхователя к ответственности за представление неполных и (или) недостоверных сведений о застрахованных лицах за отчетный период, если страхователь самостоятельно выявил ошибку до ее обнаружения пенсионным фондом и представил в пенсионный фонд исправленные сведения за этот период.

По результатам камеральной проверки пенсионный фонд вынес решение о привлечении общества к ответственности, предусмотренной ст. 17 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (далее – Федеральный закон № 27-ФЗ) в виде финансовых санкций. По мнению пенсионного фонда, общество представило неполные первоначальные сведения о застрахованных лицах по форме СЗВ-М за июнь 2016 года в установленный срок.

Не согласившись с решением пенсионного фонда, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения незаконным.

Решением суда первой инстанции решение пенсионного фонда признано незаконным в части примененных к обществу финансовых санкций, в удовлетворении остальной части требований обществу отказано.

Суд первой инстанции пришел к выводу о представлении обществом в пенсионный фонд неполных и (или) недостоверных сведений о застрахованных лицах по форме СЗВ-М за июнь 2016 года в установленный срок, в связи с этим признал правомерным привлечение общества к ответственности в соответствии со ст. 17 Федерального закона № 27-ФЗ, однако, установив наличие смягчающих обстоятельств, снизил размер финансовых санкций и признал незаконным оспариваемое решение пенсионного фонда в соответствующей части.

Постановлением арбитражного апелляционного суда решение суда первой инстанции отменено в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что самостоятельное выявление обществом ошибки, до ее обнаружения пенсионным фондом, которую общество откорректировало путем представления в пенсионный фонд дополнительных сведений за указанный период, свидетельствует о возможности в таком случае не применять к обществу финансовые санкции, предусмотренные ст. 17 Федерального закона № 27-ФЗ.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями Федерального закона № 27-ФЗ и инструкции «О порядке ведения индивидуального (персонифицированного) учета сведений о застрахованных лицах», утвержденной приказом Министерства труда и социальной защиты

Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 766н, страхователь имеет право дополнять и уточнять (исправлять) ранее представленные в пенсионный фонд сведения в отношении застрахованных лиц. При этом ст. 17 Федерального закона № 27-ФЗ не установлен срок, в течение которого страхователь самостоятельно может выявить ошибку или неполноту в представленных в пенсионный фонд сведениях, до их обнаружения пенсионным фондом, и представить в пенсионный фонд достоверные сведения (уточненные/исправленные).

Формальный подход к вопросу привлечения плательщика страховых взносов к ответственности за совершение правонарушения и наложения на него штрафа является недопустимым. Любая санкция должна применяться с учетом ряда принципов: виновности и противоправности деяния, соразмерности наказания, презумпции невиновности.

Самостоятельно выявив ошибку до ее обнаружения пенсионным фондом, общество реализовало свое право на уточнение (исправление) представленных сведений за указанный период, откорректировав их путем представления в пенсионный фонд дополнительных сведений за этот период, что допускает не применять к обществу финансовые санкции, предусмотренные ст. 17 Федерального закона № 27-ФЗ.

Такой правоприменительный подход позволяет стимулировать заинтересованность страхователей в самостоятельном и своевременном устранении допущенных ошибок, более оперативной обработке сведений индивидуального (персонифицированного) учета органами ПФР, что в конечном итоге способствует соблюдению прав и интересов застрахованных лиц.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии в рассматриваемом случае оснований для применения к обществу финансовых санкций, предусмотренных ч. 4 ст. 17 Федерального закона № 27-ФЗ (в редакции, действующей в спорный период), является правомерным.

Определение № 303-КГ18-99

39. Страховые взносы по дополнительному тарифу за работников, выработавших льготный стаж для досрочного назначения трудовой пенсии по старости и получающих пенсию, но продолжающих работать в особых условиях труда, обязательны к уплате в пенсионный фонд.

По результатам выездной проверки пенсионный фонд вынес решение о привлечении учреждения к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах, которым учреждению в том числе доначислены страховые взносы, соответствующие суммы пени и штрафа.

Основанием для принятия пенсионным фондом решения послужило неприменение учреждением дополнительных тарифов страховых взносов, предусмотренных ст. 58.3 Федерального закона № 212-ФЗ, в отношении выплат, произведенных работникам учреждения, занятым на видах работ, указанных подп. 17 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 173-ФЗ), а с 1 января 2015 г. – подп. 17 п. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон № 400-ФЗ).

Учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения пенсионного фонда незаконным в части доначисления страховых взносов, соответствующих сумм пени и штрафа.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Суды пришли к выводу об отсутствии у учреждения оснований для применения предусмотренных ст. 58.3 Федерального закона № 212-ФЗ дополнительных тарифов страховых взносов в отношении выплат, произведенных работникам учреждения, занятым на видах работ, указанных подп. 17 п. 1 ст. 27 Федерального закона № 173-ФЗ (с 1 января 2015 г. – подп. 17 п. 1 ст. 30 Федерального закона № 400-ФЗ), поскольку указанные работники выработали льготный стаж для досрочного назначения трудовой пенсии по старости и получают указанную пенсию. При этом суды исходили из того, что работающим пенсионерам учреждения, занятым на упомянутом виде работ, уже была назначена трудовая пенсия по старости в связи с работой в особых условиях труда, которую они получают, и повторного назначения им указанной пенсии, а соответственно, исчисления в этих целях какого-либо льготного стажа, законодательство Российской Федерации не предусматривает. Поскольку в отношении работающих пенсионеров, выработавших льготных стаж для досрочного назначения трудовой пенсии по старости в связи с работой в особых условиях труда и получающих эту пенсию, у пенсионного фонда не возникает обязательств по досрочному назначению этим лицам названной пенсии, суды признали недействительным решение пенсионного фонда в оспариваемой части.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований учреждения по следующим основаниям.

Статья 58.3 Федерального закона № 212-ФЗ устанавливает дополнительные тарифы страховых взносов в отношении выплат и иных

вознаграждений в пользу физических лиц, занятых на соответствующих видах работ, указанных п. 1 ст. 27 Федерального закона № 173-ФЗ (с 1 января 2015 г. – п. 1 ст. 30 Федерального закона № 400-ФЗ).

Согласно положениям ст. 58.3 Федерального закона № 212-ФЗ условием, при котором страховые взносы следует уплачивать по дополнительным тарифам, является занятость работников на соответствующих видах работ.

Федеральный закон № 212-ФЗ не содержит каких-либо исключений относительно начисления страховых взносов по дополнительному тарифу в отношении выплат работникам, занятым на видах работ, указанных подп. 1-18 п. 1 ст. 27 Федерального закона № 173-ФЗ (с 1 января 2015 г. – подп. 1-18 п. 1 ст. 30 Федерального закона № 400-ФЗ), выработавшим льготный стаж для досрочного назначения трудовой пенсии по старости в связи с работой в особых условиях труда и получающим указанную пенсию.

В ст. 9 Федерального закона № 212-ФЗ выплаты в пользу лиц, являющихся получателями упомянутых досрочных пенсий и продолжающих работать в особых условиях труда, не поименованы в качестве исключения из объекта обложения страховыми взносами.

В соответствии со ст. 33^2 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 167-ФЗ) дополнительный тариф страховых взносов составляет солидарную часть тарифа страховых взносов. При этом страховые взносы по дополнительным тарифам, уплаченные в отношении работников, занятых на видах работ, указанных подп. 1-18 п. 1 ст. 27 Федерального закона № 173-ФЗ (с 1 января 2015 г. – подп. 1-18 п. 1 ст. 30 Федерального закона № 400-ФЗ), предназначены для общей системы формирования пенсий всем работникам, работающим во вредных и опасных условиях труда.

Из положений ст. 6 Федерального закона № 27-ФЗ также следует, что дополнительный тариф страховых взносов, составляя солидарную часть страхового взноса, не зачисляется на индивидуальные лицевые счета застрахованных лиц, занятых на упомянутых видах работ, поэтому, согласно положениям Федеральных законов № 212-ФЗ, 167-ФЗ, 27-ФЗ, дополнительный тариф страховых взносов, уплачиваемый организациями в целях обеспечения права работника на получение досрочной страховой пенсии по старости, имеет иное целевое назначение – обеспечение выплаты досрочных страховых пенсий в государственном масштабе.

Таким образом, с выплат в пользу работников, выработавших льготный стаж для досрочного назначения трудовой пенсии по старости и получающих пенсию, но продолжающих работать в особых условиях

труда, работодатель обязан исчислять страховые взносы в пенсионный фонд по дополнительным тарифам в общеустановленном порядке.

Определение № 309-КГ18-5069

Практика применения таможенного законодательства

40. Заявление о возврате излишне уплаченных таможенных платежей подлежит рассмотрению таможенным органом, если одновременно с его подачей или ранее декларантом было инициировано внесение соответствующих изменений в декларацию на товары и в таможенный орган представлены документы, подтверждающие необходимость внесения таких изменений.

Во исполнение внешнеторгового контракта, заключенного обществом и иностранной компанией, на таможенную территорию Таможенного союза был ввезен товар на условиях поставки FOB, таможенная стоимость которого определена по стоимости сделки с ввозимыми товарами.

В ходе таможенного контроля таможенным органом принято решение о проведении дополнительной проверки, в ходе которой у декларанта запрошены дополнительные документы, сведения и пояснения, необходимые для подтверждения правильности определения таможенной стоимости товаров. Поскольку фактически представленные декларантом документы, по мнению таможенного органа, являлись недостаточными для принятия окончательного решения о таможенной стоимости товара, посчитав невозможным использование выбранного декларантом первого метода определения таможенной стоимости, таможенный орган принял решение о корректировке таможенной стоимости товаров, в результате которой увеличилась сумма начисленных таможенных платежей.

Обществом была инициирована процедура внесения изменений в декларацию после выпуска товаров по таможенной стоимости, и в таможенный орган было представлено заявление о возврате излишне уплаченных таможенных платежей.

По результату рассмотрения заявления таможенный орган возвратил его без рассмотрения и отказал в возврате излишне уплаченных таможенных платежей по причине отсутствия документов, подтверждающих факт излишней уплаты таможенных платежей.

Не согласившись с отказом таможенного органа, общество обратилось с заявлением в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Суд исходил из того, что корректировка таможенной стоимости товаров, заявленной обществом, являлась неправомерной, в связи с чем доначисленные на ее основании таможенные платежи являются излишне уплаченными. При этом суд посчитал, что с заявлением на возврат общество представило в таможенный орган документы, подтверждающие факт излишней уплаты или излишнего взыскания таможенных платежей, в связи с чем у таможенного органа отсутствовали правовые основания для возврата заявления без рассмотрения и отказа в возврате излишне уплаченных таможенных платежей.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления арбитражного суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 89 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС; в настоящее время ст. 66 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза) таможенные платежи признаются уплаченными (взысканными) излишне, если их размер превышает суммы, подлежащие уплате в соответствии с Таможенным кодексом и (или) законодательством государств – членов Таможенного союза.

Возврат (зачет) излишне уплаченных или излишне взысканных сумм ввозных таможенных пошлин осуществляется в порядке, установленном законодательством государства – члена таможенного союза, в котором произведена уплата и (или) взыскание таких таможенных пошлин с учетом особенностей, установленных международным договором государств – членов таможенного союза (ст. 90 ТК ТС).

В силу ч. 1 ст. 147 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 311-ФЗ) излишне уплаченные или излишне взысканные суммы таможенных пошлин, налогов подлежат возврату по решению таможенного органа по заявлению плательщика (его правопреемника). Указанное заявление и прилагаемые к нему документы подаются в таможенный орган, в котором произведено декларирование товаров, а в случае применения централизованного порядка уплаты таможенных пошлин, налогов в таможенный орган, с которым заключено соглашение о его применении, либо в таможенный орган, которым было произведено взыскание, не позднее трех лет со дня их уплаты либо взыскания.

Как разъяснено в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее – постановление Пленума № 18), принятие решения о корректировке таможенной стоимости в рамках таможенного контроля до выпуска товаров не является препятствием для последующего изменения по инициативе декларанта сведений о таможенной стоимости, заявленных в ДТ.

Этому разъяснению корреспондирует п. 29 постановления Пленума №18, где указано, что, по смыслу ч. 2 ст. 147 Федерального закона № 311-ФЗ во взаимосвязи с п. 2 ст. 191 ТК ТС, квалификация таможенных платежей как внесенных в бюджет излишне зависит от совершения декларантом действий по изменению соответствующих сведений в декларации на товары после их выпуска, если эти сведения влияют на исчисление таможенных платежей.

Исходя из указанных выше норм права и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, заявление о возврате излишне уплаченных таможенных платежей подлежит рассмотрению, если одновременно с его подачей или ранее декларантом было инициировано внесение соответствующих изменений в декларацию на товары, а в таможенный орган представлены документы, подтверждающие необходимость внесения таких изменений.

Судом первой инстанции установлено следующее: до подачи заявления о возврате излишне уплаченных таможенных платежей обществом, в связи с тем, что оно получило возможность доказать иной размер заявленной до выпуска (скорректированной по результатам таможенного контроля) таможенной стоимости на основе дополнительно полученных документов, влияющих на достоверность определения таможенной стоимости, согласно п. 29 постановления Пленума № 18, было инициировано внесение соответствующих изменений в спорные декларации, и в таможенный орган представлены документы, подтверждающие, по мнению заявителя, необходимость внесения таких изменений.

Следовательно, таможенный орган, в соответствии со ст. 147 Федерального закона № 311-ФЗ и Порядком внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товар, утвержденным решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 декабря 2013 г. № 289, должен был принять меры к рассмотрению заявления о внесении изменений в декларации на товары, оценить правомерность корректировки таможенной стоимости, произведенной им ранее, с учетом документов, представленных обществом, и рассмотреть вопрос о возврате излишне уплаченных таможенных платежей.

При этом суд первой инстанции указал, что анализ документов, приложенных к заявлению о возврате таможенных платежей, позволяет сделать вывод о предоставлении обществом всех необходимых документов, совокупный анализ которых свидетельствовал об уплате обществом таможенных платежей в завышенном размере, следовательно основания для оставления заявления без рассмотрения, в соответствии с ч. 4 ст. 147 Федерального закона № 311-ФЗ, отсутствовали.

Таким образом, суд первой инстанции верно разрешил спор по существу, дав оценку законности отказа таможенного органа во внесении изменений в декларации и решив в связи с этим вопрос о наличии оснований для возврата излишне уплаченных таможенных платежей.

Определение № 303-КГ18-2575

Практика применения административного законодательства и положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

41. В силу подп. 1 п. 2 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» розничная продажа алкогольной продукции в зданиях, строениях, сооружениях и помещениях студенческих общежитий не допускается.

Общество обратилось в административный орган с заявлением о переоформлении лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.

По результатам рассмотрения заявления административный орган вынес приказ, в соответствии с которым отказал в переоформлении лицензии, поскольку магазин, в котором предполагается продажа алкогольной продукции, расположен в здании студенческого общежития государственного профессионального образовательного учреждения (далее – учреждение), что является нарушением подп. 2 п. 9 ст. 19 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – Федеральный закон № 171-ФЗ).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании приказа административного органа незаконным.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование удовлетворено.

Суды исходили из того, что спорное здание общежития не используется для осуществления образовательной деятельности, а запрет на розничную продажу алкогольной продукции действует в отношении зданий, сооружений, строений и помещений, используемых для непосредственного осуществления соответствующих видов деятельности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленного требования по следующим основаниям.

В соответствии с абзацем вторым подп. 1 и абзацем вторым подп. 10 п. 2 ст. 16 Федерального закона № 171-ФЗ розничная продажа алкогольной продукции и розничная продажа алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания, за исключением случаев, указанных в п. 3 и 6 указанной статьи, не допускается в зданиях, строениях, сооружениях, помещениях, находящихся во владении, распоряжении и (или) пользовании образовательных организаций, а также на территориях, прилегающих к зданиям, строениям, сооружениям, помещениям, находящимся во владении и (или) пользовании образовательных организаций (за исключением организаций дополнительного образования, организаций дополнительного профессионального образования).

В ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрено, что образовательная организация может иметь в своей структуре различные структурные подразделения, обеспечивающие осуществление образовательной деятельности с учетом уровня, вида и направленности реализуемых образовательных программ, формы обучения и режима пребывания обучающихся (филиалы, представительства, отделения, факультеты, институты, центры, кафедры, подготовительные отделения и курсы, научно-исследовательские, методические и учебно-методические подразделения, лаборатории, конструкторские бюро, учебные и учебно-производственные мастерские, клиники, учебно-опытные хозяйства, учебные полигоны, учебные базы практики, учебно-демонстрационные центры, учебные театры, выставочные залы, учебные цирковые манежи, учебные танцевальные и оперные студии, учебные концертные залы, художественно-творческие мастерские, библиотеки, музеи, спортивные клубы, студенческие спортивные клубы, школьные спортивные клубы, общежития, интернаты, психологические и социально-педагогические службы, обеспечивающие социальную адаптацию и реабилитацию нуждающихся в ней обучающихся, и иные

предусмотренные локальными нормативными актами образовательной организации структурные подразделения).

В соответствии с подп. 2 п. 5.4 Устава учреждения оно обязано создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания согласно установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся.

Положением «О студенческом общежитии», утвержденным директором учреждения, предусмотрено, что студенческое общежитие предназначается для размещения иногородних студентов на период обучения в учреждении. Студенческое общежитие входит в состав учреждения в качестве структурного подразделения и содержится за счет бюджетных средств, выделяемых учебному заведению, платы за пользование общежитием и других внебюджетных средств, поступающих от хозяйственной и предпринимательской деятельности. В общежитии организуются комнаты для самостоятельных занятий.

Таким образом, являясь структурным подразделением образовательной организации, общежитие обеспечивает осуществление образовательной деятельности и предназначается для проживания обучающихся во время и в целях осваивания ими образовательных программ, а значит, здания, строения сооружения и помещения общежития используются для непосредственного осуществления образовательной деятельности.

Следовательно, в отношении здания общежития действует запрет на розничную продажу алкогольной продукции, содержащийся в подп. 1 п. 2 ст. 16 Федерального закона № 171-ФЗ.

Определение № 310-КГ18-4436

42. Нарушение обществом требований технических регламентов, выразившихся в хранении и реализации продукции с истекшим сроком годности, может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

Административный орган привлек общество к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ, за нарушение требований ст. 3 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», п. 12 ст. 17 Технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» ТР ТС 021/2011, утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного

требования отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, оспариваемое постановление признано незаконным.

Суды исходили из того, что, поскольку ответственность за нарушение правил реализации продуктов животноводства установлена ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ и такое деяние исключено из диспозиции ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ, оспариваемое постановление содержит неправильную квалификацию правонарушения, допущенного обществом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления арбитражного суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ (в редакции, действовавшей в периоде совершения рассматриваемого нарушения) установлена административная ответственность за нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов или подлежащих применению до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации либо выпуск в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям, за исключением случаев, предусмотренных ст. 6.31, 9.4, 10.3, 10.6, 10.8, ч. 2 ст. 11.21, ст. 14.37, 14.44, 14.46, 14.46.1, 20.4 КоАП РФ.

В силу ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ наказуемы действия, предусмотренные ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений либо создавшие угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений.

Объективная сторона указанного правонарушения заключается в совершении действий (бездействия), нарушающих установленные требования технических регламентов или обязательных требований к продукции, либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам реализации, либо выпуск в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям.

В ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение ветеринарно-санитарных правил

перевозки, перегона или убоя животных либо правил заготовки, переработки, хранения или реализации продуктов животноводства, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 10.8 КоАП РФ.

Объективная сторона правонарушения, в силу ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ, заключается в нарушении ветеринарно-санитарных правил перевозки, перегона или убоя животных либо правил заготовки, переработки, хранения или реализации продуктов животноводства.

Ни в акте, ни в протоколе об административном правонарушении не указывалось на нарушение обществом ветеринарно-санитарных правил либо правил хранения или реализации продуктов животноводства. Предметом проверок являлось соблюдение обществом технических регламентов, а не норм ветеринарного законодательства.

Таким образом, несмотря на то, что в Техническом регламенте ТР ТС 021/2011 действительно содержатся требования к пищевой продукции, являющиеся ветеринарными, однако их нарушение обществу не вменялось и, исходя из полномочий административного органа, не могло вменяться, у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для переквалификации действий общества на ч. 1 ст. 10.8 КоАП РФ и прекращения производства по делу. При этом выводы судов апелляционной инстанции и округа не свидетельствуют о том, что нарушение технических регламентов, допущенное обществом, не образует состава правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

Определение № 307-АД18-1783

43. При повторном привлечении лица к административной ответственности, предусмотренной ст. 15.13 КоАП РФ, административное наказание в виде штрафа не подлежит замене на предупреждение.

Административный орган привлек общество к административной ответственности, предусмотренной ст. 15.13 КоАП РФ в виде штрафа, за несвоевременное представление декларации об объеме розничной продажи алкогольной (за исключением пива и пивных напитков, сидра, пуаре и медовухи) и спиртосодержащей продукции по форме № 11 за отчетный период.

Общество подало в административный орган жалобу на постановление о привлечении к ответственности по ст. 15.13 КоАП РФ. По результатам рассмотрения жалобы административный орган принял решение об оставлении постановления без изменения.

Посчитав свои права нарушенными, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления и решения административного органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, постановление изменено, обществу назначено административное наказание в виде предупреждения, решение о рассмотрении жалобы признано незаконным в части выводов о законности назначенного административного наказания в виде штрафа.

Суды руководствовались положениями Федерального закона № 171-ФЗ, Правил представления деклараций об объеме производства, оборота и (или) использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, об использовании производственных мощностей (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 9 августа 2012 г. № 815), КоАП РФ и пришли к выводу, что действия (бездействие) общества образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.13 КоАП РФ, но административное наказание в виде штрафа подлежит замене на предупреждение.

Доводы административного органа о неприменимости предупреждения в настоящем деле, так как ранее общество уже было привлечено к административной ответственности по ст. 15.13 КоАП РФ за несвоевременное представление декларации за отчетный период (в виде предупреждения), суды не приняли, поскольку на момент совершения административного правонарушения по рассматриваемому делу общество еще не было подвергнуто административному наказанию по ст. 15.13 КоАП РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленного требования по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 4.1.1 КоАП РФ являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридическим лицам, а также их работникам за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в случаях, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ, за исключением случаев, предусмотренных ст. 3.4 КоАП РФ.

Помимо прочих условий, установленных ст. 4.1.1 КоАП РФ для возможности замены административного штрафа на предупреждение, основополагающим условием для применения указанной нормы КоАП РФ является то обстоятельство, что административное

правонарушение совершено впервые, то есть преференция, предусмотренная ст. 4.1.1 КоАП РФ, является исключительной. При этом при рассмотрении вопроса о возможности замены административного штрафа на предупреждение должны учитываться совершенные ранее иные административные правонарушения, в том числе не являющиеся однородными по отношению к рассматриваемому правонарушению.

При этом условий, в соответствии с которыми оценка возможности применения предупреждения по последующему правонарушению зависит от наличия (вступления в силу) постановления о привлечении к административной ответственности по предшествующему правонарушению на момент совершения последующего правонарушения, ст. 3.4 и 4.1.1 КоАП РФ не предусматривают. Наличие предшествующего правонарушения в настоящем деле доказывается постановлением, которым общество уже было привлечено к административной ответственности по ст. 15.13 КоАП РФ за несвоевременное представление декларации за отчетный период.

Следовательно, административное правонарушение, совершенное обществом, не является впервые совершенным административным правонарушением.

Таким образом, вывод судов о возможности в рассматриваемом случае заменить назначенное обществу наказание в виде административного штрафа на предупреждение является неправомерным.

Определение № 302-АД18-6072

Процессуальные вопросы

44. Если право аренды не может считаться активом должника, например ввиду отсутствия необходимого согласия арендодателя на передачу права аренды другому лицу, требование о расторжении договора аренды подлежит рассмотрению в общеисковом порядке, а не в рамках дела о банкротстве арендатора.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (далее – комитет) обратился в суд с иском к обществу о расторжении договора аренды лесного участка, освобождении арендуемого объекта и о его возврате комитету.

Решением суда первой инстанции договор аренды лесного участка расторгнут, на общество в лице его конкурсного управляющего возложены обязанности по освобождению участка и его передаче комитету.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, иск комитета оставлен без рассмотрения. Суды исходили из того, что, в силу п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, абзаца седьмого п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве и по смыслу разъяснений, данных п. 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35), требования комитета не подлежали рассмотрению в общеисковом порядке, так как в отношении общества введена процедура банкротства. Право аренды лесного участка, принадлежащее обществу на основании договора, вошло в конкурсную массу, и подлежит реализации в порядке ст. 139 Закона о банкротстве

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 131 Закона о банкротстве имущество должника, имеющееся на день открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу, если иное не установлено законом.

По общему правилу со дня принятия судом решения о признании должника банкротом все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, иные имущественные требования подлежат предъявлению и рассмотрению только в деле о банкротстве (абзац седьмой п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве, п. 34 постановления № 35). Данный процессуальный механизм направлен на создание условий равной правовой защиты интересов должника, его контрагентов и кредиторов, чьи притязания затрагивают конкурсную массу, предоставляет им возможность доказать свою позицию в открытом состязательном процессе.

По смыслу приведенных норм порядок рассмотрения спора, направленного на прекращение права аренды должника, зависит от того, является ли это право действительным активом, который можно реализовать для соразмерного удовлетворения требований кредиторов несостоятельного арендатора.

В соответствии с регулированием, действовавшим на момент заключения договора аренды лесного участка от 28 февраля 2008 г., предоставление юридическим лицам в аренду лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществлялось в соответствии с Лесным кодексом Российской Федерации (далее – ЛК РФ); при этом к договору аренды лесного

участка подлежали применению положения об аренде, предусмотренные ГК РФ, если иное не установлено ЛК РФ (чч. 3 и 4 ст. 71 ЛК РФ).

В силу п. 2 ст. 615 ГК РФ арендатор вправе с согласия арендодателя передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), если иное не установлено данным Кодексом, другим законом или иными правовыми актами.

В договоре аренды лесного участка от 28 февраля 2008 г. его стороны пришли к соглашению о том, что арендатор вправе передавать права и обязанности по данному договору только с согласия арендодателя.

В материалах дела нет доказательств, подтверждающих получение обществом такого согласия. Наоборот, из досудебной переписки, искового заявления и поведения представителей комитета в судебном процессе следует, что воля арендатора направлена на прекращение права аренды и возврат имущества собственнику.

При таких обстоятельствах право аренды лесного участка не могло рассматриваться в качестве актива общества, который оно могло ввести в оборот путем отчуждения за плату и тем самым удовлетворить требования кредиторов.

Таким образом, предъявленный комитетом иск о расторжении договора аренды лесного участка не затрагивал права и законные интересы кредиторов должника, а следовательно, не имелось оснований для вывода о необходимости его рассмотрения в деле о банкротстве общества.

Определение № 305-ЭС18-8136

45. Заключение эксперта, содержащее вывод о стоимости возмещения изымаемого для государственных нужд земельного участка с учетом его рыночной стоимости, выполненное с нарушением требований Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», обязательных для применения федеральных стандартов оценки, иных нормативных правовых актов, не может быть признано достоверным доказательством определения размера возмещения за изымаемое для государственных нужд имущество.

Федеральное дорожное агентство издало распоряжение об изъятии для нужд Российской Федерации земельных участков, находящихся в собственности общества, в целях строительства автомобильной дороги. Во исполнение распоряжения Федеральное казенное учреждение «Федеральное управление автомобильных дорог «Центральная Россия» Федерального дорожного агентства» (далее – учреждение) направило обществу проект соглашения об изъятии недвижимого имущества для государственных нужд с выплатой возмещения за изымаемые для

государственных нужд три земельных участки в размере 25 507 365 руб., установленного на основании отчета об оценке рыночной стоимости и экспертного заключения.

Общество с предложенной стоимостью возмещения не согласилось и отказалось от подписания соглашения.

Учреждение обратилось в арбитражный суд с иском об изъятии для государственных нужд Российской Федерации трех земельных участков, расположенных в Раменском районе Московской области, и установлении компенсации за изымаемые земельные участки в размере 25 507 365 руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, размер возмещения за изымаемые земельные участки, включающий рыночную стоимость земельных участков и убытки, причиненные собственнику в результате их изъятия, установлен в сумме 155 573 750 руб.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части установления размера компенсации и направила спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции в указанной части по следующим основаниям.

Заключение эксперта является одним из доказательств, которое согласно разъяснениям, приведенным в п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами (чч. 4 и 5 ст. 71 АПК РФ); суд оценивает доказательства, в том числе заключение эксперта, исходя из требований чч. 1 и 2 ст. 71 АПК РФ; при этом по результатам оценки доказательств суду необходимо привести мотивы, по которым он принимает или отвергает имеющиеся в деле доказательства (ч. 7 ст. 71, п. 2 ч. 4 ст. 170 АПК РФ).

Заключение эксперта, содержащее вывод о стоимости возмещения изымаемого для государственных нужд земельного участка с учетом его рыночной стоимости, может считаться допустимым доказательством только в том случае, когда оно выполнено с соблюдением требований Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 135-ФЗ), обязательных для применения федеральных стандартов оценки, иных нормативных правовых актов.

В соответствии с п. 5 Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)», утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 299 (далее – ФСО № 3), при составлении отчета об оценке оценщик

должен придерживаться следующих принципов: в отчете должна быть изложена информация, существенная с точки зрения оценщика для определения стоимости объекта оценки; информация, приведенная в отчете об оценке, существенным образом влияющая на стоимость объекта оценки, должна быть подтверждена; содержание отчета об оценке не должно вводить в заблуждение заказчика оценки и иных заинтересованных лиц (пользователи отчета об оценке), а также не должно допускать неоднозначного толкования полученных результатов.

В силу п. 11 федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)», утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 297 (далее – ФСО № 1) основными подходами, используемыми при проведении оценки, являются сравнительный, доходный и затратный подходы. При выборе используемых при проведении оценки подходов следует учитывать не только возможность применения каждого из подходов, но и цели и задачи оценки, предполагаемое использование результатов оценки, допущения, полноту и достоверность исходной информации. На основе анализа указанных факторов обосновывается выбор подходов, используемых оценщиком.

В п. 10 ФСО № 1 указано, что объект-аналог – объект, сходный по основным экономическим, материальным, техническим и другим характеристикам, определяющим его стоимость.

Министерство имущественных отношений Российской Федерации разработало и утвердило распоряжением от 6 марта 2002 г. № 568-р Методические рекомендации по определению рыночной стоимости земельных участков (далее – Методические рекомендации) в целях использования их при проведении оценки рыночной стоимости земельных участков.

Согласно п. 1 разд. IV Методических рекомендаций метод сравнения продаж применяется при наличии информации о ценах сделок с земельными участками, являющимися аналогами оцениваемого; при отсутствии информации о ценах сделок с земельными участками допускается использование цен предложения (спроса).

Данный метод предполагает следующую последовательность действий:

определение элементов, по которым осуществляется сравнение объекта оценки с объектами – аналогами (далее – элементов сравнения); определение по каждому из элементов сравнения характера и степени отличий каждого аналога от оцениваемого земельного участка; определение по каждому из элементов сравнения корректировок цен аналогов, соответствующих характеру и степени отличий каждого аналога от оцениваемого земельного участка; корректировка по каждому из элементов сравнения цен каждого аналога, сглаживающая их отличия

от оцениваемого земельного участка; расчет рыночной стоимости земельного участка путем обоснованного обобщения скорректированных цен аналогов.

При этом наиболее важными факторами стоимости земельных участков, как правило, являются: местоположение и окружение; целевое назначение, разрешенное использование, права иных лиц на земельный участок; физические характеристики (рельеф, площадь, конфигурация и др.); транспортная доступность; инфраструктура (наличие или близость инженерных сетей и условия подключения к ним, объекты социальной инфраструктуры и т.п.).

Согласно п. 22 Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО № 7)», утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 25 сентября 2014 г. № 611 (далее – ФСО № 7) при применении сравнительного подхода к оценке недвижимости оценщик учитывает следующие положения:

а) сравнительный подход применяется для оценки недвижимости, когда можно подобрать достаточное для оценки количество объектов-аналогов с известными ценами сделок и (или) предложений;

б) в качестве объектов-аналогов используются объекты недвижимости, которые относятся к одному с оцениваемым объектом сегменту рынка и сопоставимы с ним по ценообразующим факторам. При этом для всех объектов недвижимости, включая оцениваемый, ценообразование по каждому из указанных факторов должно быть единообразным;

в) при проведении оценки должны быть описаны объем доступных оценщику рыночных данных об объектах-аналогах и правила их отбора для проведения расчетов. Использование в расчетах лишь части доступных оценщику объектов-аналогов должно быть обосновано в отчете об оценке;

г) для выполнения расчетов используются типичные для аналогичного объекта сложившиеся на рынке оцениваемого объекта удельные показатели стоимости (единицы сравнения), в частности цена или арендная плата за единицу площади или единицу объема;

д) в зависимости от имеющейся на рынке исходной информации в процессе оценки недвижимости могут использоваться качественные методы оценки (относительный сравнительный анализ, метод экспертных оценок и другие методы), количественные методы оценки (метод регрессионного анализа, метод количественных корректировок и другие методы), а также их сочетания;

е) для сравнения объекта оценки с другими объектами недвижимости, с которыми были совершены сделки или которые представлены на рынке для их совершения, обычно используются следующие элементы сравнения: передаваемые имущественные права, ограничения (обременения) этих прав; условия финансирования

состоявшейся или предполагаемой сделки (вид оплаты, условия кредитования, иные условия); условия продажи (нетипичные для рынка условия, сделка между аффилированными лицами, иные условия); условия рынка (изменения цен за период между датами сделки и оценки, скидки к ценам предложений, иные условия); вид использования и (или) зонирование; местоположение объекта; физические характеристики объекта, в том числе свойства земельного участка, состояние объектов капитального строительства, соотношение площади земельного участка и площади его застройки, иные характеристики; экономические характеристики (уровень операционных расходов, условия аренды, состав арендаторов, иные 10 характеристики); наличие движимого имущества, не связанного с недвижимостью; другие характеристики (элементы), влияющие на стоимость;

ж) помимо стоимости, сравнительный подход может использоваться для определения других расчетных показателей, например арендных ставок, износа и устареваний, ставок капитализации и дисконтирования. При применении метода корректировок каждый объект-аналог сравнивается с объектом оценки по ценообразующим факторам (элементам сравнения), выявляются различия объектов по этим факторам и цена объекта-аналога или ее удельный показатель корректируется по выявленным различиям с целью дальнейшего определения стоимости объекта оценки. При этом корректировка по каждому элементу сравнения основывается на принципе вклада этого элемента в стоимость объекта.

Согласно основному и дополнительному заключениям судебной экспертизы выводы экспертов основаны на использовании сравнительного подхода. Суды определили возмещение за три изымаемых земельных участка в размере, указанном в заключении дополнительной судебной экспертизы.

При проведении основной экспертизы по установлению рыночной стоимости изымаемых для государственных нужд двух спорных земельных участков площадью 6508 кв.м, 23 469 кв.м, расположенных в Раменском районе Московской области, экспертами были использованы объекты-аналоги – земельные участки площадью 156 000 кв.м, 223 000 кв.м, 91 000 кв.м, отнесенные к категории земель сельскохозяйственного назначения, имеющие вид разрешенного использования «сельскохозяйственное производство», находящиеся в Раменском районе Московской области, на удаленности 26, 50 и 29 км от МКАД, предложенные к продаже по состоянию на март 2017 года.

По смыслу законодательства об оценочной деятельности и приведенных нормативных правовых актов при проведении оценки методом сравнительного подхода необходимо использовать аналоги, предложения о продаже которых имели место во временной период, наиболее близкий к дате, определенной судом для проведения оценки.

Между тем при проведении дополнительной экспертизы в нарушение требований ФСО № 3 и 7 при наличии объектов-аналогов – предложений по продаже земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в Раменском районе примерно той же площади, что и спорные, и на которые указано в заключении первоначальной судебной экспертизы и в отчете об определении рыночной стоимости, представленном учреждением вместе с исковым заявлением, эксперты подобрали и использовали для сравнения объекты-аналоги с существенно отличающимися ценообразующими факторами (иные сегмент рынка, площадь, местоположение, дата предложения о продаже (учтены в качестве объектов-аналогов три земельных участка, предложенных к продаже в 2014 году), не указав причин, по которым они не взяли в качестве объектов-аналогов земельные участки, использованные при проведении основной экспертизы по определению рыночной стоимости, которые по местоположению, площади, удаленности от МКАД и направлению (шоссе), дате предложения к продаже наиболее схожи с объектами оценки, с учетом того, что рыночная стоимость при проведении данных экспертиз определялась на одну дату.

Для установления рыночной стоимости земельного участка площадью 100 703 кв.м, находящегося в Раменском районе Московской области, экспертами в качестве объектов- аналогов были выбраны три земельных участка, расположенных в Подольском районе Московской области, предложенных к продаже по состоянию на июль 2014 года, и два земельных участка, расположенных в Одинцовском районе Московской области, предложенных к продаже по состоянию на март 2017 года, что повлекло применение большого количества корректировок (по дате сделки, по направлению (шоссе), по расположению относительно шоссе, по удаленности от МКАД, по площади земельного участка).

В результате сравнительного анализа эксперты определили удельную стоимость земельного участка площадью 100 703 кв.м в размере 1425 руб./кв.м, удельную стоимость земельных участков площадью 6508 кв.м и 23 469 кв.м соответственно в размере 355 руб./кв.м и 415 руб./кв.м.

Между тем все указанные участки находятся по соседству друг с другом в сельском поселении Островецкое Раменского района Московской области, отнесены к одной категории и имеют один вид разрешенного использования.

Учреждение в судах первой и апелляционной инстанций приводило доводы о нарушении экспертами требований ФСО № 1, 3 и 7 и использовании ненадлежащих объектов-аналогов. Однако суды не дали оценку этим доводам учреждения и отказали ему в удовлетворении

заявленного на основании ч. 3 ст. 82 АПК РФ ходатайства о проведении повторной экспертизы.

Такими образом, в соответствии со ст. 71 АПК РФ суды не имели оснований для признания заключения судебной экспертизы достоверным доказательством определения размера возмещения за изымаемые для государственных нужд спорные земельные участки и при наличии допущенных экспертами при проведении судебной экспертизы нарушений требований законодательства об оценочной деятельности неправомерно отказали в удовлетворении ходатайства истца о проведении повторной экспертизы.

Определение № 305-ЭС18-3860

46. При рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда арбитражному суду следует оценивать доводы о возможном нарушении публичного порядка Российской Федерации исполнением решения третейского суда в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ.

Решением международного коммерческого арбитража с акционерного общества в пользу организации взысканы сумма долга и расходы на уплату арбитражного сбора.

Акционерное общество не исполнило данное решение в добровольном порядке, поэтому организация обратилась в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража.

Дочерняя компания акционерного общества, в свою очередь, заявила встречное требование об отмене решения третейского суда. Кроме того, акционерное общество заявило ходатайства об оставлении без рассмотрения заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража и прекращении производства по указанному заявлению.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявленное требование организации удовлетворено, в удовлетворении встречного требования дочерней компании акционерного общества отказано, в удовлетворении ходатайств акционерного общества отказано.

Суды исходили из отсутствия оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, исчерпывающий перечень которых содержится в ч. 2 ст. 239 АПК РФ, равно как и отсутствия предусмотренных ст. 233 АПК РФ оснований для отмены арбитражного решения.

Не согласившись с принятыми судебными актами, акционерное общество и дочерняя компания акционерного общества обратились в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением об отмене принятых судебных актов.

Заявители указывают на нарушение исполнением решения международного коммерческого арбитража таких принципов публичного порядка Российской Федерации, как справедливость и соразмерность, ссылаясь на повторный характер взыскания, а также на нарушение принципа законной силы судебного акта в части его окончательности и неопровержимости (res judicata), нарушения правовой определенности ввиду наличия решения международного коммерческого арбитража по другому делу по указанным обстоятельствам и тем же самым исковым требованиям, а также судебных актов арбитражных судов Российской Федерации с участием организации и дочерней компании акционерного общества, внесших правовую определенность в спорные правоотношения, что свидетельствует об исчерпании конфликта. Повторное обращение организации с исковыми требованиями, основанными на тех же обстоятельствах, свидетельствует о ее недобросовестности. Также, по мнению акционерного общества, нарушают принцип добросовестности сами исковые требования организации, в основу которых положено его право на скидку, однако организация свои обязательства, на основе которых заявляет требование о скидке, добросовестно не исполняло, дочерняя компания акционерного общества обращалась с иском в арбитражные суды Российской Федерации о понуждении к их исполнению, который был удовлетворен в полном объеме.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ арбитражный суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если установит, что приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Указанное основание подлежит проверке судом по собственной инициативе на любой стадии рассмотрения дела независимо от доводов и возражений сторон. Вместе с тем участники спора вправе приводить доводы, свидетельствующие о наличии вышеуказанных оснований отказа в исполнении третейского решения (п. 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, информационное письмо от 26 февраля 2013 г. № 156).

Заявители реализовали указанное право и приводили доводы о возможном нарушении исполнением решения международного коммерческого арбитража таких элементов публичного порядка Российской Федерации, как принципы справедливости и соразмерности имущественного взыскания, ссылаясь на повторный характер взыскания, а также на нарушение принципа законной силы судебного акта в части его окончательности и неопровержимости (res judicata) ввиду наличия решения международного коммерческого арбитража по другому делу. Также заявители указывали на нарушение принципа добросовестности, ссылаясь на недобросовестное поведение организации, подавшей исковые требования в международный коммерческий арбитраж после вынесения иного решения международного коммерческого арбитража по спорным обстоятельствам, а также судебных актов арбитражных судов Российской Федерации, следовательно после исчерпания конфликта сторон из данных отношений.

Указанные доводы заявителей в целях установления справедливого баланса прав и интересов сторон подлежали проверке арбитражными судами Российской Федерации при рассмотрении настоящего дела в соответствии с нормой п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ.

Определение № 305-ЭС18-476

47. Отсутствие признака противоправности в поведении должника, не исполнившего требование исполнительного документа, исключает возможность его привлечения к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в виде взыскания исполнительского сбора.

На исполнении у судебного пристава-исполнителя находилось исполнительное производство, возбужденное на основании исполнительного листа, выданного по первому делу между должником и взыскателем, с предметом исполнения – взыскание задолженности по лизинговым платежам. В постановлении о возбуждении исполнительного производства установлен пятидневный срок со дня получения этого постановления для добровольного исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе.

В рамках рассмотрения другого дела между должником и взыскателем арбитражный суд утвердил мировое соглашение и прекратил производство по делу. По условиям мирового соглашения задолженность по лизинговым платежам по первому делу учтена в расчетах сторон по другому делу, в связи с чем решение суда по первому делу исполнению не подлежит.

Помимо того, должник и взыскатель обратились в арбитражный суд с заявлением об утверждении мирового соглашения в рамках первого дела, которое было удовлетворено.

На основании заявления взыскателя об отзыве исполнительного листа судебный пристав-исполнитель вынес постановление об окончании исполнительного производства и возвращении исполнительного документа взыскателю. Однако в связи с неисполнением должником требований исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения в постановлении, судебным приставом вынесено постановление о взыскании исполнительского сбора и возбуждено соответствующее исполнительное производство.

Должник обратился в арбитражный суд с заявлением о признании постановления о взыскании исполнительского сбора незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, размер подлежащего взысканию исполнительского сбора уменьшен, в остальной части в удовлетворении требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования должника по следующим основаниям.

Исполнительский сбор, установленный ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон № 229-ФЗ), не является фискальным платежом, взимаемым за совершение юридически значимых действий судебным приставом-исполнителем, а выступает мерой публично-правовой ответственности должника за совершенное им в процессе исполнительного производства правонарушение, которой присущи признаки административной штрафной санкции: он имеет фиксированное, установленное законом денежное выражение, взыскивается принудительно, оформляется постановлением уполномоченного должностного лица, взимается в случае совершения правонарушения, а также зачисляется в бюджет, средства которого находятся в государственной собственности.

Вместе с тем, поскольку штрафное взыскание связано с ограничением конституционного права собственности, толкование и применение положений законодательства об исполнительном производстве, регулирующих взимание исполнительского сбора, должно осуществляться судами с учетом критерия соразмерности (пропорциональности), вытекающего из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, и не должно приводить к подавлению экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерному ограничению свободы предпринимательства и права собственности, что,

в силу ст. 34 (ч. 1), ст. 35 (чч. 1-3) и ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, недопустимо.

Это означает, что взимание исполнительского сбора как специальной меры публично-правовой ответственности за нарушение законодательства об исполнительном производстве должно производиться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации принципов справедливости наказания, его индивидуализации и дифференцированности, что предполагает возможность уменьшения судом размера исполнительского сбора, освобождения от его взимания с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств.

Реализация права на мирное урегулирование спора в течение пятидневного срока добровольного исполнения требований исполнительного документа является объективно невозможной, поскольку ч. 4 ст. 141 АПК РФ допускает рассмотрение судом вопроса об утверждении мирового соглашения, заключаемого в процессе исполнения судебного акта, в срок, не превышающий месяца со дня поступления в суд заявления о его утверждении.

Однако обязанность добровольного исполнения требования исполнительного документа не может противопоставляться праву сторон исполнительного производства на урегулирование спора на основе взаимных уступок путем заключения мирового соглашения. Тем более в ситуации, подобной рассматриваемому спору, когда задолженность взыскателя перед должником, являвшаяся предметом параллельных судебных разбирательств, завершившихся заключением мирового соглашения, во много раз превосходила долг должника перед взыскателем по настоящему делу. Иное бы означало, что исполнительский сбор взимается вопреки взаимным интересам взыскателя и должника, а также вопреки публично-правовой цели этой меры ответственности.

Соответственно, если требование исполнительного документа не исполнено в связи с реализацией законного права на урегулирование спора посредством заключения мирового соглашения, впоследствии утвержденного судом, такое поведение должника не может расцениваться как нарушающее законодательство об исполнительном производстве.

Исходя из положений ч. 7 ст. 141 АПК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 43 Федерального закона № 229-ФЗ, утверждение судом мирового соглашения, заключенного в процессе исполнения судебного акта, влечет прекращение его исполнения, является основанием для прекращения исполнительного производства и, применительно к п. 1 ч. 10 ст. 112 Федерального закона № 229-ФЗ, исключает возможность вынесения судебным приставом-исполнителем постановления о

взыскании исполнительского сбора, возбуждения соответствующего исполнительного производства.

Определение № 305-КГ17-23457

48. Суммы НДФЛ, уплаченные с вознаграждения (дохода) представителю налогоплательщика в суде, не уменьшают размер судебных издержек и подлежат возмещению в составе вознаграждения представителю в порядке статьи 110 АПК РФ.

Общество обратилось в суд с заявлением о взыскании с налогового органа судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных в связи с рассмотрением дела об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения.

К судебным расходам общество отнесло сумму дохода, выплаченную представителю, сумму перечисленных обществом в бюджет налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и страховые взносы.

Определением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено частично, в пользу общества взыскана судебные расходы на оплату услуг представителя. В остальной части заявленного требования отказано, поскольку заявленная к взысканию сумма НДФЛ не относится к судебным издержкам.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции в части отказа во взыскании судебных расходов в сумме НДФЛ отменено. Суд сделал вывод, что исполнение обществом публично-правовой обязанности по удержанию и перечислению в бюджет сумм НДФЛ не изменяет характер, содержание и размер понесенных им судебных расходов.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено в части отмены определения суда первой инстанции об отказе в удовлетворении заявления о взыскании судебных расходов в сумме НДФЛ. При этом суд указал, что перечисленная обществом в бюджет сумма НДФЛ не может быть расценена как понесенные в ходе рассмотрения спора судебные издержки, поскольку удержание и перечисление в бюджет данного налога свидетельствует об исполнении налоговым агентом своей обязанности, предусмотренной ст. 226 НК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа в части отмены постановления суда апелляционной инстанции о взыскании судебных расходов в сумме НДФЛ по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 101 АПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела арбитражным судом.

Согласно п. 1 ст. 226 НК РФ российские организации, индивидуальные предприниматели, нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, а также обособленные подразделения иностранных организаций в Российской Федерации, от которых или в результате отношений с которыми налогоплательщик получил доходы, указанные в п. 2 ст. 226 НК РФ, обязаны исчислить, удержать у налогоплательщика и уплатить сумму налога, исчисленную в соответствии со ст. 224 НК РФ с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей. Указанные лица именуются в настоящей главе налоговыми агентами.

При этом п. 2 ст. 226 НК РФ предусмотрено, что исчисление сумм и уплата налога, в соответствии с настоящей статьей, производятся в отношении всех доходов налогоплательщика, источником которых является налоговый агент, с зачетом ранее удержанных сумм налога (за исключением доходов, в отношении которых исчисление сумм налога производится в соответствии со ст. 214.7 НК РФ), а в случаях и порядке, предусмотренных ст. 227.1 НК РФ, - также с учетом уменьшения на суммы фиксированных авансовых платежей, уплаченных налогоплательщиком. Особенности исчисления и (или) уплаты налога по отдельным видам доходов устанавливаются ст. 214.3, 214.4, 214.5, 214.6, 214.7, 226.1, 227 и 228 НК РФ.

Согласно п. 4 ст. 226 НК РФ налоговые агенты обязаны удержать начисленную сумму налога непосредственно из доходов налогоплательщика при их фактической выплате с учетом особенностей, установленных настоящим пунктом.

Уплата налога за счет средств налоговых агентов не допускается. При заключении договоров и иных сделок запрещается включение в них налоговых оговорок, в соответствии с которыми выплачивающие доход налоговые агенты принимают на себя обязательства нести расходы, связанные с уплатой налога за физических лиц (п. 9 ст. 226 НК РФ).

Из совокупности вышеприведенных положений ст. 226 НК РФ следует, что организация – заказчик по договору возмездного оказания услуг, заключенному с физическим лицом, являясь налоговым агентом, обязана исчислить, удержать и уплатить в бюджет сумму НДФЛ в отношении вознаграждения (дохода), уплаченного привлеченному представителю по данному договору.

Таким образом, выплата представителю вознаграждения (дохода) невозможна без осуществления обязательных отчислений в бюджет. При этом произведенные заявителем как налоговым агентом представителя обязательные отчисления в бюджет не изменяют правовую природу суммы НДФЛ как части стоимости услуг представителя.

Определение № 310-КГ16-13086

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

49. Действия лица, которое после изнасилования и насильственных действий сексуального характера совершило убийство потерпевшей, полностью охватываются квалифицирующим признаком убийства, сопряженного с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, и указание на цель сокрытия другого преступления при совершении убийства не требуется.

Установлено, что М., находясь в состоянии алкогольного опьянения, потребовал от потерпевшей вступить с ним в половую связь, а когда она отказалась, действуя против ее воли, применяя насилие и угрожая убийством, демонстрируя нож, совершил в отношении нее действия сексуального характера и изнасилование.

После совершения насильственных действий сексуального характера и изнасилования у М. возник умысел на убийство потерпевшей с целью скрыть указанные преступления. Реализуя свой умысел, М. нанес потерпевшей не менее 5 ножевых ранений, от которых последовала ее смерть на месте происшествия.

Действия М. квалифицированы судом по п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ, по п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ и по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, изменила приговор по следующим основаниям.

Суд первой инстанции правильно квалифицировал действия М. по п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ как изнасилование и совершение действий сексуального характера с угрозой убийством и по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, сопряженное с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера.

Вместе с тем при квалификации действий осужденного по причинению смерти потерпевшей суд ошибочно указал на цель сокрытия другого преступления.

По смыслу закона убийство в процессе совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера, а также совершенное по окончании этих преступлений по мотивам мести за оказанное сопротивление или с целью их сокрытия, следует квалифицировать как убийство, сопряженное с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера.

Судом первой инстанции установлено, что непосредственно после изнасилования потерпевшей и совершения с ней действий сексуального характера осужденный с целью сокрытия указанных преступлений убил потерпевшую.

Цели сокрытия иных преступлений осужденный не преследовал, а потому содеянное им полностью охватывается квалифицирующим признаком убийства, как сопряженного с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении М. и исключила из его описательно-мотивировочной части указание суда при квалификации его действий по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на цель скрыть другое преступление.

Определение № 45-АПУ18-19

Назначение наказания

50. При назначении дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности в приговоре необходимо указывать определенный конкретными признаками круг должностей, на который распространяется запрещение.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) Н. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ к лишению свободы сроком на 5 лет в исправительной колонии общего режима, с применением ч. 3 ст. 47 УК РФ с лишением права занимать должности в правоохранительных органах сроком на 3 года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе адвоката в защиту интересов осужденного, изменила приговор в части назначенного Н. наказания.

Как следует из приговора (с учетом внесенных изменений), суд признал Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ и назначил ему за указанное преступление наряду с основным наказанием в виде лишения свободы дополнительный вид наказания - лишение права занимать должности в правоохранительных органах на определенный срок.

Согласно ч. 1 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

Исходя из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О

практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления. При этом в приговоре необходимо указывать определенный конкретными признаками круг должностей, на который распространяется запрещение (например, должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных полномочий).

Однако суд первой инстанции, назначив Н. дополнительный вид наказания в виде лишения права занимать должности в правоохранительных органах, не указал в приговоре определенный конкретными признаками круг должностей, на который распространяется запрещение, что свидетельствует о существенном нарушении норм уголовного закона при назначении виновному наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор и последующие судебные решения в отношении Н., при назначении ему дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности в правоохранительных органах сроком на 3 года, указала, что данные ограничения касаются запрета занимать должности связанные с осуществлением функций представителя власти и организационно-распорядительных полномочий в указанных органах.

Определение № 5-УД18-96

51. В тех случаях, когда в силу требований закона осужденному не может быть назначено наказание в виде лишения свободы (например, ч. 1 ст. 56 УК РФ), принудительные работы не назначаются.

С. признан виновным в том, что, являясь лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, совершил управление автомобилем, находясь в состоянии опьянения.

По приговору суда от 10 апреля 2018 г. С. осужден, помимо прочего, по ст. 264^1 УК РФ к 9 месяцам принудительных работ с лишением права управления транспортным средством на два года. На основании ч. 3 ст. 69, ст. 71 УК РФ С. назначено 17 лет лишения свободы с ограничением свободы на два года, с лишением права управлять транспортным средством на 2 года. При назначении наказания в виде ограничения свободы судом установлены ограничения и возложена обязанность из числа предусмотренных ст. 53 УК РФ, указанные в приговоре.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе адвоката в защиту интересов осужденного, изменила приговор в части наказания, назначенного за совершение преступления, предусмотренного ст. 264^1 УК РФ.

Как следует из приговора С. по ст. 264^1 УК РФ назначено наказание в виде принудительных работ. При этом судом не учтены требования ст. 53^1 и ч. 1 ст. 56 УК РФ при назначении наказания.

По смыслу ст. 53^1 УК РФ наказание в виде принудительных работ назначается только как альтернатива лишению свободы, то есть данный вид наказания может быть назначен осужденному лишь при условии, что ему может быть назначено и лишение свободы.

Между тем согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 данного Кодекса, или только если соответствующей статьей Особенной части указанного Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Преступление, которое совершил С., относится к категории небольшой тяжести, совершено им впервые при отсутствии отягчающих обстоятельств, а санкция ст. 264^1 УК РФ является альтернативной, предусматривает помимо лишения свободы и принудительных работ более мягкие виды наказания.

При таких обстоятельствах у суда отсутствовали правовые основания для назначения С. лишения свободы а, следовательно, и такого вида наказания как принудительные работы.

В силу изложенного Судебная коллегия изменила приговор и назначила С. по ст. 264^1 УК РФ наказание в виде обязательных работ на срок 320 часов с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на 2 года, смягчив ему наказание по совокупности преступлений.

Определение № 14-АПУ18-15

52. При решении вопроса о возможности применения ограничения свободы суд ошибочно признал лицо не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации, сославшись на то, что место его фактического проживания не совпадает с местом регистрации.

По приговору суда от 26 декабря 2017 г. Н. осужден по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы на 16 лет, по ч. 1 ст.222 УК

РФ к лишению свободы на 2 года со штрафом 20 000 рублей, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний, - к лишению свободы на 16 лет 6 месяцев со штрафом 20 000 рублей.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил приговор в отношении Н. изменить, назначив ему по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по совокупности преступлений дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год 6 месяцев. Автор представления отметил, что вывод суда об отсутствии у Н. места жительства на территории России противоречит обстоятельствам дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор в отношении Н. в части назначенного ему наказания по следующим основаниям.

Санкцией ч. 2 ст. 105 УК РФ ограничение свободы предусмотрено в качестве дополнительного наказания к лишению свободы, подлежащего обязательному назначению.

Согласно положениям ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы не назначается лишь военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации, либо в соответствии с ч. 1 ст. 64 УК РФ, если суд усмотрит в отношении осужденного исключительные обстоятельства.

Исключительных обстоятельств в отношении Н. суд не усмотрел. Однако, принимая во внимание, что Н. не проживает по месту регистрации и не имеет в собственности жилья, пришел к выводу, что он не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации.

Вместе с тем из материалов дела следует, что Н. является гражданином Российской Федерации, женат, имеет троих детей, вместе с детьми 2 мая 2007 г. зарегистрирован по месту жительства: г. Иркутск ул. Напольная, д. 337, фактически проживает в этом же городе, но по другому адресу, трудоустроен по месту жительства.

При таких обстоятельствах, когда у осужденного имеется и место регистрации и место жительства на территории одного российского города, при наличии данных о постоянстве проживания в нем, вывод суда об отсутствии у Н. места постоянного проживания на территории Российской Федерации нельзя признать соответствующим установленным судом фактическим обстоятельствам дела.

Данный вывод суда первой инстанции противоречит и положениям ст. 53 УК РФ, поскольку при принятия решения о ее применении не имеет значения, совпадает ли место регистрации с местом фактического проживания осужденного на территории России, находится ли жилище, в котором он проживает или зарегистрирован, в

его собственности, или он пользуется данным жилищем на иных законных основаниях.

На основании вышеизложенного Судебная коллегия изменила приговор и по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по совокупности преступлений, назначила дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год 6 месяцев, установив ограничения и возложив обязанность, предусмотренные ст. 53 УК РФ.

Определение № 66-АПУ18-5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

53. Действия и решения начальника медико-санитарной части, являющегося должностным лицом уголовно-исполнительной системы, могут быть обжалованы в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Б. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании постановления должностного лица исправительного учреждения о применении к нему меры взыскания в виде водворения в штрафной изолятор, а также оспаривал заключение временно исполняющего обязанности начальника медицинской части.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления в части требований к временно исполняющему обязанности начальника медицинской части отказано, поскольку учреждение здравоохранения (медицинская часть) не включено в систему органов государственной власти и не является организацией, наделенной в конкретном случае отдельными государственными или иными публичными полномочиями, а начальник (исполняющий обязанности) этого учреждения государственным или муниципальным служащим не является, в связи с чем законность оспариваемых Б. действий подлежит проверке в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты по следующим основаниям.

Конституция Российской Федерации каждому гарантирует судебную защиту его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (части 1 и 2 статьи 46).

Положения части 1 статьи 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации предоставляют гражданину право обратиться в суд в том числе с требованиями об оспаривании бездействия органа государственной власти иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, если он полагает, что нарушены его права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов.

В силу пункта 2 части 2 статьи 1 поименованного кодекса суды в порядке, предусмотренном этим кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании бездействия органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц.

Согласно статье 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» охрана здоровья граждан – система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарнопротивоэпидемического (профилактического) характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами.

Пунктом 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 (далее – Положение), установлено, что Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осуждённых и осуждённых, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений.

Согласно абзацу четвертому подпункта 2 пункта 7 Положения ФСИН России осуществляет медико-санитарное обеспечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей, федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, а также

применение к осужденным принудительных мер медицинского характера и обязательного лечения.

Приказом ФСИН России от 22 декабря 2014 г. № 743 утверждено Типовое штатное расписание медико-санитарной части, в соответствии с которым начальник медико-санитарной части – врач, а также иные лица, замещающие должности врачей, имеют специальные звания внутренней службы.

Следовательно, начальник медицинской части в данном случае является должностным лицом уголовно-исполнительной системы, оспаривание действий и решений которого осуществляется в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Определение № 44-КГ18-13

54. Несогласие заявителя с размером денежной компенсации за утраченное жилье и имущество не может являться основанием для продления заявителю срока действия статуса вынужденного переселенца.

Х. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконными действий уполномоченного органа, выразившихся в отказе продлить срок действия статуса вынужденного переселенца.

В обоснование заявленных требований указал, что до 1995 г. постоянно проживал в Чеченской Республике, затем переехал на временное место жительства в Республику Ингушетия и ему был предоставлен статус вынужденного переселенца, срок действия которого регулярно продлевался, в том числе на основании судебных решений.

В декабре 2016 г. уполномоченный орган принял решение об отказе в продлении срока действия статуса вынужденного переселенца в связи с получением заявителем в 1999 г. компенсации за утраченное жилье и имущество в Чеченской Республике.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Постановлением президиума суда кассационной инстанции судебный акт суда апелляционной инстанции отменен, дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении дела суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение об удовлетворении административного искового заявления, указав, что произведенная истцу выплата денежной компенсации за утраченное жилье не может служить основанием для отказа в продлении ему статуса

вынужденного переселенца, поскольку размер этой компенсации не соответствует стоимости утраченного жилья и имущества в Чеченской Республике.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Статус вынужденных переселенцев определен Законом Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-I «О вынужденных переселенцах» (далее – Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4530-I, Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах»).

Этим же законом установлены экономические, социальные и правовые гарантии защиты их прав и законных интересов на территории Российской Федерации.

Согласно названному закону вынужденный переселенец – гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка (пункт 1 статьи 1).

В соответствии со статьей 5 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4530-I решение о признании лица вынужденным переселенцем является основанием для предоставления ему гарантий, установленных данным законом, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (пункт 2).

Статус вынужденного переселенца предоставляется на пять лет. Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий принимают меры, предусмотренные статьей 7 указанного закона, по обеспечению обустройства вынужденного переселенца и членов его семьи на новом месте жительства на территории Российской Федерации (пункт 4).

Пунктом 5 названной статьи предусмотрено, что срок действия статуса вынужденного переселенца продлевается территориальным органом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, на каждый последующий год по заявлению вынужденного переселенца при

наличии одновременно следующих оснований: вынужденный переселенец и (или) члены семьи вынужденного переселенца, в том числе не имеющие статуса вынужденного переселенца, не являются нанимателями жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилого помещения на территории Российской Федерации (подпункт 1); неполучение вынужденным переселенцем и (или) членами семьи вынужденного переселенца, в том числе не имеющими статуса вынужденного переселенца, денежной компенсации за утраченное жилье (подпункт 2); неполучение вынужденным переселенцем и (или) членами семьи вынужденного переселенца, имеющими статус вынужденного переселенца, долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство (приобретение) жилья до 1 января 2003 года (подпункт 3); неполучение вынужденным переселенцем и (или) членами семьи вынужденного переселенца, имеющими статус вынужденного переселенца, безвозмездной субсидии на строительство (приобретение) жилья до 16 октября 2010 года (подпункт 4); неполучение вынужденным переселенцем и членами семьи вынужденного переселенца, в том числе не имеющими статуса вынужденного переселенца, социальной выплаты на приобретение (строительство, восстановление) жилого помещения (подпункт 5); неполучение вынужденным переселенцем и членами семьи вынужденного переселенца, в том числе не имеющими статуса вынужденного переселенца, в установленном законодательством Российской Федерации порядке от органа государственной власти или органа местного самоуправления бюджетных средств на строительство (приобретение) жилого помещения (подпункт 6); непредоставление вынужденному переселенцу и (или) членам семьи вынужденного переселенца, в том числе не имеющим статуса вынужденного переселенца, в установленном порядке от органа государственной власти или органа местного самоуправления земельного участка для строительства жилого дома (подпункт 7).

В силу подпункта 2 пункта 2 статьи 9 Закона Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» лицо утрачивает статус вынужденного переселенца в связи с истечением срока предоставления статуса в соответствии с пунктом 4 статьи 5 данного закона.

Таким образом, приведенные законоположения, устанавливающие пятилетний срок действия статуса вынужденного переселенца с правом последующего его ежегодного продления, а также основания его утраты, обусловливают временный характер данного статуса, признаваемого за гражданином, покинувшим свое место жительства вследствие стечения крайне тяжелых жизненных обстоятельств, и предполагающего в связи с этим необходимость предоставления государственной поддержки, способствующей его обустройству на новом месте жительства.

Согласно пункту 1 статьи 7 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-I федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий в том числе осуществляют постановку вынужденного переселенца на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации независимо от срока проживания в соответствующей местности; оказывают вынужденному переселенцу помощь при вступлении в жилищный, жилищно-строительный или иной специализированный потребительский кооператив, помощь в индивидуальном жилищном строительстве, включая предоставление (приобретение) земельного участка и приобретение строительных материалов в установленном порядке; предоставляют вынужденным переселенцам, нуждающимся в получении жилых помещений, социальные выплаты на их приобретение (указанные социальные выплаты за счет средств федерального бюджета предоставляются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации).

Правительство Российской Федерации постановлением от 30 апреля 1997 г. № 510 утвердило Порядок выплаты компенсаций за утраченное жилье и/или имущество гражданам, пострадавшим в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике и покинувшим ее безвозвратно (далее – Порядок).

Судами установлено, что административными истцами в соответствии с Порядком была получена денежная компенсация за утраченное жилье и имущество в Чеченской Республике, что послужило основанием для отказа уполномоченного органа в продлении заявителям срока действия статуса вынужденного переселенца.

Несогласие административных истцов с размером полученной суммы денежной компенсации за утраченное жилье не имеет правового значения, поскольку судом разрешается вопрос о правомерности отказа в продлении статуса вынужденного переселенца.

Определение № 26-КГ18-46

Практика применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

55. Лицо, управляющее транспортным средством, на наружные поверхности которого нанесены специальные цветографические схемы, сходные до степени смешения с цветографическими схемами автомобилей оперативных служб,

подлежит административной ответственности по части 6 статьи 12.5 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением заместителя председателя городского суда, Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 6 статьи 12.5 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за управление транспортным средством, на наружные поверхности которого незаконно нанесены специальные цветографические схемы автомобилей оперативных служб, и подвергнут административному наказанию.

При этом из материалов дела усматривалось, что Г. управлял автомобилем, окрашенным в ярко-желтый (лимонный) цвет, на поверхности которого были нанесены полосы красного цвета с надписью белого цвета «Аварийная служба метро», что свидетельствует о наличии на автомобиле специальных цветографических схем, сходных до степени смешения с цветографическими схемами автомобилей скорой медицинской помощи.

Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного частью 6 статьи 12.5 КоАП РФ, заключается в нарушении требований пункта 11 Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностей должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Основные положения).

Согласно пункту 11 Основных положений и пункту 7.8 Перечня неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств (Приложение к Основным положениям) запрещается эксплуатация транспортных средств с нанесенными на наружные поверхности специальными цветографическими схемами, надписями и обозначениями, не соответствующими государственным стандартам Российской Федерации.

В силу пункта 6 Технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств», принятого решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 (далее – Технический регламент о безопасности колесных транспортных средств), цветографическая схема – это графическое изображение компоновки, конфигурации и композиционной взаимосвязи основного цвета, декоративных полос, опознавательных знаков и информационных надписей, нанесенных на наружную поверхность транспортного средства.

Пунктом 2.4.2.1.1 Приложения № 6 к Техническому регламенту о

безопасности колесных транспортных средств и пунктом 4.1.1 ГОСТ Р 50574-2002 «Автомобили, автобусы и мотоциклы оперативных служб. Цветографические схемы, опознавательные знаки, надписи, специальные световые и звуковые сигналы. Общие требования», принятого постановлением Госстандарта Российской Федерации от 15 декабря 2002 г. № 473-ст (далее – ГОСТ), определяется состав цветографических схем, согласно которому цветографическая схема наружных поверхностей транспортных средств оперативных служб состоит из следующих элементов: основного цвета наружных поверхностей транспортного средства; декоративных полос; информационных надписей; опознавательных знаков.

ГОСТом устанавливаются, в частности, цвета покрытия наружных поверхностей транспортных средств оперативных служб. Так, определено, что автомобили скорой медицинской помощи имеют основной цвет покрытия белый или лимонный с красными декоративными полосами.

ГОСТом также определено, что его требования являются обязательными, использование цветографических схем, специальных световых и звуковых сигналов на транспортных средствах, не относящихся к оперативным службам, не допускается.

При квалификации действий водителя по части 6 статьи 12.5 КоАП РФ достаточным для вывода о незаконности нанесения специальных цветографических схем на автомобиль является наличие нескольких элементов из перечисленных в ГОСТе и Техническом регламенте о безопасности колесных транспортных средств.

Судебными инстанциями после исследования фактических обстоятельств дела сделан правильный вывод о том, что нанесенные на автомобиле цветографические схемы, с учетом композиционной взаимосвязи имеющихся элементов, сходны до степени смешения с цветографическими схемами автомобилей оперативных служб.

В связи с изложенным судьей Верховного Суда Российской Федерации подтверждена обоснованность выводов судей нижестоящих судебных инстанций о наличии в действиях Г. состава административного правонарушения, предусмотренного частью 6 статьи 12.5 КоАП РФ.

Постановление № 5-АД18-18

56. При решении вопроса о том, считается ли лицо подвергнутым административному наказанию в соответствии с положениями статьи 4.6 КоАП РФ, подлежит установлению момент окончания исполнения постановления о назначении административного наказания в полном объеме.

В отношении Б. составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ,

устанавливающей административную ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Согласно данному протоколу Б. 12 октября 2017 г. управлял транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения.

Прекращая производство по делу об административном правонарушении в отношении Б. в связи с отсутствием в его деяниях состава административного правонарушения и наличием оснований полагать, что содеянное Б. влечет уголовную ответственность, мировой судья исходил из следующего.

Статьей 4.6 КоАП РФ определено, что лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Как следует из копии постановления мирового судьи, вступившего в законную силу 17 февраля 2015 г., Б. ранее был привлечен к административной ответственности по части 1 статьи 12.8 КоАП РФ.

Назначенное Б. административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами на срок полтора года отбыто им 17 августа 2016 г.

Вместе с тем административный штраф в размере 30 000 рублей, назначенный Б. в качестве основного административного наказания, в установленный законом срок уплачен им не был.

Исполнительное производство по взысканию с Б. административного штрафа в размере 30 000 рублей окончено судебным приставом-исполнителем 29 марта 2017 г. в связи с истечением срока давности исполнения постановления о назначении административного наказания.

Частью 2 статьи 31.2 КоАП РФ установлено, что постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению в полном объеме с момента его вступления в законную силу, за исключением случая, предусмотренного частью 1.3 статьи 32.2 данного кодекса.

В части 1 статьи 31.9 КоАП РФ определено общее правило, согласно которому постановление о назначении административного наказания не подлежит исполнению в случае, если это постановление не было приведено в исполнение в течение двух лет со дня его вступления в законную силу.

При применении статьи 4.6 КоАП РФ и решении вопроса о том, считается ли лицо подвергнутым административному наказанию, подлежит установлению момент, когда исполнение постановления о

назначении административного наказания было окончено в полном объеме, учитывая при этом положения статьи 31.9 КоАП РФ о сроках давности исполнения постановления о назначении административного наказания.

В том случае, когда отсутствуют сведения об уплате административного штрафа в течение двух лет со дня вступления постановления о назначении данного административного штрафа в законную силу, а также не имеется сведений о перерыве течения названного срока давности, днем окончания исполнения постановления о назначении административного штрафа (независимо от календарной даты, когда судебным приставом-исполнителем принято решение об окончании исполнительного производства) будет являться день, в который истекли два года со дня вступления данного постановления в законную силу.

Следовательно, лицо будет считаться подвергнутым соответствующему административному наказанию до истечения одного года с указанного дня.

Срок, предусмотренный статьей 4.6 КоАП РФ, в течение которого Б. считается подвергнутым административному наказанию, в рассматриваемом случае истекал 17 февраля 2018 г., то есть по прошествии одного года после истечения двух лет со дня вступления постановления мирового судьи в законную силу.

Таким образом, по состоянию на 12 октября 2017 г. Б. являлся лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

На основании изложенного мировой судья пришел к обоснованному выводу о том, что совершенное 12 октября 2017 г. Б. деяние содержит признаки уголовно наказуемого деяния, в связи с чем прекратил производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ.

Постановление № 33-АД18-5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

57. Прохождение военнослужащим военной службы по контракту не на воинской должности возможно лишь на основании приказа соответствующего воинского должностного лица.

Решением Пензенского гарнизонного военного суда от 8 ноября 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением

Приволжского окружного военного суда от 12 января 2018 г., А. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным приказ командира воинской части в части прекращения ему выплаты денежного довольствия как военнослужащему, находящемуся на воинской должности.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что А. проходил военную службу по контракту в воинской части в должности начальника центральной лаборатории объекта по хранению и уничтожению химического оружия.

Заключением военно-врачебной комиссии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова Министерства обороны Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. А. признан негодным к службе с токсичными веществами, в связи с чем решением квалификационной комиссии воинской части от 20 апреля 2017 г. он был отстранен от исполнения обязанностей военной службы. В решении комиссии также указано, что со дня, следующего за днем получения утвержденного заключения военно-врачебной комиссии, ему не будет выплачиваться денежное довольствие с учетом повышения, предусмотренного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2002 г. № 187.

После этого приказом командира воинской части от 20 апреля 2017 г. № 78 А. был освобожден от исполнения служебных обязанностей по болезни на срок до исключения из списков личного состава воинской части, ему прекращены выплаты процентных надбавок, как военнослужащему, проходящему военную службу на специальных объектах, по перечню, утвержденному государственным органом, за классную квалификацию «специалист первого класса».

Приказом того же должностного лица от 28 апреля 2017 г. А. прекращена выплата с 20 апреля 2017 г. повышенного должностного оклада, предусмотренного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2002 г. № 187.

Кроме того, на основании приказов командира воинской части от 5 апреля 2017 г., от 1 июня 2017 г., от 3 июля 2017 г. и от 4 августа 2017 г. А. прекращена с 20 апреля 2017 г. выплата ежемесячной премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей.

Приказом начальника Федерального управления по безопасному хранению и уничтожению химического оружия при Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации от 22 мая 2017 г. А. уволен с военной службы в отставку по состоянию здоровья и

приказом командира воинской части от 12 августа 2017 г. исключен из списков личного состава воинской части с этой же даты.

Отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суд в обоснование принятого решения сослался на освобождение А. в связи с болезнью с 20 апреля 2017 г. до исключения из списков личного состава воинской части от исполнения обязанностей военной службы. Кроме того, суд указал, что с 13 февраля по 31 мая 2017 г. административный истец проходил переподготовку по гражданской специальности как увольняемый военнослужащий, с 1 июня по 10 июля 2017 г. находился в отпуске по личным обстоятельствам, а с 11 июля по 11 августа 2017 г. находился в основном отпуске за 2017 г.

Суд апелляционной инстанции с указанными выводами гарнизонного военного суда согласился.

Между тем судом неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, что повлекло нарушение норм материального права.

Суд первой инстанции, указав на неисполнение А. обязанностей военной службы как на основание для прекращения ему выплаты дополнительных выплат к денежному довольствию, не выяснил, освобождался ли административный истец от занимаемой должности уполномоченным воинским должностным лицом и зачислялся ли он в распоряжение командира (начальника).

Эти обстоятельства являются юридически значимыми.

Согласно пп. 1 и 4 ст. 42 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Закон о воинской обязанности и военной службе) военнослужащий проходит военную службу на воинской должности, за исключением случаев нахождения в распоряжении командира (начальника).

Назначение на воинские должности и освобождение от воинских должностей в силу п. 1 ст. 43 Закона о воинской обязанности и военной службе осуществляются: военнослужащих, для которых штатом предусмотрены воинские звания высших офицеров, – указами Президента Российской Федерации; остальных военнослужащих – в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы.

В соответствии с п. 1 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее – Положение о прохождении военной службы), для решения вопросов дальнейшего прохождения военной службы военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут быть зачислены в распоряжение, как правило, ближайшего прямого командира (начальника), имеющего право издания приказов, должностным лицом, имеющим право

назначения на воинскую должность, которую замещает указанный военнослужащий.

Кроме того, в целях реализации Закона о воинской обязанности и военной службе и Положения о прохождении военной службы приказом Министра обороны Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 3733 утвержден Порядок реализации правовых актов по вопросам назначения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на воинские должности, освобождению их от воинских должностей, увольнению с военной службы и присвоению им воинских званий, согласно п. 1 которого назначение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на воинские должности, освобождение их от воинских должностей, увольнение с военной службы и присвоение им воинских званий осуществляются приказами соответствующих командиров (начальников) по личному составу.

Из изложенного следует, что прохождение военнослужащим военной службы по контракту не на воинской должности возможно лишь на основании приказа соответствующего воинского должностного лица об освобождении его от занимаемой должности и о зачислении в распоряжение командира (начальника). До освобождения такого военнослужащего от занимаемой воинской должности на основании приказа соответствующего командира (начальника) по личному составу он считается проходящим военную службу на воинской должности.

Несмотря на то, что названные нормы права подлежали применению при оценке правомерности прекращения А. дополнительных выплат к денежному довольствию, как военнослужащему, проходящему военную службу на должности, судом этого сделано не было.

Оставлены судом без внимания и иные положения норм права, касающиеся правил прекращения перечисленных в административном исковом заявлении дополнительных выплат к денежному довольствию.

Однако эти обстоятельства судом установлены не были.

Что касается фактического неисполнения административным истцом в период с 13 февраля по 11 августа 2017 г. обязанностей по занимаемой воинской должности в связи с нахождением на переподготовке и в отпусках, а также освобождения его от исполнения обязанностей военной службы командиром воинской части, то с учетом изложенного выше эти обстоятельства сами по себе не являются основанием для прекращения А. дополнительных выплат к денежному довольствию.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты, а дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 203-КГ18-7

По уголовным делам

58. Мотивы преступных действий, связанные с религиозной враждой, являются признаками преступных деяний экстремистской направленности, включая преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 280 УК РФ, в связи с чем они не могут учитываться в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, при осуждении виновного лица за указанное преступление.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 19 июля 2018 г. Д. осужден в том числе по ч. 2 ст. 280 УК РФ за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Обстоятельством, отягчающим наказание Д., судом был признано совершение им указанного преступления по мотивам религиозной вражды.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из приговора указание о признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 280 УК РФ, совершение его по мотивам религиозной вражды и смягчила ему наказание по указанной статье УК РФ и по совокупности преступлений.

В обоснование Судебная коллегия указала следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Обстоятельством, отягчающим наказание Д. по ч. 2 ст. 280 УК РФ, суд признал совершение им этого преступления по мотивам религиозной вражды.

По приговору суда Д. осужден за то, что, действуя на почве религиозной вражды, с целью ознакомления неограниченного круга лиц на общедоступной странице одной из социальных сетей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» разместил текстовой материал, содержащий публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а именно призывающие к насильственным действиям по мотиву религиозной вражды. Тем самым Д. совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 280 УК РФ.

В соответствии с положениями ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская деятельность (экстремизм) включает, в

частности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

Согласно примечанию 2 к ст. 282^1 УК РФ и, как разъяснено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст. 280, 280^1, 282, 282^1, 282^2, 282^3 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание.

Таким образом, указанные выше мотивы преступных действий, в том числе связанные с религиозной враждой, являются признаками преступных деяний экстремистской направленности, включая преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 280 УК РФ, за совершение которого осужден Д.

Наличие в действиях Д. мотива, связанного с религиозной враждой, обусловило его уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и квалификацию содеянного им по ч. 2 ст. 280 УК РФ, в связи с чем указание об этом как об отягчающем наказание обстоятельстве противоречит требованиям ч. 2 ст. 63 УК РФ и подлежит исключению из приговора.

Апелляционное определение № 205-АПУ18-23

59. Назначение судом максимального наказания, которое могло быть назначено осужденному, при наличии смягчающих наказание обстоятельств и других положительных данных о личности повлекло изменение приговора.

По приговору Приволжского окружного военного суда от13 июля 2018 г. Л. осужден помимо прочего за приготовление к совершению

террористического акта по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) к лишению свободы на срок 5 лет.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в данной части изменила, смягчила наказание, назначенное по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) и по совокупности преступлений. При этом Судебная коллегия исходила из следующего.

Согласно ч. 2 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части названного кодекса за оконченное преступление.

Поскольку санкция статьи ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) предусматривает наказание от 10 до 15 лет лишения свободы, Л. не могло быть назначено наказание, превышающее 7 лет 6 месяцев лишения свободы.

Кроме того, при назначении наказания суд, в отсутствие отягчающих обстоятельств, признал смягчающим обстоятельством активное способствование Л. раскрытию и расследованию преступлений, в связи с чем в соответствии п. «и» ч. 1 ст. 61 и ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания не могли превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ), то есть пяти лет лишения свободы (7 лет 6 месяцев х 2/3 = 5 лет).

Данный размер наказания является максимальным для Л. по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Между тем судом первой инстанции учтены в качестве смягчающих наказание обстоятельств, помимо активного способствования Л. раскрытию и расследованию преступлений, частичное признание им своей вины на предварительном следствии и в судебном заседании, молодой возраст, а также приняты во внимание сведения о его личности, что он ранее не судим, характеризовался по месту учебы и жительства удовлетворительно, и семейное положение.

Наличие указанных смягчающих наказание обстоятельств и данные о личности осужденного не позволяли суду первой инстанции назначить ему максимальное наказание, которое могло быть ему назначено по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Апелляционное определение № 203-АПУ18-18

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

60. Нарушение положений ст. 303 УПК РФ, запрещающей внесение в приговор исправлений после его провозглашения, а также ст. 310, 312 УПК РФ, регулирующих порядок провозглашения приговора, является виновным и существенным, поскольку подрывает авторитет судебной власти, доверие граждан к судьям как носителям судебной власти и к правосудию в целом.

Решением квалификационной коллегии судей от 23 июня 2017 г. судья Т. привлечена к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи городского суда за совершение дисциплинарного проступка.

Дисциплинарная коллегия, рассмотрев в открытом судебном заседании административное дело по жалобе Т. на решение квалификационной коллегии, в своем решении указала следующее.

Исследованные в судебном заседании материалы свидетельствуют о том, что допущенные судьей Т. нарушения процессуального законодательства, в том числе по уголовному делу в отношении К., соответствуют тем, что указаны в решении квалификационной коллегии судей.

Из апелляционного определения по уголовному делу в отношении К. следует, что судьей Т. допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, что явилось основанием для отмены обвинительного приговора по уголовному делу с направлением дела на новое судебное разбирательство. В адрес судьи Т. вынесено частное определение.

Нарушение закона выразилось в том, что содержание оглашенного судьей Т. текста приговора в отношении К. существенно отличается от текста приговора, имеющегося в деле, и текстов копий приговора, врученных сторонам. Расхождения между оглашенным приговором и содержащимся в материалах уголовного дела приговором в отношении К. составляют более 800 слов и знаков препинания. Кроме того, не оглашено, но внесено в приговор более 200 слов.

Такие значительные расхождения между текстами оглашенного и имеющегося в деле приговоров суд апелляционной инстанции расценил как неустранимое в суде апелляционной инстанции существенное нарушение уголовно-процессуального закона, которое путем лишения или ограничения гарантированных прав участников уголовного судопроизводства или иным путем повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

В частном определении, вынесенном в адрес судьи Т., не только обращено внимание на указанное нарушение уголовно-процессуального закона, но и сделан вывод о том, что подобные факты

подмены приговоров или внесения в них исправлений после провозглашения недопустимы в судебной практике, поскольку подрывают авторитет судебной власти, доверие граждан к судьям как носителям судебной власти и к правосудию в целом.

Данные обстоятельства подтверждены материалами дела, в том числе аудиозаписью оглашения приговора судьей Т. Принадлежность Т. голоса, содержащегося на представленных экспертам аудиозаписях, подтверждается заключением экспертов Экспертно-криминалистического центра главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве.

Таким образом, Т. грубо нарушила требования уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела в отношении К., в том числе положений ст. 303 УПК РФ, запрещающей внесение в приговор исправлений после его провозглашения, а также ст. 310, 312 УПК РФ, регулирующих порядок провозглашения приговора и вручения его копий, на что указывалось в представлении о привлечении Т. к дисциплинарной ответственности.

Кроме того, в судебном заседании Дисциплинарной коллегии нашли свое подтверждение и другие нарушения уголовно-процессуального законодательства.

Так, судьей Т. допущены нарушения, связанные с вопросами обращения приговоров к исполнению в отношении 8 осужденных.

По уголовному делу в отношении С. судьей Т. были неправильно применены положения ст. 81 УК РФ об освобождении от наказания в связи с болезнью, а также требования нормативных правовых актов, регламентирующих процедуру освобождения осужденного от отбывания наказания ввиду данного обстоятельства.

Дисциплинарная коллегия отметила, что допущенное судьей Т. нарушение по своему характеру является виновным и существенным. Оно не может рассматриваться как ошибка в толковании и применении норм права, то есть как судебная ошибка. Нарушения, допущенные судьей Т., носят очевидный характер, они повлекли искажение принципов уголовного судопроизводства, грубое нарушение прав участников процесса, что свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий.

При разрешении вопроса о виде дисциплинарного взыскания квалификационной коллегией судей, вопреки доводам жалобы административного истца, учтены обстоятельства совершения проступка, его тяжесть, данные о личности и семейном положении Т., ее профессиональные качества и стаж работы в должности судьи, то есть все те обстоятельства, на которые она обращает внимание.

Решение о привлечении Т. к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи вынесено квалификационной коллегией в правомочном составе, тайным

голосованием, большинством голосов. Нарушений процедуры голосования не установлено.

На основании изложенного Дисциплинарная коллегия в удовлетворении жалобы Т. отказала.

Решение № ДК17-56

61. Постановление решения по делу без проведения судебного заседания в нарушение положений ст. 155, 157, 160, 161, 164, 192–195 ГПК РФ, регламентирующих проведение судебного разбирательства и вынесение судебного решения, несовместимо с высоким званием судьи, подрывает доверие к судье и не дает оснований рассчитывать на то, что это доверие будет восстановлено при дальнейшем осуществлении полномочий судьи.

Дисциплинарная коллегия отказала в удовлетворении жалобы судьи Д. на решение квалификационной коллегии судей от 22 декабря 2017 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи городского суда за совершение дисциплинарного проступка и решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 28 марта 2018 г.

В судебном заседании Дисциплинарной коллегии установлен факт ненадлежащего исполнения судьёй Д. своих должностных обязанностей по находившемуся в его производстве гражданскому делу по иску Г. к публичному акционерному обществу «Росгосстрах» о взыскании страхового возмещения по договору обязательного страхования автогражданской ответственности, выразившегося в следующем.

Судебное заседание по гражданскому делу было назначено на 9 часов 30 минут 31 марта 2017 г. в помещении суда.

Однако Д. к началу судебного заседания в здание суда не прибыл, судебное заседание не проводил. Позднее, 11 апреля 2017 г., Д. изготовил судебное решение по данному делу. Кроме того, по его распоряжению был изготовлен протокол судебного заседания. В этих документах указано, что судебного заседания проведено в назначенное время и по делу постановлено решение.

9 августа 2017 г. областной суд по результатам апелляционного рассмотрения дела отменил решение по этому делу, констатировав, что судебное заседание не проводилось, решение в совещательной комнате не выносилось, чем существенно нарушены требования статей 155, 157, 160, 161, 164, 192–195 ГПК РФ, регламентирующие проведение судебного разбирательства и вынесение судебного решения. В адрес судьи Д. вынесено частное определение.

Квалификационная коллегия оценила эти судебные ошибки как следствие некомпетентности и небрежности судьи, то есть недобросовестного исполнения им функций по осуществлению

правосудия, приводящего к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и существенному нарушению прав участников процесса.

При выборе дисциплинарного взыскания квалификационной коллегией в достаточной степени учтены характер совершенного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, существенность допущенных Д. нарушений, его отношение к содеянному, данные о его личности.

Решение № ДК18-33

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Какое юридическое лицо необходимо указывать в качестве должника в исполнительном листе, выдаваемом на основании судебного акта об удовлетворении требования о взыскании судебных расходов с кредитной организации, признанной банкротом, по делам, рассмотренным в исковом порядке вне рамок дела о банкротстве при участии государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» как конкурсного управляющего кредитной организации?

ОТВЕТ. В силу статей 189[77] и 189[78] Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», выступая конкурсным управляющим кредитной организации, признанной банкротом, осуществляет полномочия руководителя этой кредитной организации.

В случае отказа в удовлетворении требований несостоятельной кредитной организации о взыскании задолженности, предъявленных от ее имени государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов», судебные расходы по правилам статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации могут быть возложены на проигравшую сторону, то есть саму кредитную организацию.

В связи с изложенным при выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение судебного акта об удовлетворении требования о взыскании судебных расходов с кредитной организации, признанной банкротом, по делам, рассмотренным вне рамок дела о банкротстве в исковом порядке, в качестве должника в нем должна указываться не государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», а представляемая ею кредитная организация, признанная банкротом.

ВОПРОС 2. Как следует разграничивать составы административных правонарушений, предусмотренных частью 1 статьи 19.3 и частью 5 статьи 20.2 КоАП РФ, при привлечении к административной ответственности участников публичных мероприятий?

ОТВЕТ. Нарушение участником мирного публичного мероприятия установленного порядка проведения такого мероприятия, влекущее административную ответственность по части 5 статьи 20.2 КоАП РФ, может иметь место только в случае невыполнения (нарушения) участником публичного мероприятия обязанностей (запретов), установленных частями 3, 4 статьи 6 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

К числу таких обязанностей относится, в частности, необходимость выполнения всех законных требований сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации.

Вместе с тем невыполнение законных требований сотрудников органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка, безопасности граждан и контролю за соблюдением законности, не связанных непосредственно с проведением публичного мероприятия (например, отказ предъявить документы, удостоверяющие личность гражданина, если имеются данные, дающие основания подозревать его в совершении преступления или полагать, что он находится в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении его дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для задержания такого лица в случаях, предусмотренных федеральным законом (часть 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 19.3 КоАП РФ, в том числе в случае, если упомянутые обстоятельства имели место в ходе проведения публичного мероприятия.

При этом указание на невыполнение лицом законных требований сотрудников органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка, безопасности граждан и контроля за соблюдением законности, не связанных непосредственно с проведением публичного мероприятия, в соответствии с требованиями части 2 статьи 28.2 КоАП РФ должно быть отражено в протоколе об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 19.3 названного кодекса.

Таким образом, при квалификации тех или иных действий (бездействия) участников публичного мероприятия в качестве подпадающих под признаки составов административных

правонарушений, предусмотренных частью 1 статьи 19.3 либо частью 5 статьи 20.2 КоАП РФ, необходимо оценивать их связь с проводимым публичным мероприятием.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в том числе и в статью 22 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I.

Новая редакция указанной статьи предусматривает, что «нотариусу, занимающемуся частной практикой, в связи с совершением нотариального действия оплачиваются услуги правового и технического характера, включающие в себя правовой анализ представленных документов, проектов документов, полученной информации, консультирование по вопросам применения норм законодательства, осуществление обязанностей и полномочий, предусмотренных законодательством, в связи с совершением нотариального действия, изготовление документов, копий, скан-образов документов, отображений на бумажном носителе образов электронных документов и информации, полученной в том числе в электронной форме, техническое обеспечение хранения документов или депонированного имущества, в том числе денежных сумм, иные услуги правового и технического характера.

Размер оплаты нотариального действия, совершенного нотариусом, занимающимся частной практикой, определяется как общая сумма нотариального тарифа, исчисленного по правилам настоящей статьи, и стоимости услуг правового и технического характера, определяемой с учетом предельных размеров, установленных в соответствии со статьями 25 и 30 настоящих Основ.».

С учетом этого из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г., исключается пример номер 9 (определение № 31-КГ18-3), который содержит ссылку на указанную выше статью в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений.